

**III МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ЗИМНЯЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ СНО**

ВОПРОСЫ КОЛОНИАЛИЗМА В
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

**СБОРНИК
СТАТЕЙ**

30.11–02.12 2023 г.

Издательство Скифия-принт, Санкт-Петербург, 2024

ББК 66.49

УДК 327

3-62

Редакторы: Балавина Е.К., Боброва А.Ю., Болиев С.О., Габриелян М.О., Ефимова А.А., Зайцев В.О., Карпушева В.А., Князева П.Д., Козлова К.В., Крупина А.А., Кузьмин И.А., Кулагина Ю.В., Луценко А.Н., Машенин А.В., Перова П.С., Субботин И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет)

Рецензенты:

Акимов Ю.Г., д.и.н., профессор кафедры американских исследований СПбГУ
Голубев Д.С., к.полит.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ
Добронравин Н.А., д.филол.н., профессор кафедры мировой политики СПбГУ

Портнягина М.Д., к.и.н., доцент кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ

Ткаченко С.Л., д.э.н., профессор кафедры европейских исследований СПбГУ
Трещенков Е.Ю., к.и.н., доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве СПбГУ

Фёдоров Н.В., к.и.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ
Чихачёв А.Ю., к.полит.н., старший преподаватель кафедры европейских исследований СПбГУ

3-62 Зимняя конференция СНО: Вопросы колониализма в международных отношениях: сборник статей Третьей международной студенческой научной конференции 30 ноября — 2 декабря 2023 г. / Балавина Е.К. и др. [ред.]. — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2024. — 267 с.

ISBN 978-5-00197-126-9

Сборник содержит доклады участников Третьей международной студенческой научной конференции «Зимняя конференция СНО: Вопросы колониализма в международных отношениях», проведенной на базе Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета с 30 ноября по 2 декабря 2023 г. Представлены результаты работы 7 секций, сформированных по региональному и проблемному принципу и объединённых целью осмыслить наследие колониального периода на политические, экономические и социокультурные процессы современных государств.

ISBN 978-5-00197-126-9

© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В АКТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ЕВРОПЫ»

- Ивлева Екатерина Павловна*
Постколониальное измерение политики в отношении саамов
в Норвегии в XXI веке 6
- Калинин Никита Дмитриевич*
Имперское прошлое Испании в дискурсе партии Vox 17
- Карпушева Виктория Алексеевна, Козлова Кристина Васильевна*
Неоколониальный дискурс в политике современной
Финляндии: кейс миграционной политики партии «Истинные
финны» 27
- Ненашева Анастасия Евгеньевна, Юрченко Вероника Алексеевна*
Роль постколониального дискурса во внутренней и внешней
политике Королевства Дания в XXI веке 37
- Крюкова Анна Игоревна, Силантьев Евгений Алексеевич*
Взаимосвязь колониального прошлого с современным
сепаратизмом и национализмом в Европе на примере Испании
и Великобритании 47

СЕКЦИЯ «КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ»

- Абязов Фархат Рустемович*
Развитие антиосманизма в КСА до и после начала нормализации
отношений с Турецкой Республикой. 56
- Климов Александр Павлович*
Турция в Северной Африке: «неоколониализм» или
взаимовыгодное сотрудничество. 66
- Черныш Никита Андреевич,*
Франко-алжирские отношения после 1962 года: реабилитация
и примирение как стратегии урегулирования колониального
наследия 76

СЕКЦИЯ «КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА»

- Воронцова Ангелина Владимировна, Гурьева Елизавета Владиславовна*
Япония и Южная Корея: исторические барьеры на пути к сотрудничеству 87
- Зайцев Владислав Олегович*
Положение религиозных сект во Вьетнаме: колониальный и постколониальный периоды 99
- Килунов Илья Константинович*
Отношения Индии и Германии на фоне украинского кризиса: взаимовыгодное сотрудничество или неокOLONИализм? 107
- Перова Полина Станиславовна*
Влияние антиколониальной риторики на двусторонние отношения Сингапура и Великобритании. 117
- Пешкова Софья Антоновна*
Проблемы решения вопросов колониального прошлого в отношениях Южной Кореи и Японии 127

СЕКЦИЯ «КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН СУБСАХАРСКОЙ АФРИКИ»

- Давыдов Денис Александрович*
Создание автономии Фолькстата в Южной Африке как попытка сохранить африканерскую национальную идентичность после краха апартеида. 136
- Купалов-Ярополк Антон Игоревич*
Народно-демократическое движение Намибии (PDM): неокOLONИальный ребрендинг? 147
- Сечин Иван Олегович*
Обновить, чтобы продолжить: африканская политика Франции между перезагрузкой и неокOLONИализмом 157

СЕКЦИЯ «ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИАЛИЗМА»

- Гриненко Богдан Евгеньевич*
50 лет отношениям Вьетнама и Франции: промежуточные итоги и перспективы экономического сотрудничества 168

Исянгулова Тансултан Шамилевна

Влияние Франции на экономическое развитие государств
Западной и Центральной Африки 177

СЕКЦИЯ «ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Евстигнеевс Никита

«Колониальная травма» в современной национальной
идентичности постсоветских республик на примере Латвии. 186

Олисов Владимир Витальевич

История советской Балтии сквозь призму теории
постколониализма 197

Харламова Екатерина Максимовна

Оценки социалистического периода польской истории
в дискурсе политических партий современной Польши 208

СЕКЦИЯ «РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛОНИАЛИЗМА В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ»

Dmitrii Popov

The Representation of the Colonialism in Finland's Swedish-language
Media 217

Кравченко Анна Александровна

Голос инуитов: роль поп-культуры в формировании
национальной идентичности гренландских эскимосов
(на примере композиций музыкальной группы Sumé) 226

Машенин Андрей Владиславович

Использование антиколониальных нарративов странами
БРИКС в контексте формирования многополярного мира 235

Привалов Анатолий Павлович

Проблематика внутривнутриполитического дискурса Японии
в контексте постимперского нарратива 247

Субботин Илья Александрович

Колониальные преступления Германии в Юго-Западной Африке:
вопрос признания геноцида коренных племен в контексте
германо-намибийского примирения. 256

СЕКЦИЯ «ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В АКТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ЕВРОПЫ»

Ивлева Екатерина Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СААМОВ В НОРВЕГИИ В XXI ВЕКЕ

THE POST-COLONIAL DIMENSION OF SAMI POLICY IN NORWAY IN THE 21ST CENTURY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать отношение современных норвежцев к саамам через призму постколониализма. Для осуществления поставленной цели автором была кратко рассмотрена история колонизации саамов Норвегией для того, чтобы иметь представление о том, что формирует общественное мнение по отношению к этому коренному народу в XXI веке. Для того, чтобы делать какие-либо выводы о современном положении саамов в Норвегии, в статье рассматривается как включен коренной народ Норвегии в партийную повестку государства, а также реализация политики в отношении национального меньшинства и вопросы расовой дискриминации саамского народа.

Ключевые слова: саамы; постколониализм; дискриминация; Королевство Норвегия; ассимиляция; партийная программа

Abstract. This article attempts to analyze the attitude of modern Norwegians towards the Sami through the prism of postcolonialism. To achieve this goal, the author briefly reviewed the history of the colonization of the Sami by Norway in order to have an idea of what forms public opinion in relation to this indigenous people in the XXI century. To draw any conclusions about the current situation of the Sami in Norway, the article examines the issue of how the indigenous people of Norway are included in the party agenda of the state, as well as the implementation of policies towards the national minority and issues of racial discrimination of the Sami people.

Keywords: Sami; postcolonialism; discrimination; Kingdom of Norway; assimilation; party program

Введение

История саамского народа уходит своими корнями в далекое прошлое и берет свое начало задолго до того, как сформировалось национальное государство Норвегия. Территория саамов, которую также принято называть Сапми, простирается на территориях четырех государств, каждое из которых считает собственную часть Сапми своей национальной территорией. Помимо Норвегии, саамы проживают в Швеции, Финляндии и России. Особый статус саамов, как коренного народа, закреплён в норвежской конституции. В Норвегии говорят на нескольких саамских языках, каждые из которых значительно отличаются друг от друга. Численность саамского населения в мире составляет около 80–100 000 человек. Норвегия претендует на 55 процентов от общей численности населения саамов, по данным Саамского парламента Норвегии, в сравнении с 20 000 в Швеции, 8 000 в Финляндии и 2 000 в России [1]. Саамское население в Норвегии составляет от 1.06% до 1.38% от норвежского населения в целом.

В саамской истории существует множество трагических моментов, которые связаны с эксплуатированием норвежцами этого народа. Политика норвегизации, то есть ассимиляции саамского меньшинства с целью превращения Норвегии в национальное государство, проводилась в стране на протяжении более, чем 100 лет [2], а её последствия очевидны и по сей день. В литературе и прочих источниках об истории саамов часто используются такие слова как «колониализм» [3], «насильственная ассимиляция» [4], «дискриминация» [5], «расизм» [6], «угнетение» [7]. Все эти слова не соотносятся со сложившимся в современном мире образом Норвегии, как демократического, социально ориентированного и ответственного государства. Акцент в этом исследовании сделан на изучение эволюции, произошедшей в национальной политике Норвегии за несколько столетий, предпринимается попытка установить связь между историческим контекстом и актуальными проблемами саамского народа, используя постколониальный подход.

Исследователи, изучающие постколониализм в Скандинавских странах, показывают, что эти страны — часть колониального прошлого и постколониального настоящего Европы [8]. Исследования оспаривают «политическую нейтральность и индифферентность» [9] Северных стран, ставят под сомнение тезис о том, что скандинавы были «более мягкими и гуманными колонизаторами» [10]. Коренные народы Скандинавии становились жертвами расизма, насильственного выселения с обжитых территорий, ассимиляции и жестокого обращения. Исследования показали, что колониализм был интегрирован в повседневную жизнь и образ мышления людей.

Актуальность исследования заключается в том, что вопросы самоопределения саамов, расширения их автономии в последнее десятилетие звучат

в норвежском обществе все активнее. Вопросы саамской идентичности, их прав и свобод стали заметной частью норвежской политической повестки, всё большее количество политических партий и деятелей используют болезненные для саамов вопросы в собственных целях. Кроме того, в европейских государствах всё чаще заходит речь о толерантности и терпимости ко всем, однако вопросы толерантности к саамскому населению почему-то не звучат в общественном дискурсе Норвегии.

Целью исследования можно назвать выявление особенностей саамской политики Норвегии, как государства прошедшего этап ассимиляции собственного коренного народа.

Для достижения цели нужно решить следующие исследовательские **задачи**:

- 1) Изучить исторический контекст вопроса о норвежских саамах;
- 2) Рассмотреть, как образ саамов используется норвежскими партиями;
- 3) Изучить примеры дискриминации саамов в современной Норвегии;
- 4) Выявить негативные последствия политики норвегизации, находящиеся отголоски в современном обществе Норвегию.

Научная новизна определяется следующим:

- впервые в отечественных и зарубежных исследованиях комплексно изучены и выявлены характерные особенности саамского аспекта политических партий Королевства Норвегия;
- российские исследователи постколониализма, в своей массе, исследуют не отдельно саамский народ, а саму концепцию, которая может быть применима к группе народов, например, коренных народов Крайнего Севера. Таким образом, постколониальное исследование отдельно саамского народа в Норвегии является для отечественной науки свежим;
- введены в научный оборот источники на норвежском и шведском языках, ранее не используемые отечественными исследователями.

Методологические основы исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные, политологические и исторические методы. Из общенаучных методов в работе был использован сравнительный анализ для изучения тенденций партийной политики в отношении саамского меньшинства. Из политологических методов, используемых в работе, стоит отметить кейс-стади, который позволил установить тенденции отношения к саамскому народу на общественном уровне в Норвегии. Кроме того, был использован метод политко-правового анализа. Из исторических методов был использован метод историзма для того, чтобы проследить изменения в саамской политике Норвегии. Исследование выстроено в рамках постколониальной теории.

Исторические аспекты ассимиляции саамов в Норвегии

Как было уже упомянуто, политика норвегизации проводилась в стране больше 100 лет, вплоть до 1970 года. Норвегизация была смесью стратегии оборонной политики, гуманитарной помощи, социал-дарвинистской идеологии и государственного строительства. Саамов насильно крестили в христианскую веру, территории коренного народа были провозглашены государственными землями, их язык попал в опалу, была введена система школ-интернатов, куда насильно отдавали саамских детей, отбирая у родителей. Для того, чтобы владеть землей, нужно было быть норвежским подданным, иметь норвежское имя, говорить по-норвежски [11]. Для получения кредита в банке знание норвежского языка так же было обязательным. Все административные и государственные посты систематически занимали только норвежцы. Министерство окружающей среды, которое считало, что северные олени представляют угрозу для природы, выступало против оленеводства [12]. Дети и взрослые, представители саамского народа, подвергались жестоким издевательствам и публичным притеснениям, черепа саамов измерялись, вскрывались могилы для определения их расы и уровня интеллекта, саамские промыслы, например оленеводство, существенно ограничивали — последствия политики норвегизации мы наблюдаем и по сей день. Таким образом, изучив историю отношений между норвежцами и саамами, можно обратить внимание на то, что характер их взаимодействия носил во многом колониальный характер. Норвежцы относились к саамам как нецивилизованным дикарям, которым нужно было объяснить, как жить правильно, дать понять, в чем их отличие от метрополии и почему их национальная идентичность хуже норвежской.

Современное положение саамов в Норвегии

Для того, чтобы иметь представление о том, как осуществляется политика в отношении саамского меньшинства в Королевстве Норвегия, я проанализировала главы и параграфы программ 9 парламентских партий Норвегии, посвященные политике в отношении коренного населения и национальных меньшинств.

В ходе анализа я выявила ряд «общих мест» — пунктов, повторявшихся от программы к программе. В целом, к ним относятся популистские меры, которые не имеют практической составляющей. Например, в каждой программе содержатся пункты о сохранении и развитии саамской культуры, привлечении внимания к медицинскому обслуживанию саамов, о стимулировании школьного и профессионального образования на саамском языке, поддержке разнообразия саамской общины и др. Однако реальных мер

и конкретных предложений в них почти не содержатся, «саамские главы» пишутся, скорее, с целью привлечения электората, повышения узнаваемости и обсуждаемости. Все они, по большому счету, демонстрируют факт того, что саамы в XXI веке являются значимой частью популярного общественного дискурса, служат инструментом достижения собственных политических целей.

Единственной партией, *tone of voice* которой существенно отличается от других, стала правая популистская Партия Прогресса. Члены этой партии предлагают прекратить действие Саамского парламента, аргументировав это тем, что право голоса должно быть всеобщим и не ограничиваться определенными этническими группами, настаивают на отмене привилегий саамскому оленеводству, выступают за ограничение зоны использования саамского языка и выход из Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни [13]. Кроме того, Партия Прогресса — единственная партия не поддерживающая идею признания Норвегией собственной вины перед саамским народом за политику колонизации.

Говоря о тех действиях, которые предпринимает Норвегия, на самом деле стоит, в первую очередь, упомянуть правовую базу, регулирующую положение саамов в государстве. К основным законам относятся Закон о саамах, принятый Стортингом в 1987 г. [14] и Закон о Финнмарке 2005 г. [15]. Кроме того, в соответствии с Законом о саамах, был учрежден Саамский парламент — выборный орган саамского народа, на самом деле, представляющий из себя лишь консультативный орган при Стортинге и не являющийся правительственным органом, обладающий юрисдикцией в отношении традиционных саамских территорий. Саамский парламент не имеет собственной системы доходов, его финансирование основано на ассигнованиях, которые правительство Норвегии выделяет из государственного бюджета. В 2021 году в закон о саамах была внесена поправка о том, что никакого права голоса и права на консультации по вопросам финансов у Саамского парламента нет.

Закон о Финнмарке, касается вопросов саамских территорий и ремесел. Он предоставляет всем жителям фюльке Финнмарк, включая саамов, права ловить рыбу, валить определенные деревья, заготавливать древесину для домашних ремесел, охотиться и ставить капканы. Однако не содержит никаких упоминаний морского рыболовства — важного промысла саамов, и не является эксклюзивным — перечисленные права касаются всех жителей региона, а не только саамов. С другой стороны, закон о Финнмарке гласит, что саамы в результате долгосрочного пользования землей и водными ресурсами приобрели права на эти земли. Около 95% территорий в Финнмарке передано жителям Финнмарка в лице частного управляющего агент-

ства. Оно управляется советом директоров, состоящим из шести человек, трое из которых назначаются Саамским парламентом, а еще трое — советом фюльке Финнмарк. Таким образом, именно жители Финнмарка принимают решение о том, кто будет управлять землей на этой территории.

В июне 2018 года Стортингом была создана по отношению к саамам, квенам и норвежским финнам [16]. Комиссия изучает политику норвежских властей по отношению к этим группам за период всей норвежской истории, а также подробно анализирует последствия этой политики сегодня и представляет меры по преодолению сохраняющегося в обществе неравенства между меньшинствами и большинством населения.

Стоит отметить, что вопрос признания факта норвегизации давно вошёл в повестку норвежской политики. Так, во время открытия сессии норвежского Саамского парламента в 1997 году король Харальд попросил прощения за несправедливость, которую ассимиляционная политика норвежского государства причинила саамскому населению страны [17]. Спустя 20 лет, в 2017 году, премьер-министр Эрна Сульберг во время празднования столетия открытия национального конгресса саамов в Тронхейме, назвала политику норвегизации черной главой в истории страны, которая вынудила многих саамов отказаться от родного языка и культуры. Премьер-министр отметила, что политика норвегизации привела к тому, что несколько поколений саамов не могли свободно говорить о своем происхождении или разговаривать на языке саамов, поскольку признаваться в этом было стыдно [18]. В 2021 году король Харальд в интервью норвежскому телеканалу отметил, что совесть норвежцев запятнана ассимиляционной политикой, а также принёс свои извинения «за несправедливость, которую норвежское государство ранее причинило саамскому народу посредством жесткой политики норвегизации» [19].

Таким образом, можно отметить, что саамские права в Норвегии достаточно развиты, а привилегии обширны. Кроме того, политический истеблишмент Норвегии также признает факт ассимиляции саамов и жесткого обращения с этим народом. При этом можно заметить, что те предвыборные обещания, которые мы видели в программных документах норвежских партий, в большинстве своём остаются нереализованными.

С другой стороны, очевидны некоторые манипуляции со стороны саамского народа, характерные для современной Норвегии. Саамский парламент часто остается неудовлетворен саамской политикой Норвегии, особенно это касается вопросов финансирования инициатив саамского народа и функционирования Саамского парламента. Полагаю, это связано с тем, что современные саамы до сих пор ощущают последствия норвегизации, и понимают, что на современном норвежском государстве лежит бремя вины за коло-

низацию, которое они явственно ощущают. Осознавая свою жертвенность и вину Норвегии, современные саамы желают получить как можно больше выгод от государства в качестве «искупления» этой вины.

Дискриминация саамов в Норвегии

Нельзя не отметить факт того, что прогрессивное современное норвежское общество до сих пор не смогло окончательно победить дискриминацию, предрассудки и стереотипы в отношении саамского народа. По статистике, в наши дни среди саамов встречается множество людей, столкнувшихся с дискриминацией и унижениями [20]. Чаще всего именно в сети оставляется огромное количество негативных комментариев, задевающих честь и достоинство саамов со стороны норвежцев. Норвежцы на своих страницах публикуют шутки, основанные на стереотипах о саамах, рассуждают об их фенотипе и «расе». Также согласно отчету Норвежского национального института по правам человека за 2018 год, саамы подвергаются большему риску столкнуться с насилием, чем несаамское население: 40 процентов саамских мужчин подвергались насилию по сравнению с 23 процентами мужчин-несаамов [21].

Саамы подвергаются нападкам не только в повседневной бытовой жизни, но и со стороны государственных институтов. Дагфинн Хойбротен, возглавляющий Комиссию по установлению истины и примирению, в интервью норвежскому изданию VG заявил, что в каком-то смысле политика норвегизации продолжается и это проявляется в постепенном исчезновении саамских языков [22]. Глава Комиссии по установлению истины и примирению не сомневается в том, что на самом деле права на изучение и использование родного языка не соблюдаются на практике. Хойбротен также признает и факт систематической дискриминации саамов в норвежском обществе и то, что многие жители Норвегии, которые не живут в районах проживания саамов, даже не знают о том, каким нападкам подвергается коренное население в Финнмарке.

В 2016 году премьер-министр Норвегии назначила на пост министра юстиции и общественной партии представителя партии Прогресса, Пер-Вилли Трудванг Амундсена, который был известен своими радикальными взглядами на саамскую общину. Амундсен заявлял, что норвежские власти не несут моральной или юридической ответственности за саамский народ в Норвегии, что между норвежцами и саамами существует расовая пропасть, что именно норвежское большинство населения подвергается дискриминации [23]. Ни один другой современный политик не выступал с таким количеством антисаамских речей, как Пер-Вилли Трудванг Амундсен. Саамы рассматривали Амундсена как политика, систематически разжигавшего

старую ненависть к саамам в Норвегии. После своего назначения Амундсен отказался комментировать свои многочисленные противоречивые высказывания. В 2018 Амундсен был смещен с должности.

Члены норвежской партии Прогресса в принципе отличаются воинственным и нетолерантным отношением к саамскому населению Норвегии. Так, бывший член Стортинга, член партии Прогресса Ульф Лейрштейн, 6 февраля 2016 года, в национальный день саамского народа, опубликовал на своей странице в Twitter сообщение, которое саамы и многие норвежцы сочли крайне оскорбительным. В своем посте Лейрштейн написал: «Национальный день саамов... Я не знал, что у саамов есть своя собственная страна. Тогда, конечно, эта страна сможет оплатить саамский парламент, поддержку саамской культуры и т.д.» [24]. Многие саамы осудили этот твит члена норвежского парламента, отметив, однако, что такие высказывания от членов партии Прогресса для них не новость [25].

Выводы

Отношения норвежского государства со своим саамским народонаселением за последние несколько сотен лет претерпели существенные изменения. Государство, по сути, колонизировавшее коренной народ саамов, сейчас активно включает народ в собственную повестку. Факт норвегизации не замалчивается в обществе, на государственном уровне вина перед саамами за столетия ассимиляции обсуждается и признается. Чего, однако, мы не можем сказать об уровне общественного сознания.

Саамы стали неотъемлемой частью политической жизни современной Норвегии. Одной из особенностей саамской политики Норвегии является обязательное включение партиями положений о саамах в свои программы, подробное рассмотрение ими всех аспектов жизни саамов, предвыборные обещания и цели, которые намечаются партиями. Тем не менее, проведенное исследование позволяет сделать вывод о популистском характере этих мер.

Другой особенностью политики Норвегии, реализуемой в отношении саамов, которую стоит отметить, это характер «выплаты долга» саамскому меньшинству, которую она носит. Правительство действительно прикладывает усилия для сохранения культуры и языков саамов, для обеспечения достойного уровня жизни саамского народа, для интеграции их в норвежское общество и политическую жизнь Королевства Норвегия. Факты нарушения саамских прав всё ещё сохраняются в норвежском обществе. Несмотря на то, что Норвегия, в целом, движется в авангарде политики в отношении саамов, в сравнении с теми государствами, в которых также проживает этот народ, а также невзирая на попытки государства преодолеть негативные последствия насильственной ассимиляции, саамы всё ещё стал-

квиваются с агрессией в свою сторону, стереотипами и непониманием и находятся, в общем-то, в зависимом положении. Это позволяет нам говорить, что саамская проблема в Норвегии всё ещё остается нерешенной.

Интересен парадокс, который бросается в глаза при изучении саамского вопроса в Норвегии. В обывательском восприятии Норвегия — толерантная страна, открытая для меньшинств, мигрантов, беженцев. Образ современного Королевства Норвегия не вяжется со словами «дискриминация» или «расизм». При этом в своей работе мы рассмотрели вполне реальные примеры проявления расовой ненависти к саамскому населению Норвегии. С нашей точки зрения, такое разное отношение, например, к ближневосточным беженцам и коренному народу страны связано с поддержанием внешнего имиджа и статуса Норвегии. Страна в первую очередь заботится о том, какой её видят на мировой арене. Поскольку мигранты и беженцы — общая проблема многих европейских государств, то обеспечение их прав — это то, что происходит «на витрине» Норвегии, доступной взглядам всего мира, в то время как реализация прав собственного коренного населения — то, что происходит «за кулисами» и менее доступно мировой общественности. Эту тенденцию можно объяснить с точки зрения постколониализма: норвежская нация как непосредственная часть западной цивилизации продолжает существовать в рамках внутренних колониальных нарративов, одновременно стараясь интегрироваться в популяризирующийся на Западе постколониальный дискурс.

Библиография

1. Саамы Норвегии, [anspira.npolar.no](https://anspira.npolar.no/russian/Items/Saami_Norway_R.html). [Электронный ресурс]. URL: https://anspira.npolar.no/russian/Items/Saami_Norway_R.html / — 15.11.2023.
2. Colonization, resistance and reconciliation seen from Trondheim, Den Norske Kirken. [Электронный ресурс]. <https://www.kirken.no/globalassets/kirchen.no/samisk-kirkeliv/forsoningskonferanse-foredrag/torejohnsen.the-history-of-colonization-resistance-and-reconciliation-seen-from-trondheim.eng.pdf> — 15.11.2023.
3. Fur G. Colonialism and Swedish History: Unthinkable Connections? // *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity: Small Time Agents in a Global Arena*. N.Y.: Springer, 2013. P. 17–36
4. Fornorskningspolitikken overfor samene, Nasjonal Digital Læringsarena. [Электронный ресурс]. URL: <https://ndla.no/subject:cc109c51-a083-413b-b497-7f80a0569a92/topic:ba59526d-02d1-4475-84d6-07fe1fb784df/topic:40d8d4d1-78e1-4aff-a5da-b86053c51d95/topic:1a1b72c4-fb10-41c7-a68f-a28b09abb5fb/resource:1:184732-16.10.2023>.
5. Hansen K. H. Ethnic discrimination and health: the relationship between experienced ethnic discrimination and multiple health domains in Norway's rural Sami population // *International Journal of Circumpolar Health*. — 2015. — № 74:1.
6. Diskriminering av samer — samers rettigheter ur ett diskrimineringsperspektiv, Sametinget. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sametinget.se/4802-16.10.2023>.

7. Undertrykking av samer i norsk historie, aldrimer22juli.no. [Электронный ресурс]. URL: <https://aldrimer22juli.no/5-7-trinn/lær-av-historien/undertrykking-av-samer-i-norsk-historie> — 16.10.2023.
8. *Лофтсдоттир К.* Двойственность колониального опыта и руины колониализма // Новое литературное обозрение № 166, 2020.
9. *Fur G.* Colonialism and Swedish History: Unthinkable Connections? // *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity: Small Time Agents in a Global Arena.* N.Y.: Springer, 2013. P. 17–36.
10. *Naum M., Nordin J.* Situating Scandinavian Colonialism // *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity: Small Time Agents in a Global Arena.* N.Y.: Springer, 2013. P. 3–16.
11. Fornorskingspolitikken overfor samar og kvenar, Norgehistorie. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.norghistorie.no/industrialisering-og-demokrati/1554-fornorskingspolitikken-overfor-samar-og-kvenar.html> — 15.11.2023.
12. Retten til land og vann, nrk.no [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nrk.no/kultur/retten-til-land-og-vann-1.904956-15.11.2023>
13. Prinsipp- og handlingsprogram 2017–2021. [Электронный ресурс]. URL: http://www.enbedreby.com/uploads/3/4/9/1/34917874/frp_prinsipp-_og_handlingsprogram_2017-2021.pdf — 15.11.2023.
14. Lov om Sametinget og andre samiske rettsforhold (sameloven), 1987. [Электронный ресурс]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1987-06-12-56-15.10.2023>.
15. Lov om rettsforhold og forvaltning av grunn og naturressurser i Finnmark (Finnmarksloven), 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-06-17-85-15.10.2023>.
16. Sannhets- og forsoningskommisjonen, Store Norske Leksikon [Электронный ресурс]. URL: https://snl.no/Sannhets-_og_forsoningskommisjonen — 16.10.2023.
17. For 20 år siden beklaget kongen behandlingen av samene. I dag gikk Erna Solberg langt i å gjøre det samme, Dagbladet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dagbladet.no/nyheter/for-20-ar-siden-beklaget-kongen-behandlingen-av-samene-i-dag-gikk-erna-solberg-langt-i-a-gjore-det-samme/67012344-16.10.2023>
18. Statsministeren tok et oppgjør med fornorskningen av samene, nrk.no [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nrk.no/sapmi/statsministeren-tok-et-oppgjor-med-fornorskningen-1.13364074-16.10.2023>.
19. Kongen om uretten mot samene: — Vi har vel alle sammen ganske dårlig samvittighet, Nettavisen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nettavisen.no/nyheter/kongen-om-uretten-mot-samene-vi-har-vel-alle-sammen-ganske-darlig-samvittighet/s/12-95-3424192848> — дата обращения: 16.10.2023.
20. *Linguas K.* Hate Speech and Racialised Discrimination of the Norwegian Sámi: Legal Responses and Responsibility // *Oslo Law Review.* — 2014. — № Vol. 8, Iss. 2. — С. 88–107.
21. Vold og overgrep i samiske samfunn, Norges nasjonale institusjon for menneskerettigheter [Электронный ресурс]. URL: https://www.nhri.no/wp-content/uploads/2018/06/NNIM_temarapport_web.pdf — 16.10.2023.
22. Høybråten slipper samisk-bombe: — Fornorskningen pågår fortsatt, VG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/kErqVv/hoeibraaten-slipper-samisk-bombe-fornorskningen-paagaar-fortsatt> — 16.10.2023.

23. Glemte du samene, Erna?, Nordnorsk debatt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nordnorskdebatt.no/samepolitikk/samer/glemte-du-samene-erna/o/5-124-67536-16.10.2023>.
24. Sami still battling discrimination, NewsinEnglish.no [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsinenglish.no/2016/03/24/sami-still-battling-discrimination/> — 16.10.2023.
25. Ulf Leirstein (Frp): — Samenes land kan betale for Sametinget, nrk.no [Электронный ресурс]. URL: https://www.nrk.no/norge/ulf-leirstein-_frp__-_-samenes-land-kan-betale-for-sametinget-1.12791998-20.10.2023.

Калинин Никита Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет политологии,
Бакалавриат

ИМПЕРСКОЕ ПРОШЛОЕ ИСПАНИИ В ДИСКУРСЕ ПАРТИИ VOX

SPAIN'S IMPERIAL PAST IN THE VOX PARTY DISCOURSE

Аннотация. В статье представлено исследование имперского дискурса праворадикальной испанской партии Vox. Имперский дискурс реализуется в рамках популизма Vox — явления, свойственного антисистемным партиям, которое рассчитано на некритическое восприятие со стороны аудитории. Популизм Vox, сопровождаемый имперской риторикой, необходим, чтобы вызвать у людей ресентимент и призывать сплотиться под партийным знаменем. Также обозначены конкретные сферы, которые используются в имперском дискурсе партии: осуждение сепаратизма и призыв к построению Великой Испании, а также внешнеполитическая стратегия, выраженная в проекте-идеологии «Gran Hispanidad». Также приводится подробное описание и анализ использования политики памяти в имперском дискурсе партии Vox.

Ключевые слова: Vox, популизм, империя, Gran Hispanidad, дискурс.

Annotation. The article presents a study of the imperial discourse of the right-wing Spanish Vox party. Imperial discourse is implemented within the framework of Vox populism, a phenomenon peculiar to anti-systemic parties, which is designed for uncritical perception by the audience. Vox populism, accompanied by imperial rhetoric, is necessary to arouse people's resentment and urge them to rally under the party banner. The specific areas that are used in the imperial discourse of the party are also identified: the condemnation of separatism and the call for the construction of a Great Spain, as well as the foreign policy strategy expressed in the project ideology "Gran Hispanidad". It also provides a detailed description and analysis of the use of memory policy in the imperial discourse of the Vox party.

Keywords: Vox, populism, empire, Gran Hispanidad, discourse.

Введение

Современный европейский политический ландшафт даёт немало примеров ностальгии по условно имперскому прошлому. Апелляция к тем или иным историческим периодам, в ходе которых современные европейские государства находились в состоянии экономического процветания, геополитического могущества, и, как бы сказал Шпенглер, «напряжённого

бодрствования», как правило присуща крайне правым, ревизионистским политическим силам. Одной из таких сил является испанская ультраправая партия Vox. В России тема партии Vox очень слабо изучена. В отечественной науке имеются лишь несколько работ по этому вопросу: А. Н. Кожановского [1], А. А. Терещука [2], С. М. Хенкина [3] и Е. В. Астаховой [4]. Научная новизна исследования состоит в выявлении ценных для явлений и тенденций испанской политической жизни, которые могут стать полезным эмпирическим материалом для исследований в сфере политической психологии. Цель исследования — обозначить основные тенденции и выявить содержание имперского дискурса партии Vox. Объект исследования: высказывания партийных лидеров и публикации в соцсетях. Предмет исследования: скрытые смыслы и политические тактики, которые использует партия в своём дискурсе. Методы: контент-анализ публикаций в соцсетях партии; дискурс-анализ отдельных высказываний представителей партии с целью выявления скрытых смыслов и эмоциональных характеристик.

Основная часть

Для понимания идейно-политического контекста имперского дискурса Vox необходимо обратить внимание на популистский характер партии. Характерной чертой популизма является выстраивание конструкта «единого и неделимого народа», на выражение мнения которого популист и претендует. Для популиста, выражаясь словами Бакунина, «народ есть единственный источник нравственной правды» [5]. «Народ» в популистском представлении — однородная, унитарная масса, обладающая некой априорной внутренней чистотой, которая якобы попирается различными зловерными влияниями. Настаивая на существовании народа как целостной гомогенной массы, популист провоцирует риторическую сегрегацию общества, негласно провозглашая антагонизм «народ — враги народа». О популистском концепте «народа» хорошо сказал Карл Шмитт: «символическая сущность народа одерживает верх над сухими цифрами» [6].

Для лучшего понимания возьмём более узкий термин, а именно правый популизм. Правый популизм также называется национал-популизмом. Эпитет «правый» подразумевает националистический уклон, стремление апеллировать не просто к народу, а к «коренному/исконному народу». Правый популизм зачастую имеет нативистическую окраску, связанную с антииммигрантскими лозунгами и стремлению выработать некую «исконную» идентичность, отличающуюся консерватизмом и традиционализмом. Если левый популизм (пусть это и не аксиома) более интернационален, он стремится смотреть «извне», то правый популизм смотрит «внутри» государства.

В риторике правого популизма часто появляются, выражаясь термином Георга Зиммеля, «современные чужаки», то есть иммигранты [7]. Правопопулистский дискурс «народного тела» интерпретирует активный иммигрантский приток как порчу и выхолащивание всего «исконного», что заключено в той общегосударственной общности, которую называют нацией или народом. В данном случае понятие нации подразумевает не только политическую, но и культурную, языковую, а местами и фенотипическую общность. Нативистическая политика «народного тела» негласно провозглашает культурный изоляционизм, настаивая на «возвращении к культурным истокам», то есть сосредоточении на прошлом при развитии в будущем. Иногда набор правопопулистских идейных установок называют словами «культуркампф» и «этнократия», что значит стремление выработать унитарную отрицательную идентичность, основанную на перманентном антагонизме по отношению к представителям других культур («мы такие, потому что они не такие»).

Известный исследователь популизма Я.-В. Мюллер в своей книге «Что такое популизм?» выдвигает концепт популистского «морализованного антиплюрализма» [6]. Это означает, что популисты в своей риторике стремятся создать необсуждаемую идентичность общества, настаивая на его всесторонней завершённости и конечности. Популист присваивает народу ряд имманентных характеристик. Все, кто не соответствуют этим характеристикам или не согласны с ними, являются ренегатами, выступающими против народа. Такой символизм позволяет Vox монополизировать представительство общественных интересов с помощью двух приёмов: с одной стороны, исключить своих оппонентов из сферы политического, с другой стороны, переосмыслить самоё сферу политического, отказавшись от партикуляризма и перейдя от пропорционального представительства к «реализации национального суверенитета».

Vox обещает провести, выражаясь языком Германа Люббе, революционную архаизацию [8]. Как утверждал немецкий социолог, возвращение к прошлому через призму будущего может иметь в себе самые беспрецедентные новации. Юнгер называл этот процесс «консервативной революцией». Архаизация и футуризация — противоположные друг другу крайности, которые ставят перед собой одну цель: тотальное преобразование общества. Партия Podemos — главный идейный оппонент Vox — ведёт «революционную» риторику с обещаниями переустройства государства и достижения социальной справедливости. Партия Vox ведёт «антиреволюционную» риторику, состоящую из охранительных и отчасти алармистских тезисов, ностальгии по Великой Испании и обещаний разрешить все проблемы, которые не может разрешить правительство. При этом повестки обеих партий несут в себе беспрецедентную степень новаций. Имперский дискурс Vox является одним из ключевых прово-

дников этих латентных новаций: выдвигая политический идеал, соотносимый с эпохой Филиппа II, Vox демонстрирует беспрецедентное несогласие со сложившимся в Испании XXI века политическим консенсусом.

Практика архаизации заметна в публикациях партии в социальных сетях. Vox обращает внимание своей аудитории на юбилеи тех или иных исторических событий, которые стали значимыми или даже судьбоносными для истории Испании. Среди подобных публикаций можно выделить 101-летие Испанского легиона (элитного военного подразделения времён Альфонсо XIII), Открытие Америки Колумбом в 1492г, 500-летие покорения Кортесом Теночтитлана, 450-летие битвы при Лепанто, разные события эпохи Реконкисты (VIII–XV вв.). Эти и другие события очевидно отсылают ко временам колониального прошлого Испании, территориальное могущество и исторический символизм которого должны пробудить в испанском избирателе чувство культурной ностальгии.

Особое внимание к этим событиям имеет целью формирование особой исторической памяти. Историческое самосознание общества формируется под воздействием онтологии прошлого. Сумма фактов, имевших место в прошлом, — это историческая эмпирия, важная в индивидуальном контексте, но теряющая определяющий смысл в контексте коллективном. Люди часто различают только наиболее крупные объекты истории. При этом прошлое можно вернуть, точнее реанимировать. Тип коллективной исторической памяти, основанный на «реанимации» истории, немецкий историк Ян Ассман называет «культурной» [9]. Эта историческая память не фактическая, а воссоздаваемая. Такая память создаётся путём мифологизации прошлого, когда та или иная группа лиц решает актуализировать определённые моменты истории. Так как люди, ввиду сменяемости поколений, потеряли духовную связь с прошедшей эпохой снизу, есть возможность навязать им эту связь сверху — то есть внушить определённую «истину» об эпохе. Из теории Ренана очевидно, что одной из важных предпосылок нацистского строительства является создание концепта общего прошлого. Индивиды должны осознать, что они горизонтально связаны вертикальной исторической преемственностью. Это будет препятствовать их разобщённости. Такое прошлое может быть создано с помощью внушённого культурной памятью концепта. Всё это искусно влагается в известную формулу В. О. Ключевского «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего» [10], которая по сути легитимизирует историческую пропаганду.

В данном контексте стоит упомянуть интернет-публикацию, выпущенную в день рождения Святого Сантьяго, которая имеет подпись следующего содержания: «¡Feliz día de Santiago, Patrón de España! Hoy más que nunca defendemos nuestra historia y tradiciones» («Счастливым день Святого

Сантьяго, Покровителя Испании! Сегодня мы как никогда защищаем нашу историю и традиции!»). Данная подпись несёт в себе две важных идейных установки: 1) День Святого Сантьяго — национальный общеиспанский праздник, который должен быть значим для всех, кто относит себя к испанской нации; 2) Есть ренегаты, которые готовы попрасть святой праздник и подвергнуть ревизии традиционную интерпретацию истории и комплекс национальных традиций, и задача каждого испанца состоит в том, чтобы бороться с ними. Это и есть наглядная практика политики памяти, которая является одним из орудий ментальной манипуляции партии. Прошлое является для Vox вдохновением для создания планов на будущее. Лидер партии Сантьяго Абаскаль и другие видные партийные деятели часто говорят о «Gran España» («Великой Испании»), апеллируя к прошлому, когда Испания была могущественной колониальной державой. Можно упомянуть фразу из публичного выступления Абаскаля в 2019 г.: «Venimos a decir “sí” a una España que ha de ser grande otra vez» («Мы говорим “да” Испании, которая может стать великой снова») [11]. Показательно, что свою кампанию перед парламентскими выборами апреля 2019 г. партия запустила в месте, где, как считается, началась Реконкиста, — в Ковадонге.

Важнейшим аспектом имперского дискурса Vox является проектно-идеология «Gran Hispanidad». Этот термин не имеет адекватного перевода на русский язык. Самым условным образом его можно перевести как «Великая Испанскость». В географическом плане под этим термином имеется в виду испанское постколониальное пространство, куда входят все страны Латинской Америки, кроме Бразилии, Гайаны, Суринама и Французской Гвианы. Авторы термина и их идейные наследники наделяли это географическое пространство, помимо языковых, также особыми культурными характеристиками, которые можно было бы заключать в слове менталитет — термине, научно сомнительном, но всегда понятном контекстуально. В своём культурном измерении «Gran Hispanidad» противопоставляется британскому «Содружеству наций». В одном из своих выступлений Сантьяго Абаскаль, рассуждая о колониальном прошлом Испании, указал на то, что в отличие от Великобритании, Испания не занималась порабощением и грубой эксплуатацией подвластных ей территорий, а сформировала специфическую культурную общность, основанную на христианской этике и туземной культуре народов Южной Америки [16]. Часто встречающиеся публикации, посвящённые завоеванию Америки, недвусмысленно дают понять, что Vox воспринимает эти события как синтез культур посредством миссионерства и социально-экономической модернизации.

Налаживание связей со странами Латинской Америки партия считает частичным претворением в жизнь своего лозунга о Великой Испании. При

этом «Gran Hispanidad» не является оригинальной выдумкой Vox. В официальной испанской политике мы можем наблюдать частичное осуществление этого проекта, хотя и без упоминания его наименования. Так, историческое единение Испании с бывшими колониями подчёркивается в обязательных посещениях всех инаугураций испаноязычных стран Латинской Америки королём Испании. Ряд культурно-исторических отсылок также содержат некоторые речи официальных лиц. Таким образом, можно говорить о том, что в осуществлении тезисов имперского дискурса Vox наследует уже реализуемым традициям, хотя и желает их значительного укрепления.

Имперский дискурс выполняет служебную роль по отношению к специфической концепции национализма, разрабатываемой Vox. Данный тезис может показаться противоречивым, так как империя и нация суть взаимоисключающие понятия. Нация подчинена прежде всего логике культурно-языковой общности, сформированной на определённой географической территории, в то время как для империи первичным является территориальный аспект — широко раскинутое географическое пространство (чаще всего объединённое единым политическим полем) может включать в себя какие угодно культурно-языковые общности. В рассматриваемом случае мы имеем дело со своего рода понятийной эклектикой. Концептуальные различия между нацией и империей опускаются, чтобы создать идеологию «Gran Hispanidad» — романтического проекта, который должен скорее ощущаться чувственно, чем познаваться рационально. В понимании Vox «нация» отделяется от понятия «народ». Под народом подразумевается совокупность граждан страны. Под нацией подразумевается совокупность всех испанцев, которые когда-либо жили, живут и будут жить. «Gran Hispanidad» в его географическом и культурном измерении является место реализации этой трансцендентной нации. Имперский национализм Vox не оригинален, а имеет очевидную преемственность: данная концепция чётко описана в трудах испанского философа XX века Густаво Буэно [12]. Согласно этому представлению, члены нации, связанные общей судьбой, передают страну друг другу из поколения в поколение.

Тема империи имеет не только внешне-, но и внутривнутриполитическую проблематику для Vox. Едва ли не главная политическая повестка партии — вопрос о территориальной целостности Испании. Партия протестует против политики национальных автономий, которая начала действовать с 1980-х годов, когда Испания осуществила мирный демократический транзит и стремилась ликвидировать франкистское наследие в территориальной организации государства. Попытка нарушения территориальной целостности сравнивается с кражей, что явствует из слов Абаскаля: «...es decir que unos pocos se pueden juntar en una esquina de nuestra Patria, votar entre ellos y

quedarse con lo que es de todos. ¡Es un acto de robo!» («...это значит, есть те, кто может собраться на окраине нашей Родины, проголосовать друг за друга и остаться с тем, что выгодно им самим. Это кража!»). Референдум об отделении сравнивается с самоубийством нации: «Hay quienes dicen que se podría resolver mediante un referéndum. Nosotros no lo aceptamos. España no se puede suicidar» («Есть те, кто говорит, что это может быть решено путем референдума. Мы его не принимаем. Испания не может покончить с собой») [13]. Суверенитет нации неделим, и часть её территории не имеет права определять свой путь самостоятельно: «мы никогда не смиримся с тем, что регион, принадлежа всем испанцам, будет сам решать всё за себя». Также Абаскаль называл автономные регионы Испании «тайфами» — административные единицами периода мусульманского завоевания.

Стоит обратить внимание, какие эмоционально насыщенные слова использует Абаскаль для описания процесса дезинтеграции. «Robo» («кража»), «sucidio» («самоубийство»), «taifas» («тайфы») — всё это слова, призванные взбудоражить душу человека, заставить его чувствовать, будто его «обворовывают», склоняют к самоуничтожению и даже колонизируют. Риторика Vox имеет целью пробуждение в гражданах чувства resentmentа по отношению к политическому курсу левого коалиционного правительства. Партия Vox стремится заручиться статусом народной заступницы, которая единолично сражается с наступающими ото всюду прогрессистом, феминизмом, мультикультуризмом, дезинтеграцией, эрозией испанской традиционной культуры, экономическим кризисом, наплывом нелегальных мигрантов и прочим. Партия специально ведёт антиистемблишментскую риторику. Этим она показывает, что не доверяет сложившейся за годы власти левых системе, прибегая к частому популистскому приёму — настаиванию на прямой демократии.

Крайне значимым феноменом является то, что в партийной риторике прослеживается термин «enemigos de España» («враги Испании») и «anti-España» («анти-Испания»). Эти термины часто использовались в эпоху франкизма и после демократизации вышли из употребления. Эти слова перестали использовать, потому что они провоцировали социальную сегрегацию, разделяя граждан на «своих» и «чужих». Vox реактуализировал эту риторику, чтобы обличать своих политических соперников, отказывая им в принадлежности к испанской нации. Себя же партия считает полпредом самой Испании: «Ya hemos conseguido que la España silenciada recobre su voz en las instituciones» («Мы уже добились того, чтобы замолчавшая Испания вернула свой голос в институтах»), как заявил Абаскаль. Vox характерно создаёт образ партии «простых испанцев» [18]. Как сказал видный партийный функционер Эспиноса де лос Монтерос «Y las ideas que hoy queremos traerles son las que nos dicen y las que nos cuentan los españoles en cada viaje que hacemos

de uno a otro confin de nuestro país» («Идеи, которые мы сегодня несём, высказываются простыми испанцами, которых мы встречаем в путешествиях по стране»). Примечателен лозунг, написанный в одной из интернет-публикаций: «Nosotros nos dirigimos y estamos con #EspañaQueMadruga, no con los élités que están contra ella» («Нас направляет лозунг #ИспанияПросыпается, а не элиты, которые против него») [13].

Выводы

Исследование темы основывается на анализе ряда публичных высказываний, содержание которых позволяет обозначить идеологическую принадлежность партии Vox. За счёт того, что Vox является молодой партией, активно участвующей в испанской политике менее десяти лет, исследуемый дискурс обладает «хронологической репрезентативностью», то есть отвечает целям и позициям партии на протяжении всего периода её деятельности. Радикализм Vox, сопровождающийся резкой критикой едва ли не всех альтернативных испанских политических сил, способствует консолидации партийной повестки, которая довольно однозначно и в целом непротиворечиво реагирует на вызовы времени.

В качестве основных тенденций, выявленных в содержании имперского дискурса Vox, можно обозначить следующее:

1. Имперский дискурс Vox носит ностальгический характер, то есть реализует себя с помощью воспроизведения образов и идей, относящихся к предшествующим векам испанской истории;
2. Проект-идеология «Gran Hispanidad» является ключевым субъектом имперского дискурса, вписанным в более широкий идейно-политический контекст;
3. «Gran Hispanidad» является важнейшей частью воксистской «Анти-Испании» — риторического инструмента, позволяющего партии ярко подчёркивать свою идентичность, сформулированную на негативном основании;
4. Поиск культурно-исторической общности подкрепляет радикально правую, ревизионистскую идеологию Vox, выступающую за пересмотр настоящего политического консенсуса в Испании.

«Gran Hispanidad» сам по себе не является принципиально новой разработкой, однако эффект «революционной архаизации» создаётся за счёт того, что Vox стремится существенно углубить и идеализировать имеющееся гуманитарное сотрудничество между Испанией и странами Латинской Америки, чтобы более явственно обозначить статус Испании как культурного или даже цивилизационного центра Иberoамерики. Чтобы заострить внимание на культурном единении в рамках Иberoамерики Vox делает мно-

жество публикаций исторического содержания, цель которых заключается в формировании у испанского избирателя соответствующего представления о колониальном прошлом Испании.

Партия Vox является на данный момент наиболее влиятельной политической силой, использующей имперский дискурс в качестве ностальгии по временам Великой Испании. Такой приём позволяет Vox создать риторический антагонизм между двух Испаний, между «Испанией» и «анти-Испанией», что является мощным политическим приёмом для маргинализации прочих политических сил. Из этого можно заключить, что имперская риторика Vox реализуется в рамках морализованного антиплюрализма, что способствует эскалации испанского политического дискурса.

В будущем не исключены сценарии, при которых Vox может войти в правительство в коалиции с умеренно правыми партиями, в первую очередь с Народной партией. В таком случае Vox, вероятно, вынужден будет несколько ослабить радикализм риторики, в первую очередь направленный против потенциальных коалиционных партнёров. Имперская проблематика тоже может быть затронута подобной «тактической либерализацией», что может привести к более осторожному использованию концепции «Gran Hispanidad», если не к её замалчиванию, что, правда, грозит Vox потерей идентичности.

Библиография

1. *Кожановский А. Н.* Феномен партии «Вокс» (Vox) в контексте национально-культурного развития Испании / А. Н. Кожановский // Ибероамериканские тетради. — 2019. — № 4. — С. 43–48.
2. *Терещук А. А.* Языковая идеология испанской партии Vox / А. А. Терещук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2020. — Т. 30. — Вып. 5. — С. 828–836
3. *Хенкин С. М.* “Вокс”: испанский вариант праворадикальной партии в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения — 2021.
4. *Астахова Е. В.* Особенности дискурса партии Vox и причины ее успеха // Испания в новой национальной и международной реальности (Отв. ред. Яковлев П. П., Куракина-Дамир А. А.). — М.: ИЛА РАН, 2020. — С. 35–44
5. *Берлин И.* История свободы. Россия / И. Берлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — С. 34–48.
6. *Мюллер Я.-В.* Что такое популизм? / Я.-В. Мюллер. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — С. 48.
7. *Краснопольская И. И., Солодова Г. С.* Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля / И. И. Краснопольская, Г. С. Солодова // Социологический журнал. — 2012. — № 4. — С. 24–35.
8. *Люббе Г.* В ногу со временем / Г. Люббе. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — С. 97.

9. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 27.
10. *Ключевский В. О.* Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский // *Собрание сочинений в 9-ти томах.* — Т. IX. Материалы разных лет. — М.: «Мысль», 1990. — С. 126.
11. *Стефанчиков И. В.* Язык и идеи современного испанского национализма: исследование дискурса партии Vox / И. В. Стефанчиков // *Stephanos.* — 2020. — № 4 (42). — С. 68.
12. Gustavo Bueno. Biography. — URL: <https://fgbueno.es/ing/gbm.htm> (дата обращения: 03.11.2023).
13. VOX: официальный сайт партии «Вокс». — Испания. — URL: <https://www.voxespana.es/> (дата обращения: 01.12.2023).

*Карпушева Виктория Алексеевна,
Козлова Кристина Васильевна*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИНЛЯНДИИ: КЕЙС МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ «ИСТИННЫЕ ФИННЫ»

NEOCOLONIAL DISCOURSE IN CONTEMPORARY FINNISH POLITICS: THE CASE OF THE MIGRATION POLICY OF THE FINNS PARTY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить влияние финского колониального и имперского наследия на формирование миграционной политики партии «Истинные финны». Для достижения данной цели в качестве теоретико-методологических рамок применялись концепция об образе «Другого» в международных отношениях, а также дискурс-анализ и качественный контент анализ. В ходе исследования было установлено, что программные документы «Истинных финнов» базируются на противопоставлении этнических финнов мигрантам на основе социального, культурного и экономического неравенства в отношении последних, что является имплементацией неоколониальных практик.

Ключевые слова: неоколониальная теория, дискурс-анализ, миграционная политика, Финляндия, партия «Истинные финны».

Abstract. This article attempts to determine the influence of the Finnish colonial and imperial legacy on the formation of the migration policy of the Finns Party. The theory of securitization as well as the concept of the image of the «Other» in international relations was used as a theoretical basis. The study found that the program documents of the Finns Party are based on the opposition of ethnic Finns to migrants on the basis of social, cultural and economic inequality towards the latter, which is an implementation of neocolonial practices.

Keywords: neocolonial theory, discourse analysis, migration policy, Finland, the Finns Party.

Введение

В настоящее время в регионе Северной Европы наблюдается устойчивый тренд на ужесточение миграционной политики в связи с позиционированием миграционного кризиса как прямой угрозы национальной безопасно-

сти государствам региона. Подобный тренд связан и с ростом популярности правых политических сил на почве возникшей необходимости принятия особых мер для урегулирования миграционных потоков и выработки эффективной политики интеграции. Основным инструментом, применяемым правыми партиями, является использование неоколониальных нарративов при выработке политики в отношении мигрантов, поскольку ряд государств североευропейского региона имеет собственное имперское наследие. В этом ключе Финляндия и политический курс партии «Истинные финны» не стали исключением.

Изучение неоколониальных дискурсов в миграционной политике партии «Истинные финны» является актуальным ввиду ряда причин. Во-первых, европейский миграционный кризис приобрел новый виток в 2022 году в связи с притоком украинских беженцев, поэтому его влияние на внутреннее положение дел в странах Европы лишь увеличивается. Во-вторых, глобальные вызовы стали причиной трансформации финских ценностей, лежащих в основе национальной идентичности государства. В контексте новизны исследования необходимо отметить, что в российской науке о международных отношениях колониальный опыт Финляндии, как и других стран Северной Европы, остается на втором плане по отношению к тем же вопросам в историческом прошлом стран Западной Европы. Исходя из этого, влияние подобного опыта на текущие политические процессы также не попадает в поле зрения исследователей.

Таким образом, в качестве гипотезы выдвигается утверждение о том, что финны не смогли должным образом отразить свое колониальное прошлое (а потому не испытывают чувства вины за участие в колониальном разделе мира), что становится причиной использования финскими правыми политическими силами неоколониального дискурса в формировании своего политического курса, в частности в формировании миграционной политики. Для того, чтобы доказать выдвинутую гипотезу, были поставлены следующие задачи: изучить финский исторический опыт в отношении колониальных и имперских практик, рассмотреть программные документы «Истинных финнов» по миграционному вопросу для последующего установления факта перенимания колониальных практик в иных формах на современном этапе или же факта их окончательного ухода в прошлое.

В рамках данного исследования применяется следующий ряд теорий и методов. В основу работы легла неоколониальная теория, означающая складывание особой системы отношений между развитыми западными державами и бывшими, которая предполагает возникновение новых форм эксплуатации последних. Для определения способа формирования националь-

ной идентичности будет рассматриваться образ «Другого» в международных отношениях, который предполагает, что восприятие «себя» общностью может выстраиваться на противопоставлении и сравнении с отличающимся «другим». Подобные отличия в случае партии «Истинные финны» будут базироваться на религиозном, экономическом принципе, факте рождения на или вне территории Финляндии и т.п. Применение данной теории сопряжено также с использованием таких методов как качественный контент-анализ и дискурс-анализ, с помощью которых будут выявлены основные идеи и тенденции по поставленным вопросам.

Колониальное и имперское наследие Финляндии

Для определения восприятия финнами феномена колониализма необходимо рассмотреть историю страны на трех ключевых этапах: Финляндия в составе Швеции, в составе Российской империи и как независимое государство. Исследование подобных процессов основывается на монографии «Finnish Colonial Encounters: From Anti-Imperialism to Cultural Colonialism and Complicity», опубликованной при посредничестве Кембриджского университета в 2021 году [1], а также на работе «Intra-Nordic Differences, Colonial/Racial Histories, and National Narratives: Rewriting Finnish History» [2].

Финляндия в составе Швеции. В современном финском обществе доминирует утверждение о непричастности Финляндии к колониальной активности западных государств, так как Финляндия вела собственную борьбу за свое положение в качестве колонии. Однако данное положение нельзя назвать верным, поскольку финны принимали равное участие в колонизации земель, как и шведы. В этом контексте особенно важной становится концепция *колониализма соучастия*: Финляндия не является ни общепризнанной колониальной державой, участвовавшей в разделе мира, ни «невинной жертвой», так как Шведская Финляндия распространяла властные отношения и имела собственные концепции расовых иерархий.

Ярким примером финского колониализма является притеснение саамов на законодательном уровне посредством принятия законов об отчуждении саамов от природных ресурсов на территориях их расселения. Помимо прочего, согласно трудам историка Пекки Исаксона [1], «великие люди» Финляндии были убеждены в том, что долгом финнов является распространение их культуры как можно дальше на север. Культура саамов же рассматривалась как застывшая во времени и прекратившая эволюционировать за пределы кочевого и охотничьего образа жизни. В этом отношении доминирующей стала концепция *культурного колониализма*, суть которой заключается в распространении собственных представлений о других народах среди финнов.

Финны также внесли существенный вклад в основание шведских колоний по всему миру, начиная с Африки и заканчивая территориями современных Соединенных Штатов. Так, например, в финской историографии отмечается феномен «лихорадки Сен-Бартелеми», связанной со стремлением финнов избежать последствий голода и неурожая на родине, чтобы покинуть ее и начать счастливую жизнь в новоприобретенной шведской колонии. Земли колонии Новая Швеция (на берегах реки Делавэр) были разработаны финскими мелкими преступниками, которым было предложено сократить срок их заключения до нескольких лет принудительных трудов в колонии. Важным условием переселения являлось распространение европейской культуры и христианства. Финское население также трудилось на благо освоения колонии Шведский Золотой Берег, находящейся на территории современной Ганы, что также говорит о важной роли финнов в укреплении шведского империализма.

Финляндия в составе Российской Империи. Финны не воспринимали Россию как колонизатора вплоть до конца XIX века, что в том числе было связано с трансформацией финского языка из языка меньшинства в язык большинства в составе Великого княжества Финляндского [2].

Периоду роста либеральной мысли и начала противопоставления себя российским ценностям предшествовал очередной период колониализма соучастия. Так, финны сыграли особенно важную роль в развитии Русской Америки на Аляске, поскольку рост имперской России предоставил финскому населению множество новых возможностей карьерного роста в различных частях государства. Ключевой фигурой в этом отношении является этнический финн Арвид Карлович Этолин, де-факто генерал-губернатор Аляски и организатор научных экспедиций на территории Русской Америки.

Продолжился и культурный колониализм в Африке: во второй половине XIX века Финское миссионерское общество реализовывало свою деятельность в Намибии. Помимо того, что финны завезли туда западную модель образования, медицины и «социальные практики» (письменный язык, евангелическая-лютеранская вера), ими были созданы представления об африканцах как о «чужих», которые впоследствии передавались нескольким поколениям финнов.

Однако после этого начался этап разочарования в Российской Империи, прежде всего связанный с политикой русификации конца XIX — начала XX веков. Финны больше ассоциировали себя со Швецией и с остальной Европой, чем с Россией и ее культурой и историей. Именно тогда стало складываться представление о Финляндии как о жертве колониализма, которое использовалось финскими политиками на протяжении всего столетия и продолжает использоваться и по сей день.

Независимая Финляндия. Безусловно, после обретения независимости Финляндия отказалась от колониальных практик, поэтому на этом этапе ключевым предметом изучения становятся дискурсы. Особенно популярным становятся понятия «колониализм» и «империализм», с критикой которых выступали финские политики. Отправной точкой для регулярного использования указанных понятий на парламентских дебатах стало принятие Финляндией Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Начиная с 1973 года, финское правительство, возглавляемое социал-демократами и Центристской партией, активно поддерживало национально-освободительные и антиколониальные движения в Анголе и Мозамбике, Намибии, Южной Африке и Южной Родезии [1].

Европейская интеграция рассматривалась как прямая угроза суверенитету Финляндии, которая способна поставить страну в положение колонии. В покоем ключе оценивалось и вступление страны в ЕЭС: казалось, что становление Финляндии полноправным членом объединения является равнозначным ее превращению в «беспомощную колонию великих монополий ЕЭС».

Исходя из анализа трех периодов финской истории, можно сделать вывод о самопозиционировании Финляндии как миролюбивой северной державы, не причастной к колониальному разделу мира, и о восприятии себя как жертвы. Колонизаторская деятельность в составе как Швеции, так и Российской Империи, не была осмыслена финнами должным образом и не стала предметом широкой общественной дискуссии, что стало причиной отсутствия четкого отрицательного отношения к собственной колонизаторской деятельности и признания причастности к этому процессу. Критика империализма направлена не внутрь страны, а вовне: финское участие замалчивается, в то время как имплементация подобных практик в рамках политики других государств подвергается критике. Об этом свидетельствуют осуждение действий США во Вьетнаме, а также характеристика арабо-израильских конфликтов как «нападение Израиля на арабские народы с помощью американских империалистов» [1]. Финляндия отказалась от использования колониальных практик в отношении других стран и народов, в частности от концепции колониализма соучастия, однако на современном этапе сохраняется доминирующее положение культурного колониализма в процессе формирования политического курса некоторых финских партий. Ярким примером использования колониальных практик в своих программных документах является партия «Истинные финны».

Эволюция позиции «Истинных финнов» по миграционному вопросу

В контексте усиления правых сил в разных странах Европы нельзя не отметить, что партии, традиционно считающиеся крайне правыми, при-

обретают системный характер, занимая определенную нишу в партийной борьбе. Среди ярких таких примеров можно назвать «Национальное объединение» во Франции и «Шведских демократов» в Швеции. Этот процесс не обошел стороной и Финляндию, где партия «Истинные финны» с 2011 года стала третьей силой по числу представителей в Эдускунте, улучшив результат в 2019 и став второй партией в парламенте, сохраняя этот результат и сейчас. Одним из основных направлений деятельности партии в данный момент является курс на ужесточение миграционной политики, что четко прослеживается в программных документах, опубликованных в разные годы. Однако радикальную форму позиция по этой проблематике приняла не сразу, и это позволяет рассмотреть эволюцию вопроса и выделить ее характерные этапы.

Первый этап пришелся на момент создания партии в 1995 г. и продлился вплоть до 2007 г., когда повестка потребовала обновления. Этот период характеризуется отсутствием развернутой программы с установленными инструментами интеграции или мер наказания в отношении нелегальной миграции. В целом, как можно отметить в Общей программе партии 1995 г., а также в программе парламентских выборов 2003 г., отношение к любым мигрантам характеризовалось как умеренное. Так, в программе 1995 г. отмечается, что при условии принятия социальных и правовых порядков Финляндии «Истинные финны» готовы взаимно дать всем право «жить на равных» [3]. Похожие тезисы нашли отражение и в программе 2003 г., где речь шла о становлении мигрантов частью финского народа и создании общего благосостояния [4]. Можно сделать вывод о том, что на тот момент ситуация не воспринималась критически, а общее представление партии заключалось в выстраивании равных отношений с мигрантами, приносящими пользу обществу.

К 2007 г. начался следующий этап, который продлился до миграционного кризиса 2015 г. В конце нулевых проблема миграции становится более заметной, учитывая, что прирост иностранного населения происходит активнее, чем среди этнического населения Финляндии, стремительно развиваются параллельные сообщества. Стоит отметить, что именно в этот период «Истинные финны» начинают делать больший акцент на негативных аспектах миграции, выработке более четких инструментов интеграции уже имеющих мигрантов и на мерах по выдворению мигрантов-правонарушителей. Также формулируется принцип «в стране по-странному», заключающийся в строгом следовании мигрантами финских норм и отказа от мультикультурализма [5]. Примечательным символом ужесточения позиции партии по данному вопросу стало акцентированное деление миграции на позитивную (и нейтральную) и негативную, каждая из которых требует применения раз-

личных мер [6], что свидетельствует об углублении комплексности вопроса, взгляде на него как на источник потенциальных проблем в Финляндии.

Третий этап начался в 2015 г. в связи с миграционным кризисом в Европе и продолжается сейчас, учитывая особо обострившуюся в 2022 г. политическую обстановку в регионе. Важно отметить, что в рамках этого периода миграция приобретает значение не только одной из повесток партии в рамках общей программы, но и становится отдельным и расширенным программным документом. Она воспринимается «Истинными финнами» исключительно как негативное явление, которое ведет к «геттоизации жилых районов, способствует религиозному радикализму, разжигает этнические конфликты» [7]. Как отмечалось в программе по миграционной политике 2015 г., Финляндия столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, а количество мигрантского населения росло и растет быстрее, чем где-либо в Западной Европе [7]. Миграционный кризис, несомненно, запустил виток ужесточения позиции партии по представленному вопросу, однако усилили этот процесс выборы главы партии в 2017 г. На них победу одержал Юсси Халла-ахо, представлявший антимиграционное крыло партии, что привело к внутреннему расколу и отделению умеренных ее членов [8]. Новый лидер сформировал современное видение миграционного вопроса, будучи известным своим пренебрежительным отношением к африканским и ближневосточным переселенцам и их культуре, что сводилось к высказываниям по типу «ислам — это педофильская религия» [9]. Это значительно радикализовало позицию партии, которая в последующих программах намного активнее стала формировать дихотомию типовых образов мигранта и финна на неокOLONиальных началах, называя мигрантов главной угрозой внутренней безопасности Финляндии [10].

Неоколониальные нарративы «Истинных финнов»: образы мигрантов и финнов

Отдельный интерес представляет новая миграционная программа 2023 г., на данный момент наиболее полно раскрывающая позицию партии и наиболее радикальная из представленных. Как отмечается, миграционная политика Финляндии «провалилась по всем направлениям», что привело к формированию банд и группировок в столичном регионе (где мигранты представлены в наибольшем количестве), Турку и Тампере, а также полной зависимости иностранцев от социальной помощи [11].

Несмотря на то, что русские все еще являются крупнейшей группой иностранного происхождения в Финляндии [12], основной фокус «Истинных финнов» составляют группы стран Ближнего Востока и Африки. Связано

это с целым рядом проблем, которые, по версии партии, спровоцированы именно мигрантами из этих государств: уже упомянутые группировки, сильное влияние на «исламизацию» Финляндии, проповедование исламского фундаментализма, удешевление труда за счет найма иностранных граждан и т.д. Негативный пример близкого партнера в лице Швеции, в которой за годы миграционного кризиса наблюдалось наибольшее число террористических атак, совершенных мигрантами, также актуализирует для финнов осмысление собственной политики на данном направлении.

Однако среди практических предложений по решению проблемы нашли отражения также исключительно ценностные заявления партии, носящие цель выстроить два параллельных образа — развитых и цивилизованных этнических финнов и мусульманских и необразованных мигрантов — как несопоставимых социальных слоев. Основу данного противопоставления составляют идеи, несущие в себе неокOLONиальный оттенок: непримиримое разделение ценностей христианства и ислама; подчеркнутая неприязнь к мусульманам и их религиозным атрибутам; особо пренебрежительное отношение к мигрантам неевропейского происхождения, в особенности из развивающихся стран; приравнивание мигрантов к людям низкого социального и экономического положения, трудящимся на нелегальной основе и не стремящимся решать свои проблемы без помощи государства и т.д. Как утверждают «Истинные финны», такой образ жизни чужд финскому укладу, а потому все упоминания традиционных ценностей финского народа носят нарочито антонимичный характер и подчеркивают высокий статус Финляндии как развитого и западного государства и нации. Исходя из этого, дихотомия образов типичного финна и типичного мигранта выстраивается как борьба образов «свой-чужой» (табл. 1).

Таблица 1.

Противопоставление образов мигрантов и финнов

	Образ типичного мигранта	Образ типичного финна
Социальная защищенность	Зависимость от государства и социальных выплат	Не получает достаточно выгод как налогоплательщик
Социально-экономическое положение	Занимают низшее положение, неквалифицированный и низкооплачиваемый труд	Ядро нации, вынужден конкурировать на рынке труда, будучи вытесненным дешевой рабочей силой
Уровень образования	Низкий уровень образования	Образованность, цивилизованность

Отношение к религии	Ислам (зачастую радикализм)	Христианство
Культурные ценности	Варварские традиции, склонность к преступности	Распространение европейских ценностей, следование законам и прогрессивность

Таким образом, практика складывания стереотипных представлений о мигрантах как о чуждых моральным и культурным порядкам Финляндии лицах, наряду с их явно неравным положением в социальной иерархии и экономической среде, во многом напоминает проявления культурного колониализма, уже имевшего место в финской истории. Подобные идеи находят отклик у избирателей, которые продолжают активно голосовать за «Истинных финнов». Тем не менее текущие тенденции к возрастанию значения крайне правых сил в Финляндии могут возыметь и обратный эффект: тот образ развитой и цивилизованной страны, который сформирован представленной партией, в случае дальнейшего обострения напряженности между этническим населением и лицами иностранного происхождения может быть разрушен.

Заключение

Комплексная финская история, сочетающая в себе как нахождение Финляндии в колониальной зависимости от других государств, так и укоренение империалистских практик на протяжении столетий, заложила прочный фундамент, на котором базируется национальная идентичность современных финнов. Отказ правительства и иных политических сил от признания Финляндии участником колониального раздела мира, а также отсутствие публичного обсуждения собственного исторического наследия стали причинами неосознанного перенимания и использования былых инструментов ведения внешней и внутренней политики. В случае партии «Истинные финны» необходимо отметить, что она далеко не сразу пришла к формату жесткой конфронтации по отношению к мигрантам. Этот процесс был усилен началом миграционного кризиса в 2015 г. и внутренним расколом объединения, которое привело к лидерству радикального антимиграционного блока сил. На сегодняшний день миграционная программа «Истинных финнов» основывается на выстраивании неоколониальных нарративов, выражающихся в пренебрежительном отношении к мигрантам как на социальном, так и на экономическом уровнях, стремлении ограничить их права и возможности, выстраивании искусственной дихотомии между христианскими и мусульманскими ценностями. В то же время образ этнических финнов выстраивается в полной противоположности к уже упомянутому образу

мигрантов, стремясь подчеркнуть исключительный статус нации как носителя западно-христианских ценностей, развитость социальных и экономических систем государства, финского уклада и моральных, культурных норм. Создание и распространение подобных стереотипных и негативных представлений об определенных национальностях на основе неравенства и концепции культурного колониализма демонстрируют, что подобные практики не остались в прошлом и лишь получают свое дальнейшее распространение.

Библиография

1. *Merivirta R., Koivunen L., Särkkä T. Finnish Colonial Encounters // Palgrave Macmillan Cham. 2021. 336 p.*
2. *Keskinen S. Intra-Nordic Differences, Colonial/Racial Histories, and National Narratives: Rewriting Finnish History // Scandinavian Studies. 2019. Vol. 91, No. 1–2, pp. 163–181*
3. *Puolueen yleisohjelma 1995 // Perussuomalaiset. URL: <https://www.perussuomalaiset.fi/puolueen-yleisohjelma-1995/> — 20.01.2024*
4. *Perussuomalaisten lähiajan tavoiteohjelma, 2003 // Perussuomalaiset. URL: <https://www.perussuomalaiset.fi/perussuomalaisten-lahiajan-tavoiteohjelma-2003/> — 21.01.2024*
5. *Perussuomalaiset rp. — Eduskuntavaaliohjelma 2007 // Perussuomalaiset. 2006. URL: https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2013/04/Perussuomalaisten_eduskuntavaaliohjelma_2007.pdf — 20.01.2024*
6. *Suomalaiselle sopivin Perussuomalaiset r:p: n eduskuntavaaliohjelma 2011 // Perussuomalaiset. 2011. URL: https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2013/04/Perussuomalaisten_eduskuntavaaliohjelma_2011.pdf — 21.01.2024*
7. *Maahanmuuttopoliittinen ohjelma 2015 // Perussuomalaiset. 2015. URL: <https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2013/04/Maahanmuuttopoliittinen.pdf> — 22.01.2024*
8. *Perussuomalaisten maahanmuuttovastaisen siiven värisuora: Teuvo Hakkarainen valittiin 2. Varapuheenjohtajaksi // Helsingin Sanomat. 2017. URL: <https://www.hs.fi/politiikka/art-2000005249086.html> — 22.01.2024*
9. *Верховный суд ужесточил приговор ДП Халла-ахо за его расистские высказывания // Yle. 2012. URL: <https://yle.fi/a/3-6602223-22.01.2024>*
10. *Maahanmuuttopoliittinen ohjelma 2019 // Perussuomalaiset. 2019. URL: <https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2019/02/Maahanmuuttopoliittinen-ohjelma-2019.pdf> — 21.01.2024*
11. *Perussuomalaisten Maahanmuuttopoliittinen ohjelma 2023 // Perussuomalaiset. 2023. URL: <https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2023/01/MaahanmuuttopolOhjelmaIso.pdf> — 21.01.2024*
12. *Наибольшее количество новых жителей Финляндии переехало из России // Деловой Петербург. 2023. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/10/13/naibolshee-kolichestvonovih> — 22.01.2024*

*Ненашева Анастасия Евгеньевна,
Юрченко Вероника Алексеевна*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

РОЛЬ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КОРОЛЕВСТВА ДАНИЯ В XXI ВЕКЕ

THE ROLE OF POSTCOLONIAL DISCOURSE IN THE DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF THE KINGDOM OF DENMARK IN THE XXI CENTURY

Аннотация. Постколониальный дискурс играет важную роль в формировании общественного восприятия внутренней и внешней политики государства. Данная статья посвящена исследованию его роли в Королевстве Дания. Предмет исследования представляется оригинальным, так как традиционно Дания остается за рамками колониальных и постколониальных исследований. В статье проводится сравнительный анализ дискурса датской политической элиты в отношении бывших колоний в традиционном понимании и Гренландии как территории с особым статусом. Авторы приходят к выводу, что в самой Дании эти два направления рассматриваются в совершенно разных контекстах, при этом постколониальный дискурс оказывает определенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Ключевые слова: Королевство Дания, колониализм, постколониальный дискурс, развивающиеся страны, Гренландия.

Abstract. Postcolonial discourse plays an important role in shaping public perception of the state's domestic and foreign policies. This article is devoted to the study of its role in the Kingdom of Denmark. The subject of the study seems original since Denmark traditionally remains outside the scope of colonial and postcolonial studies. The article provides a comparative analysis of the discourse of the Danish political elite regarding former colonies in the traditional sense and Greenland as a territory with a special status. The authors come to the conclusion that in Denmark itself these two directions are considered in completely different contexts, while postcolonial discourse has a certain influence on the country's domestic and foreign policy.

Keywords: The Kingdom of Denmark, colonialism, postcolonial discourse, developing countries, Greenland.

Введение

Постколониальные исследования в начале XXI века приобрели особую значимость. Важность обращения к колониальному прошлому бывших государств-метрополий была обусловлена поисками новых форм взаимодействия с бывшими колониями, а также необходимостью решения внутренних проблем, связанных с притоком мигрантов из тех самых территорий и формированием собственной идентичности. Наличие колониального прошлого оказало серьезное влияние на формирование современного облика многих европейских государств. Колониальные империи, которые окончательно распались лишь в конце XX в., определили политику современных государств Западной Европы в отношении развивающихся государств и стран Глобального Юга в целом. Проблема колониального прошлого периодически возникает в дискурсе этих государств и выражается сегодня, например, в участии в программах помощи развивающимся странам. Эти факты являются общеизвестными и часто привлекаются как аргументы в дискуссиях как самими политиками европейских стран, так и их оппонентами и представителями политических элит государств-бывших колоний. Однако основной фокус постколониального дискурса направлен на страны, известные своими огромными колониальными владениями: в центре внимания оказываются Британская, Французская, Испанская и Португальская империи. Из-за подобного подхода скандинавская экспансия вне Европы остаётся мало освящённым вопросом в науке. Наряду с малой изученностью новизну работы представляет сравнительный анализ датского постколониального дискурса в отношении южных экс-колоний и современных северных владений. Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, политикой европейских государств, которые пытаются приспособиться к меняющимся международным реалиям и выработать ответ на растущую роль стран Глобального Юга, а именно в какой-то мере смягчить последствия колониального прошлого в поисках путей взаимодействия с бывшими колониями. Во-вторых, актуальность кейса датского постколониального дискурса связана с проблемой сохранения территориальной целостности государства, которая периодически обостряется в связи со стремлением Гренландии к независимости.

Таким образом, целью исследования является выявление особенностей формирования постколониального дискурса в Дании в отношении бывших колоний и нынешних автономных территорий. Для выполнения поставленной цели были выполнены следующие задачи:

- 1) описание истории Дании как колониальной державы;
- 2) изучение высказываний датских политиков по вопросу колониального прошлого страны;

- 3) определение особенностей положения Гренландии в составе Дании;
- 4) выявление влияния датского постколониального дискурса на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Методологическую основу исследования составляет постколониальная теория, широкое распространение которой началось в 1980-х гг., а её развитие проходило в рамках конструктивистского подхода в теории международных отношений, отдающего главенствующую роль идеологическим факторам при формировании международных отношений. Одно из определений описывает постколониализм как изучение колониализма и его влияния на прошлое и настоящее колоний и бывших империй [1]. Основным предметом исследования является датский постколониальный дискурс. В самом общем понимании дискурс — это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия или события, происходящего между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в определенном временном, пространственном, социальном, культурном и прочем контексте [2]. В данном случае речь идет о формировании в Дании восприятия колониального прошлого страны и его влияния на настоящее. Таким образом, путем конструирования образов и моделей посредством речевой деятельности в обществе создается мнение относительно проблемы колониализма в целом и применительно к опыту Дании, в частности. В качестве методов были применены анализ и синтез (в том числе анализ высказываний датских политиков), а также сравнительный анализ.

Колониальная история Королевства Дания

Европейский колониализм уходит своими корнями в XV век, к началу эпохи Великих географических открытий. В то время целый комплекс социальных, экономических и политических проблем в родных странах подтолкнул жителей европейских государств отправиться на поиски далёких и малозаселённых или вовсе не заселённых земель, вместе с этим прокладывая новые торговые пути и открывая для себя новые ресурсы, которые могли быть использованы для развития экономик будущих метрополий. Первыми странами, начавшими завоевания, стали Испания и Португалия. Как отмечает английский исследователь П. Дж. Тэйлор, первая колониальная эпоха, продлившаяся до 1600 года, была неконкурентной благодаря тому, что Испания и Португалия осваивали настолько огромные земли, что их интересы не сталкивались, и, как следствие, причин для соперничества друг с другом не было. Однако ситуация изменилась в XVII веке: почти все европейские державы присоединились к колониальной гонке, из-за чего европейская колонизация получила конкурентное измерение. [1]

Самыми обширными колониальными владениями обладали в разные периоды истории Великобритания, Франция, Испания и Португалия. Эти же

государства играли основную роль в развитии европейского колониализма и впоследствии стали главными объектами постколониальных исследований. В результате при таком традиционном подходе скандинавский колониализм редко попадает в поле зрения исследователей, хотя страны Северной Европы также владели колониями как на европейском континенте, так и за его пределами. Датская империя, являющаяся предметом нашей статьи, простиралась далеко за пределы нынешней территории Датского Королевства: по результатам заключённой Датско-норвежской унии под властью Дании оказалась Норвегия и все её зависимые территории, а также ряд территорий в Африке, Азии и на Карибских островах.

В 1616 году была основана Датская Ост-Индская компания, а уже в 1620 году Транкебар был куплен датчанами, где и была основана столица Датской Ост-Индской компании. В период своего расцвета она контролировала большую часть поставок чая из Индии в европейские государства, но уже в середине XVII века оказалась в кризисе и в 1729 году оказалась распущена, в результате чего Транкебар стал владением Датской империи. В XVIII веке датская экспансия в Индию продолжилась: датскими стали территории на Малабарском берегу, в Западной Бенгалии и Бенгальском заливе. Однако по датским владениям в Индии был нанёс удар со стороны Великобритании, поскольку часть колоний была захвачена у Дании в ходе Наполеоновских войн, а другую часть Дания продала самостоятельно в середине XIX века.

Начало датской колонизации в Африке и на Карибских островах было положено Датской Вест-Индской компании. Её центром в XVII–XIX веках в Африке был форт Кристиансбург на территории Золотого Берега, Датской Гвинеи. Датские владения в Африке подчинялись Датской Вест-Индской компании, но в 1850 году были переданы Великобритании. Колониальная экспансия Дании на территориях Карибского бассейна распространялась на Виргинские острова. В 1666 году датские колонисты впервые высадились на острове Сент-Томас, но вторая удачная высадка состоялась только в 1672 году. Спустя три года, в 1675 году, датские власти присоединили к своим владениям соседний остров Сен-Джон. Сама Вест-Индская компания создавалась для торговли в Карибской море и перевозки товаров через Атлантический океан в Европу. Основным «товаром» Датской Вест-Индской компании были рабы — и сравнительно небольшая Дания была достаточно крупным поставщиком рабов в европейские страны. [3] Впоследствии работорговля станет одним из аспектов датского постколониального дискурса.

После пика колониальных захватов Дании в XVII–XVIII веках королевство начало процесс избавления от колоний вне европейского континента уже в середине XIX века. Дания продала свои колонии на побережье Индии и Ганы Великобритании, но контроль Дании над Виргинскими островами

сохранялся вплоть до XX века. Только в 1917 году датское правительство согласовало с правительством США передачу Виргинских островов и осуществила её. Процесс ослабления контроля над датскими колониями в Европе и оформление их более автономного статуса начался только в 1940-е года. [4]

Постколониальный дискурс в Дании в XXI веке

Отношения Дании к своим бывшим колониям носят постколониальный характер. Будучи участником Организации экономического сотрудничества и развития, ежегодно Дания выделяет средства для оказания помощи развивающимся странам. Согласно рейтингу стран, составленному с учётом объёма ВВП на душу населения, в 2022 году Дания стала одним из крупнейших доноров организации и вместе с Люксембургом, Швецией, Норвегией и Германией достигла установленного ООН целевого показателя в 0,7% от ВВП, передаваемых на помощь развивающимся странам. [5] Однако финансовая помощь является единственной нитью, которая связывает Данию с бывшими колониальными владениями. В выступлениях официальных лиц Королевства отсутствует чувство вины и ответственности за колониальное прошлое. Наоборот, причастность к колониальному разделу мира сознательно не афишируется. При этом такая позиция едва ли является абсолютно искренней. Действительно, история Дании-метрополии коротка, особенно в сравнении с другими колониальными державами Старого Света. Однако если рассматривать датский колониализм в более широком контексте, то становится очевидно, что самой неприглядной его чертой является не сам факт наличия колоний и эксплуатация ресурсов этих территорий, а работорговля. Несмотря на то, что официально рабство было отменено в Дании в 1792 году, торговля рабами активно продолжалась по маршруту так называемой «треугольной торговли». За период владения колониями датчане вывезли из Африки в Новый Свет около 100 тыс. человек. [6]

Тема бывших колоний поднимается датской политической элитой эпизодически и в основном приурочена к памятным датам. При этом интересно отметить, что риторика не меняется на протяжении многих лет, что говорит о стабильности восприятия колониального прошлого как в политических кругах, так и среди населения. Вероятной причиной можно назвать отсутствие как такового постколониального дискурса для внутренней аудитории. В истории Дании отсутствует освещение колониального прошлого, поэтому размышления на эту тему непопулярны среди датчан. Таким образом, все заявления датских политиков направлены на внешнюю аудиторию и делаются крайне осторожно.

В качестве доказательства рассмотрим некоторые из заявлений датских политиков. Например, в 1998 году министр иностранных дел Нильс Хельверг Петерсен заявил, что не понимает, почему люди, которые не имеют никакого

отношения к рабству (современные датчане), должны принести извинения тем, кто никогда не испытывал гнета рабства на себе (очевидно, имеется в виду современное население бывших колоний). [6] Выступая в 2017 году с речью на Виргинских островах в честь столетия их продажи США, премьер-министр Дании Ларс Лёкке Расмуссен также не принёс извинений за колониальное прошлое Дании, а высказался в духе «невинного колониализма». Речь Расмуссена была сведена к стремлению строить общее светлое будущее, но при этом вину Дании за страдания колонизированных островов премьер-министр обозначил туманно. Он заявил, что рабство было непростительной ошибкой, однако прошлое невозможно вернуть и изменить, а потому необходимо вместе очнуться от «ночного кошмара», чтобы жить дальше с новыми надеждами и целями. [7] В 2021 году премьер-министр Метте Фредериксен также заявила, что не видит причин для извинений, так как уже не осталось никого, кто пострадал от рабства. Таким образом, датские политики от десятилетия к десятилетию прибегают к аналогичным ответам на неудобные вопросы о прошлом страны как колонизатора, используя при этом очень похожие формулировки.

Совершенно иным представляется дискурс в отношении северных территорий, которые в настоящее время являются частью Дании. Сложность заключается в двойном положении Гренландии с точки зрения собственного статуса. Интерес представляет восприятие внешними акторами Гренландии не как неотъемлемой части Дании, а как её колонии, ещё не получившей независимость. Согласно формальным признакам такого явления как колониальное господство, контроль Дании над Гренландией действительно напоминает контроль метрополии над зависимой территорией; лишним подтверждением такого подхода является то, что Гренландия, как и «классические» колонии, находится в отдалении от своей метрополии и обладает отличным от неё этническим составом населения. Гренландия обладает особой формой самоуправления, позволяющей ей принимать решения, касающиеся местных вопросов, но на остров всё равно распространяется суверенитет Дании. [8] При этом необходимо отметить, что в самой Дании постколониальный дискурс в отношении Гренландии выражен гораздо слабее и носит несколько иной характер, что хорошо проявилось в августе 2019 году, когда прежний президент США Дональд Трамп предложил датскому правительству продать Гренландию. Премьер-министр Дании Метте Фредериксен вступила в заочные дебаты и категорически отвергла это предложение, заявив, что Гренландия не продаётся. Более того, премьер-министр Дании отметила, что «Гренландия является гренландской», поэтому предложение о её покупке к Дании не может рассматриваться сколько-нибудь серьёзно. [9] Официальные представители Гренландии заявили, что судьба их земли не может

решаться без их участия, говоря о необходимости проведения референдума на острове, если перспектива изменения его статуса станет реальной. [10] При этом важно отметить, что это было не первое предложение Соединённых Штатов о покупке Гренландии или упоминание американских официальных лиц о грядущей гренландской независимости, поэтому Дональд Трамп лишь повторил идею, которая была выработана его предшественниками. США также подчёркивают, что для них Гренландия представляет не только военный интерес, а сферы сотрудничества Соединённых Штатов с островом выходят за пределы оборонительных вопросов. [11]

Принимая во внимание такой резкий отказ Дании от предложения Дональда Трампа, интересно взглянуть на то, какими правами обладает Гренландия в составе Дании. С 1953 года Гренландия перестала быть колонией Дании и на данный момент имеет статус автономной территориальной единицы в составе Датского королевства. В 2009 году был принят Указ о самоуправлении Гренландии, по которому Гренландия получила собственные органы власти. Также он расширил сферы, в которых Гренландия могла пользоваться правом самостоятельно принимать решения, добавив такие важные вопросы, как контроль за полицией, правосудие и даже некоторые сферы права. Более того, Указ о самоуправлении содержит в себе положение о будущей независимости Гренландии и гласит, что если такой вопрос в будущем возникнет, то он должен быть решён путём референдума в автономии и проведения переговоров между правительствами Гренландии и Дании. [12]

Как можно проследить по развитию отношений Гренландии и Дании, датское правительство последовательно расширяет самоуправление в своей автономии, но при этом на все предложения о покупке или даровании острову независимости реагирует достаточно остро. В этой связи хотелось бы рассмотреть те аспекты, в которых наличие Гренландии в составе Дании даёт последней преимущество на международной арене. Во-первых, Гренландия обладает крайне важным стратегическим положением в Северной Атлантике. Вступление Дании в НАТО в год основания организации также не в последнюю очередь было вызвано её контролем над островом, который может быть использован для размещения военной базы, дозаправки самолётов при перелёте с Американского континента в Европу и для установки радиолокационных радаров. Имея в своём составе настолько ценную со стратегической точки зрения территорию, Королевство Дания может добиваться более выгодных для себя условий в том или ином вопросе. Во-вторых, Гренландия служит для Дании пропуском в те организации, куда Королевство не смогло бы попасть при прочих равных условиях без наличия Гренландии в своём составе. Примером такой организации может служить Арктический совет. Поскольку Дания не обладает другими территориями

в Арктике, без Гренландии Королевство не могло бы занять место постоянно члена в Совете и оказывать непосредственное влияние на принятие решений внутри данной международной организации.

Несмотря на то, что Дания расширяет границы самоуправления Гренландии, гренландские политические силы продолжают настаивать на обретении островом независимого от Королевства статуса. Три крупнейшие партии Гренландии, «Сообщество инуитов», «Вперёд» и «Переломный момент», получившие суммарно более 79% голосов на последних выборах в парламент Гренландии в 2021 году, выступают за получение островом независимого статуса. [13] Это хорошо коррелирует с высказанным гренландскими политиками в 2019 году мнением о том, что будущий статус Гренландии должен решаться только после согласования с её народом.

Несмотря на то, что Гренландия остаётся главным объектом датского постколониального дискурса, входящим в состав Королевства, это не единственная автономия Дании. Фарерские острова также имеют автономный статус в составе Королевства, и они получили его даже раньше Гренландии — в 1948 году был принят Закон о самоуправлении, наделивший Фарерские острова законодательной и административной самостоятельностью в таких сферах, как вопросы сохранения и управления морскими ресурсами, защиты окружающей среды, ресурсов континентального шельфа, внешних торговых отношений, финансовой политики, регулирования бизнеса, налогообложения и таможи, а также энергетики, транспорта и социальной политики. Отдельного внимания заслуживает положение, согласно которому действие любого заключенного Данией договора может распространяться на территорию Фарерских островов только после его непосредственного одобрения властями автономии. Как и в случае с Гренландией, автономия Фарерских островов постепенно расширялась. В 2005 году в результате подписания Закона о внешней политике фарерские власти получили право заключать международные соглашения от имени Королевства в тех сферах, которые предусматривает автономия островов. [14]

На Фарерских островах, как и в Гренландии, существуют партии, выступающие за независимость островов, но, принимая во внимание слабое развитие постколониального дискурса в Дании, их голоса практически не слышны в Копенгагене. Более того, независимость Фарерских островов представляется более сложной, чем Гренландии, поскольку острова сильно зависят от Дании в финансовом плане. [15]

Выводы

Постколониальный дискурс представлен в Дании неоднородно. В Королевстве сложились два совершенно различных подхода к оценке «северных»

и «южных» колоний. Исторические колонии рассматриваются как внешние объекты, и на современном этапе им оказывается в первую очередь финансовая помощь. При этом сама проблема колониального наследия и связанное с ней участие в работорговле сознательно не транслируется внутри страны, а все заявления предназначаются для внешней аудитории и представляют собой в основном ответы на упреки в колониальном прошлом и необходимости в извинениях.

В отношении же «северных» колоний сложилась иная ситуация. Гренландия воспринимается неотчуждаемой частью государства в самой Дании. Это следует и из заявлений политиков, и из конкретных практических действий датского правительства. Однако внешнее восприятие датско-гренландских отношений можно охарактеризовать в категориях «колония — метрополия». Другими странами современные заморские владения Дании воспринимаются именно как осколки империи, что выражается в таких проявлениях, как предложение о покупке территории, что совершенно нетипично для современных реалий и напоминает отношения колониальных держав в период расцвета колониализма.

Таким образом, постколониальный дискурс играет роль в формировании внешней и внутренней политики Дании, однако она ограничена различными факторами. В первую очередь необходимо учитывать, что наибольшую значимость для Королевства имеют насущные проблемы, которые связаны с северным направлением. Поэтому дискурс в этом направлении играет более важную роль как внутри страны, так и за ее пределами. С другой стороны, дискурс в отношении бывших колоний не столь заметен и играет, скорее, второстепенную роль. При этом колониальное наследие не является столь острой проблемой для Дании и не затрагивает ее внутривнутриполитические процессы.

Библиография

1. *Рогов И. И.* Колониальная империя: история и современность. Проблемы определения понятий // TERRA ECONOMICUS. 2011. Том 9 № 1 Часть 2.
2. *Ирхин Ю. В.* Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014.
3. Датская колониальная империя в Старом и Новом свете и ее защитники // Военное образование // URL: <https://topwar.ru/64205-datskaya-kolonialnaya-imperiya-v-starom-i-novom-svete-i-ee-zaschitniki.html> — 23.01.2024).
4. *Jensen, L.* (2016). Postcolonial Denmark: Beyond the Rot of Colonialism? *Postcolonial Studies*, 18(4), 440–452.
5. Official Development Assistance (ODA) in 2022, by members of the Development Assistance Committee (preliminary data) // OECD, 2023 // URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> — 15.12.2023.

6. Denmark cannot apologise for slave trade. URL: <https://www.sciencenordic.com/criminality-denmark-ethics/denmark-cannot-apologise-for-slave-trade/1375831-26.01.2024>.
7. Statsminister Lars Løkke Rasmussens tale ved Transfer Day, St. Croix, den 31. marts 2017 // URL: <https://www.stm.dk/statsministeren/taler/statsminister-lars-loekke-rasmussens-tale-ved-transfer-day-st-croix-den-31-marts-2017/> — 15.12.2023.
8. Грачев, Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестн. Волгогр. Гос. Ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 2 (17)
9. Дания отказалась продавать Гренландию США // Lenta.ru, 2024 // URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/19/nebudut/> — 26.01.2024.
10. Власти Гренландии ответили «мы не продаемся» на данные об идее Трампа // РБК, 2024 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2019/5d5691c89a794718d955d664-26.01.2024>.
11. The U.S. — Greenland Relationship // U. S. Embassy & Consulate in the Kingdom of Denmark, 2024 // URL: <https://dk.usembassy.gov/policy/> — 28.01.2024.
12. Greenland // The Prime Minister's Office, 2024 // URL: <https://english.stm.dk/the-prime-ministers-office/the-unity-of-the-realm/greenland/> — 26.01.2024.
13. Greenland (Denmark) // Parties and Elections in Europe, 2024 // URL: <http://www.parties-and-elections.eu/greenland.html> — 28.01.2024.
14. The Constitutional Status of the Faroe Islands // The Government of the Faroe Islands // URL: <https://www.government.fo/en/foreign-relations/constitutional-status/> — 25.02.2024.
15. “Our strategy is to gradually empty the Home Rule Act to achieve Faroese independence” // Nationalia, 2024 // URL: <https://www.nationalia.info/interview/11552/our-strategy-is-to-gradually-empty-the-home-rule-act-to-achieve-faroese-independence/> — 25.02.2024.

*Крюкова Анна Игоревна,
Силантьев Евгений Алексеевич*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО С СОВРЕМЕННЫМ СЕПАРАТИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ В ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

THE CONNECTION BETWEEN THE COLONIAL PAST AND MODERN SEPARATISM AND NATIONALISM IN EUROPE ON THE EXAMPLE OF SPAIN AND THE UK

Аннотация. В данной статье поставлена цель определить выявления взаимосвязи сепаратистских тенденции, националистических движений и колониального прошлого Великобритании и Испании. Для осуществления поставленной цели были определены предпосылки развития сепаратистских настроений в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, а также в Стране Басков и Каталонии, кроме того, был проведён анализ действий политических партий и организаций данных территориальных образований. Изучив взаимосвязь данных явлений, был проведён сравнительный анализ. Авторы делают вывод о том, что современный сепаратизм в Великобритании имеет более сдержанный характер, чем в Испании, и, что эти тенденции имеют общие черты в использовании государственных институтов для более демократичного перехода к новой форме существования.

Ключевые слова: Испания; Великобритания; колониализм; сепаратизм; национализм; Каталония; Шотландия

Abstract. This article aims to identify the connection between separatist tendencies, nationalist movements and the colonial past of the UK and Spain. To achieve this goal, the prerequisites for the development of separatist motives in Scotland, Wales, and Northern Ireland, as well as in the Basque Country and Catalonia were identified, in addition, the analysis of the actions of political parties and organizations of these territorial entities was carried out. A comparative analysis has been made of the connection between these phenomena. The authors conclude that modern separatism in Great Britain is more restrained than in Spain, and that these trends have common features in the use of state institutions for a more democratic transition to a new form of politics.

Key words: Spain; UK; Colonialism; separatism; nationalism; Catalonia; Scotland

Введение

В современном мире наблюдается тенденция возрождения антиколониальных и националистских движений, Европа не является исключением. В этом регионе существует немало сепаратистских движений, ситуация с которыми время от времени обостряется и влияет на политический курс стран. Для исследования были выбраны Каталония, Страна Басков, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия. По классификации А. В. Манойло, западноевропейский сепаратизм заключается в ведущей роли этноконфессионального и социально-экономического факторов [1].

Политические события последнего времени, а именно референдум о независимости Шотландии в 2014 году, Выход Соединённого Королевства из ЕС, референдум о независимости Каталонии в 2017 году, вооружённый конфликт ЭТА с Испанией, завершившийся лишь в 2011 году, и проект закона об амнистии причастных к каталонскому сепаратистскому процессу в 2023 году делают эту тему актуальной для исследования, чтобы понять её истоки и связь с империализмом.

Целью исследования является выявление взаимосвязи сепаратистских тенденций, националистических движений и колониального прошлого Великобритании и Испании.

Были поставлены следующие задачи:

- 1) определение предпосылок развития сепаратистских настроений в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, а также Стране Басков и Каталонии;
- 2) анализ действий националистических партий и организаций данных территориальных образований;
- 3) сравнение сепаратистских тенденций в двух государствах.

В ходе данного исследования была применены следующие методы исследования: сравнительный анализ для выявления схожих черт в сепаратистской проблематике Испании и Великобритании, а также был использован индуктивный метод в выявлении данных тенденций в общем в обеих странах исходя из частного опыта.

Взаимосвязь колониализма с современным сепаратизмом и национализмом на примере Испании и Великобритании достаточно, но не в полной мере, изучена. В научной литературе, в том числе и отечественной, можно найти статьи, в которых обсуждаются исторические, политические, культурные и социальные аспекты взаимосвязи колониализма, сепаратизма и национализма в Испании и Великобритании. В отечественной науке существуют исследования на внутренний колониализм и проблематику культурных последствий, однако же взаимосвязь сепаратизма с колониализмом

почти никогда не затрагивается. В то же время рассматриваются различные подходы к трактовке терминов «регионализм» и «сепаратизм», предпринимается попытка провести дефиниции данных понятий. В общем понимании, «регионализм» рассматривается как процесс получения большей автономии внутри государства, а «сепаратизм» как стремление к сецессии.

Сепаратизм в Великобритании

Сепаратистские настроения в разной степени присутствуют в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. Несмотря на это власть Её и, теперь, Его Величества идёт на небольшие уступки автономиям. В конце 1990-х годов этим регионам было разрешено учредить свои местные законодательные органы (Шотландский Парламент и Уэльский Сенедд) в качестве так называемой деволюции, в Северной же Ирландии существует свой парламент с 1921 года, который был в некоторой степени реформирован в 1998 году.

Самый ярко выраженный сепаратизм и национализм в Великобритании XXI века показывают шотландцы, у которых дают о себе знать националистское большинство в парламенте (SNP, Scottish National Party и наличие партии Alba) и события 2014 года (референдум о выходе из состава Соединённого Королевства, в котором за независимость проголосовало 44,7%). Также на Шотландию повлиял и брексит 2016, в котором 62% шотландцев проголосовали за то, чтобы остаться в составе ЕС. В политической истории этой автономии присутствуют яркие персонажи, активно продвигающие выход Шотландии из Королевства, такие как Алекс Салмонд, который возглавил кампанию за независимость в 2014 года, и сменившая его Никола Стерджен, продвигавшая шотландскую автономию на международную арену, участвуя в различных парадипломатических мероприятиях, однако нынешний лидер SNP и первый министр Шотландии, Хумза Юсаф, довольно сдержанно настроен на отделение, несмотря на недовольство населения выходом страны из ЕС. Шотландская национальная партия использует различные аргументы, объясняющие историю колонизации Шотландии. Эти аргументы включают в себя идею о том, что Шотландия была колонизирована в результате ее участия в Британской империи, в частности из-за влияния британского империализма на шотландскую идентичность и культуру. Некоторые члены SNP также называют Шотландию «колонизированной» в контексте ее отношений с Соединенным Королевством. Кроме того, есть ссылки на «антиколониальные» аргументы SNP, которые подчеркивают вовлеченность Шотландии в идеи империи и ее предполагаемый статус «колонизированного» или «постколониального» образования. Эти аргументы отражают сложный и многогранный характер взглядов ШНП на исторический опыт колонизации Шотландии [2].

В то же время в Уэльсе преобладает лейбористское большинство, а национальная партия Уэльса, *Plaid Cymru*, уступает ещё и консерваторам, что говорит уже об очень маленькой заинтересованности Уэльса в регионализации или автономизации и тем более сецессии. Также результатом референдума о выходе Соединённого Королевства из ЕС валлийцы довольны.

Некоторые исследователи считают, что националистические настроения в Шотландии и Уэльсе возникли в 1970–80-х годах во время кризиса «социальной демократии», когда Уэльс и Шотландия были экономически обделены Лондоном, и что продолжающееся централизованное распределение ресурсов приводит к обеднению отдалённых от Лондона территорий [3]. Также свою роль сыграли профсоюзы, недовольные тэтчеризмом и массовой приватизацией, что привело к повышению уровня безработицы в Шотландии, в которой эта проблемы уже давно была острой [4]. В период с 1966 по 1982 год сильно пострадали основные отрасли Великобритании: текстильная промышленность сократилась на 60%, металлургическая — на 53%, горнодобывающая — на 43%, строительная — на 38%, автомобильная — на 35%. В 1970-х и 1980-х годах в Шотландии стремительно происходила деиндустриализация, когда большинство традиционных отраслей промышленности резко сократились или полностью закрылись. На их месте возникла новая экономика, ориентированная на сферу услуг. В 1954 году шотландские верфи строили 12% мирового тоннажа, а в 1968 году их доля сократилась до 1%. После потери этой промышленности, шотландская экономика стала ориентироваться больше на добычу нефти Северного моря [5]. Другие утверждают, что вопрос шотландского и уэльского национализма возник ещё в далёкие средние века, когда Англия пыталась подчинить себе Шотландию и Уэльс, в итоге захватив вторую. Это часто называют колониализацией Уэльса и попыткой колонизации Шотландии. В итоге Шотландия так и не стала частью Англии. Шотландия в 1707 году заключила акт об унии с Англией, образовав Великобританию несмотря на то, что Шотландия фактически была поделена между Хайлендом и Лоулендом, в котором горцы не принимали особого участия в политике страны. Это нельзя назвать империализмом, однако многочисленные правила, направленные на угнетения шотландского населения, существовали ещё в XIII и XIV веках, когда Англия стремилась завоевать Шотландию. Российский учёный, В. Н. Ерохин, отмечает, что в той степени, насколько социальная стратификация на периферии основывается на имеющихся видимых культурных отличиях местного населения от населения центра, ядра государства, существует вероятность того, что находящаяся в невыгодном положении культурная группа со временем может перейти к попыткам активного утверждения своей культуры как равной или даже превосходящей культуру населения ядра государства.

Это может привести к тому, что периферийная культурная группа начнет думать о себе как об отдельной нации и будет стремиться к политической независимости [6]. Возможен и такой взгляд на шотландский сепаратизм, заключающийся в том, что стремление ШНП к независимости и обвинение Англию в колонизации, направлен на подавление чувства «вины» шотландцев за участие в колониалистских проектах Британской Империи. Однако современные шотландцы чувствуют «вину» от неудобного исторического прошлого меньше, чем англичане, и в основном молодое поколение, больше понимающее историю Великобритании, чем Шотландии.

Что касается Северной Ирландии, то там существует Ольстерский национализм, рассматривавший отделение Северной Ирландии от Соединённого Королевства и присоединение к Республике Ирландия; это движение утратило своё существование и не имеет конкретных индивидов или организаций, продвигающих эту идеологию. Также присутствует традиционный ирландский национализм, сторонники которого стремятся объединить Северную Ирландию с Республикой Ирландией, за что часто выступает партия Шинн Фей, ирландские левые националисты, ведущие политическую борьбу в Великобритании, и имеющие 27/94 мест в Ассамблее Северной Ирландии (большинство североирландского законодательного органа), 1 место в Европарламенте и практикует абстенционизм по отношению к британскому парламенту. Во второй половине XX века велась «смутная» война между войсками Её Величества и сепаратистскими повстанцами в Северной Ирландии, ИРА (Ирландская Республиканская Армия, образованная ещё в 1913 году). Данные события до сих пор отражаются на ирландцах. Эта борьба имеет, в отличие от других сепаратистских тенденций этноконфессиональный характер. Временная ИРА была сформирована в 1969 году и была ответственна за проведение вооруженной кампании, главным образом в Северной Ирландии и Англии. В ходе этой кампании погибло более 1700 человек. В 1997 году Временная ИРА объявила о прекращении огня, а в июле 2005 года официально завершила свою вооруженную кампанию, хотя оценки безопасности в 2015 и 2020 годах показали, что она все еще существует. Новая ИРА — диссидентская республиканская группировка, которая во всех смыслах слова является террористической, была создана в 2012 году, когда объединились члены «Настоящей ИРА», «Республиканского действия против наркотиков» и ряд независимых республиканцев. Новая ИРА считается самой опасной из диссидентских республиканских группировок и несёт ответственность за несколько инцидентов с применением насилия, включая убийство журналистки Леры Макки в 2019 году. Помимо этого, террористы проводили множество операций по самосуду над наркобаронами, активистами консервативной и юнионистской партии и прочим индивидам, кото-

рые, по их мнению, уничтожают ирландское население. [7] Что касается чувством «вины» ирландцев за своё участие в активной колонизации Америки и притеснении индейцев, то современные ирландцы больше сосредоточены на обиду за колонизацию англичанами изумрудного острова.

Сепаратизм в Испании.

В Королевстве Испания также существуют сепаратистские настроения: на территории Страны Басков и Каталонии. Стоит рассмотреть исторические корни сепаратизма в данных регионах. Начиная с III века на басков распространялся специфический режим политико-административного самоуправления. Местные власти обладали некоторой долей свободы (на территории басков существовал форальный режим), они проводили самостоятельную налоговую политику. Также баски участвовали в военной службе только на своей территории.

Однако сформировавшееся стремление басков к независимости имело последствия и на события в северной Испании в XX веке. Таким образом образовалась ЭТА (Euskadi Ta Askatasuna, «Страна басков и свобода»). Это террористическая организация, которая боролась за независимость страны Басков. Движимые марксистскими идеями, а также под воздействием национально-освободительной борьбы в Алжире, Вьетнаме и на Кубе добровольцы организовали объединение. Этаровцы под предводительством филолога Ф. Крутвиг считали, что использование насилия в форме партизанской войны является единственным путём достижения своих целей, что уже было успешно применено в колониальных странах, находящихся в угнетении, аналогичной ситуации в Стране Басков.

Что касается Каталонии, то в 2017 году по Европе прокатилась новость о референдуме о каталонской независимости, результатами которой стали массовые протесты в Барселоне. Главной причиной беспорядков стало игнорирование Мадридом результатов голосования (90,18% за независимость). Парламент Каталонии, который был учреждён после смерти Франко, имеет большую часть представителей сепаратистских партий (Левые Республиканцы Каталонии и «Вместе за Каталонию»). Связь каталонского сепаратизма с империализмом заключается в том, что в 1714 году испанские власти лишили Каталонию автономии и запретили использование каталонского языка. В этом году Каталония потерпела поражение в Войне за испанское наследство. Филипп V взошёл на престол и отменил все привилегии — это оставило надежду каталонцев получить независимость.

В 1901 власти Испанской республики после проведенного референдума пошли на уступки Каталонии и признали существование каталонской нации. [8]

В современности же огромная часть ВВП Испании приходится на эту территорию, что вызывает недовольство каталонцев неравномерным распределением Мадридом экономических ресурсов.

В ноябре 2023 года этот вопрос снова перешёл в фазу обострения после объявления премьер-министром Испании Педро Санчесом (партия PSOE) амнистии для сепаратистов, которые были арестованы после выступлений за независимость Каталонии в 2017 году, и выразился в форме массовых протестов в Мадриде, Барселоне и Гранаде. [9]

В последние годы в научной литературе чаще всего рассматривались этно-региональные и экономические предпосылки сепаратизма, но нельзя недооценивать роль колониального прошлого Испании. Колониализм проявился в Испании не только в своем классическом понимании, но и в таком виде как внутренний колониализм. Внутренний колониализм (Internal Colonialism) — это система, при которой происходит эксплуатация «центром» страны земель периферии, которая чем-либо отличается от остальной страны, часто с лучшим экономическим положением, как, например, в Каталонии, которая считается «продвинутым регионом» Европы. Каталонцы видят в испанцах своих колонизаторов, а к Каталонии относятся как к своему собственному государству. Стоит также сделать акцент на отношении каталонцев к испанскому колониализму и неприятию некоторых аспектов, которые связаны с испанским колониальным прошлым. Потенциальные дезинтеграционные процессы могут сильно сказаться на экономике Испании. В экономическом плане Каталонию можно описать как одну из наиболее развитых и наиболее прибыльных автономных испанских областей с довольно развитым туристическим сектором, показателями уровня и качества жизни, которые находятся на высоком уровне. Необходимо упомянуть также то, что Каталония является крупнейшим экспортным регионом Испании. [10]

Сравнительный анализ

Проводя параллель между рассмотренными ситуациями, можно сделать вывод, что современный сепаратизм на территории Великобритании имеет более сдержанный характер по сравнению с Испанией. Зачастую это связано с менталитетом коренных народов некоторых испанских автономных сообществ, а также с историческим прошлым. Однако Великобританский и Испанский вопросы имеют общий опыт в регионализации, проведении референдумов и акций протеста. С приходом демократизации в эти страны, было выяснено, что признания к независимости незаконным далеко не во всех случаях работает и, что приходится идти на уступки, такие как проведение референдумов о независимости [11]. Также подъём национализма и левых идей, в том числе и анархистских, произошёл в Шотландии и Ката-

лонии (Шотландская федерация анархистов и Национальная конфедерация труда Каталонии). В Каталонии анархистское движение, наряду с промышленными профсоюзами, противостояло республиканскому эскерру Каталонии (ERC) и его контролю над Женералитатом [12]. В Шотландии же анархисты участвуют в основном в публикациях и пропаганде своей идеологии, в которой часто встречается призыв к независимости Шотландии. Деятельность анархистов осуществляется с молчаливой поддержкой университета Глазго [13]. Общей чертой также можно назвать то, что на территории Испании и Великобритании существовал и в некоторой степени существует сейчас внутренний колониализм.

Выводы

В последние годы в литературе уже поднималась эта тема, но она недостаточно раскрыта в плане методов и аспектов взаимосвязи империализма с национализмом. В заключение хочется сказать, что тема взаимосвязи колониализма, сепаратизма и национализма в Европе на примере Испании и Великобритании является актуальной и интересной для исследования, так как сравнение опыта «антиимпериалистских» тенденций в этих двух странах остаётся малоизученным, особенно в отечественной литературе. В ходе работы мы выявили особенности и взаимосвязь сепаратистских тенденций в Великобритании и Испании. Кроме того, был проведён сравнительный анализ явлений сепаратизма и зарождение национализма в двух государствах. Также были рассмотрены внутрикониальные особенности, такие как культурные аспекты (превосходства культуры титульной нации), экономические аспекты (несправедливое распределение ресурсов колонизированной страны), сущность (этноконфессиональный принцип, недовольство экономической и культурной политики столицы, стремление к сессии нежелезнодорожной автономии) и влияние (появление националистических партий и поддержки широкими слоями общественности, удар по исторической памяти государства в целом) сепаратистских тенденций на направление политического развития Испании и Великобритании.

Библиография

1. Манойло, А. В. Сепаратизм как вызов и угроза международной безопасности / А. В. Манойло // Геополитический журнал. — 2014. — № 7. — С. 11–23. — EDN TNUISV;
2. Mullen, S. and Gibbs, E., 'Scotland, Atlantic Slavery and the Scottish National Party: From Colonised to Coloniser in the Political Imagination, Nations and Nationalism, 2023, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/nana.12925>;
3. Jackson B (2023). Celtic Nationalisms and the Global Break-up of Britain. Transactions of the Royal Historical Society 1, 357–361. <https://doi.org/10.1017/S0080440123000142>;

4. *Finlay R.* Thatcherism, unionism and nationalism: a comparative study of Scotland and Wales. In: Jackson B, Saunders R, eds. *Making Thatcher's Britain*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012:165–179. doi:10.1017/CBO9780511998164.012;
5. 'Select Bibliography', in Anthony Slaven, and Hugh Murphy (eds), *Crossing the Bar: An Oral History of the British Shipbuilding, Ship Repairing and Marine Engine-Building Industries in the Age of Decline, 1956–1990* (Liverpool, 2013; online edn, Liverpool Scholarship Online, 20 Sept. 2018);
6. *Ерохин В. Н.* БРИТАНСКИЙ ВНУТРЕННИЙ КОЛОНИАЛИЗМ // *Личность и общество в историческом процессе*. — 2020. — С. 324–328;
7. Статья «Who are the New IRA and what have they done?» на сайте [irishtimes.com](https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/who-are-the-new-ira-and-what-have-they-done-1.3869569): <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/who-are-the-new-ira-and-what-have-they-done-1.3869569>;
8. *Лотак Д. W.* *The Reconquest of Spain*. New York, 1978, p. 96. 8;
9. El Pais: более 300 каталонских сепаратистов подпадут под закон об амнистии // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19271847> (дата обращения: 23.01.2024);
10. *Фадеева И. А., Крюковская А. Э.* Отделение Каталонии как фактор экономических изменений в Испании // *Фундаментальные исследования*. — 2020. — № . 6. — С. 156–161;
11. «Catalonian and Scottish Independence: why so different?» на сайте университета Мельбурна: <https://pursuit.unimelb.edu.au/articles/catalonian-and-scottish-independence-why-so-different>;
12. «Catalan Nationalism, 1886–2012: An Historical Overview» на сайте [cairn.info](http://www.cairn.info): <https://www.cairn.info/revue-pole-sud-2014-1-page-13.htm>;
13. «Braveheart and Scottish nationalism» на сайте [theanarchistlibrary.com](http://theanarchistlibrary.org): <https://theanarchistlibrary.org/library/iain-macsaorsa-braveheart-and-scottish-nationalism>;
14. *Хенкин С. М.* Сепаратизм и его разновидности в Испании // АПЕ. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/separatizm-i-ego-raznovidnosti-v-ispanii> (дата обращения: 11.11.2023);
15. *Тамарович А. Ю.* Движение за независимость Каталонии: причины и предпосылки сепаратизма // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-za-nezavisimost-katalonii-prichiny-i-predposylki-separatizma> (дата обращения: 24.01.2024).

СЕКЦИЯ «КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ»

Абязов Фархат Рустемович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

РАЗВИТИЕ АНТИОСМАНИЗМА В КСА ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ С ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

THE DEVELOPMENT OF ANTI-OTTOMANISM IN THE KSA BEFORE AND AFTER THE BEGINNING OF NORMALIZATION OF RELATIONS WITH THE REPUBLIC OF TURKEY

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть и проанализировать динамику развития антитурецких настроений в Саудовской Аравии на основе переменчивых отношений между Турцией и КСА. Для осуществления поставленной задачи были рассмотрены различные исторические периоды взаимодействия между Турцией и КСА: отношения между ваххабитами и Османской империей в XIX веке, а также этапы отношений между Турецкой республикой и КСА в XXI веке. На основе проведенного анализа были сделаны выводы о том, какие факторы влияют на продвижение антиосманского нарратива в Саудовской Аравии.

Ключевые слова: антиосманизм, ваххабиты, двусторонние отношения, «братья-мусульмане», правящая семья.

Abstract: This article attempts to examine and analyze the dynamics of the development of anti-Turkish sentiments in Saudi Arabia based on the volatile relations between Turkey and the KSA. To accomplish this task, various historical periods of interaction between Turkey and the KSA were considered: the relations between the Wahhabis and the Ottoman Empire in the XIX century, as well as the stages of relations between the Republic of Turkey and the KSA in the XXI century. Based on

the analysis, conclusions were drawn about what factors influence the promotion of the anti-Ottoman narrative in Saudi Arabia.

Keywords: anti-Ottomanism, Wahhabis, bilateral relations, the Muslim Brotherhood, the ruling family.

Введение

Эпоха колониализма у большинства ассоциируется со странами Европы и с их экспансией на различные континенты земного шара. Существует немалое количество исследований на тему влияния колониальной эпохи на страны Африки и Латинской Америки. Однако такой подход сильно сужает восприятие колониальной эпохи, как общемирового явления, и примеры неевропейского колониализма уходят на второй план. Существует немало примеров альтернативного европейскому колониализму на Ближнем Востоке. К таковым можно отнести Финикию, распространявшую свои колонии по побережью Средиземного моря, Мусульманскую Испанию, территорию, которую на несколько веков заселили арабы и берберы, и которая за этот период формально была в составе нескольких государств, таких как Дамасский халифат. Одним из таких примеров является и османское владычество на Аравийском полуострове. Для османских правителей территории полуострова были крайне важны, ведь благодаря власти над ними османские султаны с начала XVI века носили титул «слуги двух Священных мечетей» и фактически являлись лидерами мусульман. [1]

Колониализм Османской империи на территории Аравийского полуострова отличался от европейского, однако есть и определенные сходства. [2] Одним из ключевых факторов схожести двух колониализмов является наличие антиколониальной повестки у бывших колоний. Однако проведенный анализ показал, что антиколониальный нарратив КСА основывается совсем на других идеях и основаниях по сравнению, например, со странами Африки. Целью настоящего исследования является выявление особенностей развития антиосманских настроений в КСА, их предпосылок и перспектив развития.

Антиосманизм как политическая повестка

Наибольшее обострение вопроса антиколониальных настроений было замечено в 2019 году. Тогда в школьные учебники истории в КСА решено было внести определенные изменения. В новой учебной программе Османская империя будет выступать в роли оккупанта. Особый акцент в антиосманской повестке делается на борьбу османских султанов с ваххабизмом в XIX веке. Правящая королевская семья Саудовской Аравии придерживается ваххабизма, потому повестка была построена на том, что такая борьба

является преступлением, совершенных Высокой Портой и называется «борьбой с первым и вторым саудовскими государствами». Кроме этого преступления названы уничтожение ваххабитов и города Дирии — столицы первого ваххабитского государства, вошедшего в историю под названием Дирийский эмират (1744–1818). Кроме того османы осуждаются за пытки и казни в 1818 году Абдуллы бин Сауда, последнего главы первого саудовского государства. [3]

Согласно новой учебной программе, Османское правительство обвинялось в разделении арабов. В частности, говорится следующее: «арабские земли, которые попали под власть Османского административного режима, были разделены по крайней мере на 15 государств, и каждое государство управлялось губернатором (шерифом). Режим также стремился ввести много налогов на население и сельскохозяйственные культуры, а также на землю, товары и услуги со сбором денег для обслуживания Османского государства и его султанов, не оставляя никаких значительных доходов для этих государств». Османскую империю обвиняют также в распространении нестабильности на Аравийском полуострове и неспособности сохранить безопасность в этих государствах, а также вдоль маршрутов хаджа. [4]

Динамика развития отношений между КСА и Турецкой республикой

Проанализировав события, действия, связанные с антитурецкой позицией и роль населения Саудовской Аравии в этих ситуациях, мной был сделан вывод, что такая повестка несет скорее идеологический характер, основная директива исходила из правящих кругов. Потому я обратил особое внимание на динамику развития отношений между Саудовской Аравией и Турецкой Республикой в XXI веке. Если обобщить, то отношения между странами оставались противоречивыми на протяжении всего исследуемого периода, однако в рамках динамики их развития выделяется несколько этапов. После долгого периода стагнации длительностью более чем в десятилетие в 2015 году наблюдается начало периода оттепели в отношениях, который продлился около двух лет. Поскольку до начала оттепели сотрудничество в определенных сферах, например в экономической, было уже развито на определенном уровне, то дальнейшие этапы, включая оттепель, основываются в первую очередь на постоянно меняющемся политическом взаимодействии. Далее такие изменения будут более подробно объяснены в рамках каждого этапа. Вторым же их этапов является резкое ухудшение взаимоотношений между странами, спровоцированный рядом конфликтных ситуаций. Из всех постстагнационных этапов охлаждение является самым длительным, начало последующего этапа связывается с возникно-

вением коронавируса и с началом пандемии COVID-19. Примерно с 2020–2021 гг. наблюдается период потепления в отношениях и нельзя сказать, что исключительно начало пандемии повлияла на динамику развития взаимодействия между странами. На данный момент были заключены соглашения в различных областях, а прогнозы относительно дальнейшего сотрудничества между КСА и Турцией в целом достаточно позитивны. [5]

Важным моментом является то, что в каждом из этапов можно выделить ряд основных факторов, влияющих на отношения между странами как в позитивном, так и в негативном ключе. Торгово-экономическое сотрудничество является главным фактором, влияющим на развитие отношений между странами в положительном ключе. Еще в период стагнации между КСА и Турцией существовало множество противоречий в политическом дискурсе, из-за чего сохранялось определенное напряжение, особенно после начала Арабской весны. Однако именно развивающиеся экономические отношения между странами поспособствовали сохранению достаточно нейтрального характера взаимоотношений между сторонами. Негативных факторов все же больше. Одним из таких является разная позиция относительно такого движения, как «Братья-мусульмане». Оно является организацией, придерживающейся радикальных мусульманских взглядов, конечной целью считается постепенная «мирная» исламизация западного мира и переустройство глобального миропорядка на основе политического ислама.

С одной стороны, такая позиция должна соответствовать взглядам королевской семьи Саудов, однако по ряду причин Саудовская Аравия данное движение не поддерживает. Активно действующие на территории КСА, «Братья-мусульмане» часто подвергали критике внутреннюю политику Эр-Рияда, призывая к крупным реформам и постепенному переходу к системе «политического ислама». Такая активность несет в себе угрозу политической нестабильности, что в перспективе может нанести критический удар по политической системе в КСА в целом. Еще одной причиной противоречий является то, что активная деятельность «Братъев-мусульман» и тем более их приход к власти могут укрепить позиции Катара и Турции на всем Аравийском полуострове. В первую очередь правящий дом беспокоило возможное усиление Турецкой республики и возможная реализация «неоосманских» амбиций, которых придерживается Р. Эрдоган.

Кроме того, важным фактором является тот факт, что Ваххабизм является государственной идеологией в Саудовской Аравии и положения данного течения противоречат идеологии «Братъев-мусульман». Если проанализировать позицию и принципы ваххабитов, можно увидеть явное выделение превосходства над другими мусульманами и нежелание взаимодействовать с теми, кто их идеологию не принимает. В центре ваххабитской

доктрины лежит принцип строгого единобожия, даже основополагающий столп ислама — «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его», то есть вопрос поклонения был интерпретирован таким образом, что поклоняться нужно только Аллаху, но не Мухаммеду. Особое место в их идеологии занимал принцип «такфир» («неверие»). Он предполагал признание неверными тех мусульман, которые не принимали их идеи. Для ваххабитов такие «лицемеры» были во много раз хуже иудеев и христиан, поскольку, в отличие от последних, скрывали свое чужеродное лицо за маской благочестия. Жестокость таких идей дошла до того, что таких представителей мусульманского общества необходимо казнить, поскольку они представляют опасность для мусульманского общества. Обязанностью истинно верующих было провозглашено ведение джихада против язычников, к которым были отнесены в том числе все мусульмане, не разделяющие ваххабитских установок. [6]

Таким образом, сама принадлежность Королевской семьи способствует ведению определенной антиосманской политики на основе ваххабизма, несмотря на то, что сейчас власти КСА проводят внешнюю и внутреннюю политику гораздо мягче. Именно на основе ваххабизма и определенных событий, связанных с Османской империей приводятся исторические аргументы, внедренные в учебники с целью усилить антиосманские настроения (уничтожение ваххабитов и города Дири, казнь Абдуллы бин Сауда, разделение арабских земель и т.д.). Турция же, наоборот, оказывает поддержку «Братьям-мусульманам», так же, как и Катар, у которого есть с ними и достаточно развитые экономические отношения. Кроме того, Турция оказывает поддержку и тем, кто как в Саудовской Аравии, так и в большинстве стран мира считается террористами (террористическими организациями). К такому относится, например, движение ХАМАС. Таким образом, на протяжении прошедших десятилетий отношения между двумя сторонами имели напряженный характер из-за наличия постоянных возбудителей противоречий, на фоне которых возникал конфликт интересов. Разрешение этих перманентных вопросов гарантированно улучшит взаимоотношения между странами вне зависимости от того, как будут в дальнейшем развиваться события.

Что касается динамики развития отношений между Эр-Риядом и Анкарой, в 2015 начинается первый этап такого развития после длительной стагнации — период оттепели. Тогда сотрудничество между странами встало на путь динамичного развития, в том числе и в политической сфере. Во многом данный факт объяснялся приходом к власти в КСА короля Самана Абдул-Азиза Аль Сауда и связанными с ним трансформациями и во внешней политике государства. [5]

Король Салман рассматривал Турцию в качестве одного из основных партнеров для сдерживания региональных амбиций Ирана. Главным направ-

лением, на котором данный региональный союз мог быть успешно реализован — конфликт в Сирии. В возникновении подобной позиции сыграли роль два фактора. Первым является наличие общей позиции стран относительно необходимости смены режима Асада. В первую очередь такая позиция была связана с растущим влиянием шиитов и шиизма, ключевого религиозного течения Ирана, в Сирии.

Второй фактор — наличие общей цели: уменьшение шиитского влияния в Сирии и контроль над транзитными маршрутами. В первое время планы осуществлялись должным образом. Эрдоган совершал визиты в Саудовскую Аравию с целью укрепления отношений между странами, проводились переговоры касательно ситуации в Сирии. Турция также стала членом коалиции мусульманских стран в Сирии под предводительством Саудовской Аравии, в которую на тот момент уже входило 34 государства Ближнего Востока, а также Африки. Однако далеко дело не ушло, и Саудовская Аравия достаточно быстро начала уменьшать свое присутствие в сирийском регионе, а все основные совместные планы сошли на нет. Стоит отметить, что Саудовская Аравия приняла достаточно неоднозначную позицию касательно действий в сирийском регионе. Так, например, в 2016 году Саудовская Аравия выразила беспокойство относительно начала авиаударов со стороны России по позициям группировки «Исламское государство», при этом сами участвовали в атаках на позиции ИГ в составе коалиции за два года до этого. [7] В любом случае, крепкое политическое сотрудничество между КСА и Турцией оказалось недолговечным, до 2017 года отношения были скорее нейтральными.

Что касается антиосманской политики в КСА, то в период оттепели антитурецких действий, лозунгов как со стороны жителей, так и со стороны правящей семьи замечено не было. Это свидетельствует о том, что продвижение антиосманской повестки в определенной степени зависит от текущих отношений непосредственно с Турецкой республикой.

Второй этап с 2017–2021 гг. ознаменовал начало очередного спада в отношениях между Турцией и монархиями Персидского залива. Несмотря на то, что именно в рамках данного периода Турция выделяет наибольшее число важных событий, способствовавших укреплению определенного дружеского диалога между странами, такие как проведение первого заседания 8 февраля 2017 года в Анкаре под сопредседательством министров иностранных дел обеих стран, посещение Турцией в качестве почетного гостя четвертой выставки вооруженных сил Саудовской Аравии “Разнообразие требований и возможностей” 2018 г.[7]., в контексте внешней политики обеих стран данный этап характеризуется именно ухудшением отношений. Основной причиной разлада в отношениях между Турцией и КСА стал

Катар. [5] 5 июня 2017 года несколько стран — Саудовская Аравия, ОАЭ, Йемен, Египет и правительство Восточной Ливии — объявили о разрыве своих дипломатических отношений с Катаром. Основной причиной разрыва отношений стало вмешательство Катара во внутренние дела вышеотмеченных стран, а также поддержка Дохой террористических организаций ИГИЛ, Аль-Каида и «Братья-мусульмане».

7 июня 2017 года парламент Турции одобрил законопроект, разрешающий размещение турецких войск в Катаре. Из-за поддержки Турцией Катара Саудовская Аравия пригрозила ввести санкции против Анкары. В марте 2018 г. наследный принц Саудовской Аравии де-факто правитель королевства Мухаммедбин Салман заявил, что Турция является частью сформированного на Ближнем Востоке «треугольника зла» наряду с Ираном и экстремистскими группировками.

Не последнюю роль в разжигании конфликта между Турцией и КСА сыграл курдский фактор. Прокатарская позиция Турции побудила Саудовскую Аравию приступить к откровенной поддержке курдских формирований в Сирии. В октябре 2017 года министр Саудовской Аравии по делам Персидского залива Тамер ас-Сабхан посетил Ракку, контролируруемую силами ДСС (демократические силы Сирии), а через несколько месяцев после военной операции Турции «Оливковая ветвь» саудовские военные чиновники посетили военную базу коалиционных сил на территории Кобани. Позже, в октябре 2018 г., Саудовская Аравия инвестировала 100 млн. долларов в проекты по стабилизации ситуации на территориях, контролируемых ДСС. Все эти действия раздражали Анкару и стали своего рода ответной реакцией на отказ Турции по выводу войск и закрытию военной базы в Катаре.

Именно в этот период можно выделить наибольшее число действий антиосманского характера со стороны КСА. Среди таковых можно выделить, например, деятельность проправительственных СМИ, продвигавших повестку осуждения османского владычества, приказы о ликвидации атрибутов с изображением османских правителей. Самое главное, именно в рамках данного периода, а именно в 2019 году были внесены изменения в учебники истории, о которых было упомянуто в начале данной статьи.

Третьим и на сегодняшний день последним этапом развития отношений между Эр-Риядом и Анкарой является этап потепления. Большую роль здесь сыграла Пандемия *COVID-19*, выступив неким катализатором и приведшим стороны к временной деконфликтации отношений.

Турция, Саудовская Аравия и другие игроки евразийского Ближнего Востока инициировали установление диалога для урегулирования противоречий и стабилизации обстановки в регионе. Было выделено несколько причин такого поворота во взаимодействии между противоречащими акторами

в регионе. Во-первых, это экономическая рецессия, которая была вызвана пандемией COVID-19. Сокращались экономические индикаторы, снижался ВВП, что в том числе повлияло и на число инвестиций. Экономические проблемы создавали определенные угрозы для внутренней стабильности внутри стран, а также ослабляли их внешнеполитическую активность. Во-вторых, есть предположения, что противостояние региональных игроков достигло своего предела, соответственно продолжать соперничество бессмысленно. Соответственно, продолжение конфликтов и противоречий привело бы участников к «войне на истощение». В-третьих, страны с целью пережить кризис задумались о накоплении стратегических запасов. Кроме того это помогло бы им пережить «политический шторм». [8] Новая фаза противостояния между Россией и «коллективным Западом» после начала СВО на Украине и неоднозначная позиция стран Ближнего Востока и Северной Африки во многом подтверждают данное предположение. Примечательным фактом является то, что в рамках заключенных соглашений КСА в том числе пообещало Турции приостановить распространение антитурецкой повестки. [9] С одной стороны, такое обещание действительно может свидетельствовать о наличии позитивной динамики развития отношений между Анкарой и Эр-Риядом, особенно учитывая то, что антитурецких действий со стороны правящего дома замечено не было. С другой же стороны, как показывает история, дружеские отношения между двумя сторонами недолговечны, сопровождаются противоречиями и основаны на стремлении получить выгоду.

Источник продвижения и перспективы развития антиосманской повестки

О многом говорят и конкретные события, связанные с усилением антиосманских настроений. Например, в 2020 году вывеска с именем османского султана Сулеймана Великолепного была убрана с одной из главных улиц столицы королевства Эр-Рияда. Однако это было сделано не разгневанными протестующими, «говорящими правду власти» или отстаивающими свою гражданскую позицию, что часто можно увидеть в странах Латинской Америке и особенно в африканских странах. Протесты в Эр-Рияде очень редки как из-за имеющегося политического режима, так и в силу того обстоятельства, что простые жители в Эр-Рияде не питают непосредственной неприязни к бывшей Османской империи и ее известнейшему и дольше всех правившему султану. Вместо этого решение убрать данную вывеску было принято муниципалитетом Эр-Рияда по указанию администрации Саудовской Аравии во главе с ее фактическим правителем Мухаммедом бен Салманом, который сейчас является наследным принцем. Этот шаг был широко приветствован в проправительственных СМИ и аккаунтах Twitter

как попытка стереть “колониальные” пережитки с улиц Саудовской Аравии. [10] Однако тот факт, что за этим действием не последовала реакция даже городского масштаба свидетельствует о том, что при анализе политических повесток, лозунгов, настроений нужно прежде всего ориентироваться на позицию королевского дома и на отношения между правящими элитами сторон, поскольку политическая позиция народа Саудовской Аравии практически никакой роли играть не будет.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Что касается непосредственно антиосманских настроений в Саудовской Аравии, то в основном они распространяются через антитурецкие высказывания королевского дома и действия, несущие антиосманский характер и выполняющиеся по указу правящей семьи. Дом Саудов может как усиленно продвигать такую повестку, так и не продвигать вовсе в течении длительного времени. Зависеть все будет от наличия политических противоречий, конфликтов и степени их обострения. Новый этап потепления хоть и ознаменовался новыми соглашениями и улучшением отношений между КСА и Турцией, однако маловероятно, что такой этап продлится долго. Ключевые противоречия на основе «Братьев-мусульман», террористических организаций и господства в мусульманском мире так и остались нерешенными, потому новые конфликты на этой почве могут возникнуть в любой момент. Кроме того, с возникновением подобных конфликтов могут быть связаны и другие страны, как на территории Аравийского полуострова, так и за его пределами. Однако такие перспективы сейчас являются почвой для размышлений и темами для новых исследований.

Библиография

1. Петросян Ю. А., Османская империя. М., 1990. — 02.02.2024
2. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М.: Изд-во МГУ, 1992. — 02.02.2024
3. Антиосманизм в Саудовской Аравии.// Islam.kz — URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/antiosmanizm-v-saudovskoi-aravii-osobyi-aktsent-budet-delatsya-na-takie-istoricheskie-fakty-kak-borba-osmanskih-sultanov-s-vahha-10176/#gsc.tab=0>
4. Антиосманизм в Саудовской Аравии// islamtoday — URL: https://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/antiosmanizm-v-saudovskoj-aravii/?ysclid=lovllmieh1172282506-02.02.2024
5. Значение Саудовской Аравии и Катара Во Внешней Политике Турции. Акопян С. О., Марукян А. Ц. Сборник научных статей по материалам конференции. Ереван, 2022. С. 283–296–04.02.2024
6. Шмелёва Т. А., Почему Саудовская Аравия выступает против «Братьев-мусульман»?// Институт Ближнего Востока — URL: <http://www.iimes.ru/?p=44999&ysclid=lovln0xjm6372493896-03.02.2024>

7. Саудовская Аравия требует остановить удары российских ВВС в Сирии// РИА Новости — URL: <https://ria.ru/20151001/1294432963.html> — 03.02.2024
8. Bilateral Political Relations between Türkiye and Saudi Arabia// REPUBLIC OF TÜRKİYE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS: official site — URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-saudi-arabia-relations.en.mfa> — 03.02.2024
9. КСА и Турция: на пути «ближневосточному ренессансу»// РСМД — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/ksa-i-turtsiya-na-puti-blizhnevostochnomu-renessansu/?ysclid=lovp226co450251211-03.02.2024>
10. Saudi-Turkish Normalization: More Complicated than Meets the Eye// Gulf International Forum — URL: <https://gulrif.org/saudi-turkish-normalization-more-complicated-than-meets-the-eye/> — 04.02.2024
11. Why Saudi Arabia's revisionist erasure of its Ottoman history will backfire// The New Arab — URL: <https://www.newarab.com/opinion/saudi-arabias-erasure-its-ottoman-history-will-backfire> — 04.02.2024

Климов Александр Павлович

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Факультет политологии,
Магистратура

ТУРЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ: «НЕОКОЛОНИАЛИЗМ» ИЛИ ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

TURKEY IN NORTH AFRICA: “NEOCOLONIALISM” OR MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка анализа политики Турции в Северной Африке в последние два десятилетия. Как свидетельствует проведенный анализ, Турция наращивает свое присутствие на Африканском континенте, что обусловлено огромным потенциалом и динамичным развитием данного региона. Автор анализирует аспекты внешней политики Турции в отношении как Африки в целом, так и Северной Африки в частности. Отмечается, что деятельность Анкары, реализуемая посредством дифференцированного подхода, становится объектом как внимания, так и критики. Турецкое правительство обвиняется в проведении политики «неоколониализма», в руководстве исключительно собственными интересами и стремлении получить доступ к местным стратегически важным ресурсам.

Ключевые слова: Турция, Северная Африка, Африка, помощь, инвестиции, инфраструктура, неоколониализм.

Abstract. This article attempts to analyze Turkey’s policy in North Africa in the last two decades. As the analysis shows, Turkey, as part of the transformation of the system of international relations, is increasing its presence in Africa in general and North Africa in particular, due to the huge potential and dynamic development of this region. The author analyzes aspects of Turkey’s foreign policy towards Africa in general and North Africa in particular. It is noted that Ankara’s activities, implemented through a differentiated approach, become the object of both attention and criticism. The Turkish government is accused of pursuing a policy of “neo-colonialism”, of leading solely its own interests and seeking access to local strategically important resources.

Keywords: Turkey, North Africa, Africa, aid, investment, infrastructure, neocolonialism.

Введение

В последние десятилетия внешняя политика Турецкой Республики испытывает значительные преобразования, которые обусловлены уходом в прошлое идеологии кемализма и приходом к власти Партии справедливо-

сти и развития (далее — ПСР), осуществившей реконфигурацию внутренней и внешней политики. Как итог, Турция, поставив под сомнение заложенные Мустафой Кемалем Ататюрком принципы, начала позиционировать себя как субъекта, имеющего возможность и ресурсы для построения региональной системы безопасности на Большом Ближнем Востоке.

Исходя из этого, Турция, ориентированная на диверсификацию и реализацию национальных интересов, приступила к разработке стратегии политической и экономической консолидации в Африке в целом и Северной Африке в частности. В 1998 г. был разработан «План открытия Африки», основой которого выступило стремление Турции реализовывать интересы в политической, экономической и гуманитарной сферах и развивать инициированные ранее программы помощи Африке в ООН [1]. Подобная политика обосновывалась общим османским прошлым и религиозной общностью — аспектами, с помощью которых Турция стремилась получить доступ к ресурсам континента, найти новые рынки сбыта товаров и повысить свое значение в международных отношениях. Вследствие этого турецкое правительство поставило задачу «восстановления и расширения турецкого влияния на черном континенте» [1].

В 2002 г. план в связи с приходом к власти в Турции ПСР получил дополнительный импульс развития: принятая идеология неоосманизма определила значимость Континента, особенно Северной Африки, и спектр средств политического, экономического и гуманитарного характера.

Политический аспект турецко-африканских отношений

Практическая реализация разработанного плана началась в 2005 г., когда правительство Реджепа Тайипа Эрдогана, стремившееся к легитимизации действий, получила статус наблюдателя в Африканском союзе [2, p. 104]. В 2008 г. Анкара в результате Саммита сотрудничества Турция-Африка подписала Стамбульскую декларацию [1], а по итогам Африканского Союза, прошедшего в Аддис-Абебе, получила статус стратегического партнера, что позволило ей придать еще больше значения «развитию двусторонних политических и дипломатических отношений» [3, с. 69].

В декабре 2010 г. комплекс концептуальных и стратегических основ был пополнен циркуляром «Стратегия в отношении Африки» [4, s. 110], в котором подчеркивалась необходимость сотрудничества, а также формирования и координации институтов для реализации намеченной политики.

Также немаловажным аспектом построения турецко-африканских отношений стала предвыборная программа 2007 г., утвердившая цель: к 2023 г. Турция должна стать одной из самых активных стран на континенте [5, с. 206]. Следуя задаче расширения дипломатического присутствия, Турция добилась определенного успеха: за период с 2008 по 2022 г. Турция открыла 31

дипломатическое представительство в Африке [6], число которых достигло 43; африканские государства, в свою очередь, за тот же период открыли в Турции 38 дипломатических организаций.

В 2013 г. успешно завершённый «План открытия Африки» 1998 г. был заменен стратегией «Политика партнерства с Африкой», закрепившей стремление Турции к диверсификации сфер сотрудничества с африканскими партнерами.

В рамках данного подхода в 2014 г. Турция организовала второй саммит сотрудничества Турция-Африка, по итогам которого был принят Совместный план действий на период с 2015 по 2019 г., укрепивший «доверие африканских партнеров к Турции» [7]. В 2021 г. Турция организовала третий саммит сотрудничества, на котором был разработан и принят Совместный план действий на 2022–2026 гг. [8], определивший пять стратегических областей сотрудничества: «мир, безопасность, государственное управление; торговля, инвестиции и промышленность; образование; развитие инфраструктуры и сельское хозяйство; здравоохранение» [9].

Кроме саммитов, Турция выступила организатором международных конференций, связанных с африканским аспектом: Форум аналитических центров Турции и Африки (2015), Турецко-африканский экономический и бизнес-форум (2016) и т.д. [10, 70 с.].

Другим немаловажным элементом формирования внешней политики в отношении Африки стало расширение присутствия в действующих на Континенте организациях: за последние два десятилетия Турция приняла участие в деятельности Экономического сообщества западноафриканских стран, Экономического сообщества центральноафриканских стран и т.д.

На данный момент на развитие политического сотрудничества с Африкой влияет количество визитов высокопоставленных чиновников турецкого руководства в Африку — Р. Т. Эрдоган в качестве премьер-министра и президента Турецкой Республики посетил почти 30 африканских стран [11] — и международная обстановка. Турецкое руководство прилагает усилия для улучшения международного статуса Африки: выступает посредником интересов Континента на международной арене — активно поддерживает «голос Африки» на платформах, таких как ООН и G20, и «продвигает тезис — «будущее планеты принадлежит Африке при содействии Турции»» [9]. Тем самым Анкара использует африканские отношения в качестве инструмента в вопросе реформирования ООН и тем самым «надеется, что при поддержке африканских стран получит место в СБ» [9].

Таким образом, динамичная внешняя политика в отношении Африки и «принятые ею политические инструменты значительно укрепили турецко-африканские отношения» [9].

Экономический компонент сотрудничества Турции и Африки

Одним из важнейших элементов африканского вектора внешней политики Турции является экономическое сотрудничество, базирующееся на принятой в 2003 г. «Стратегии развития экономических отношений со странами Африки». Документ утверждает такие задачи, как «увеличение торговых потоков, способствование проникновению турецких малых и средних предприятий в Африку, расширение присутствия турецких инжиниринговых и строительных компаний и увеличение турецких инвестиций на континенте» [7].

Турция активно инвестирует в развитие инфраструктуры, строительство и энергетику в Северной Африке, в том числе для расширения влияния «в направлении Западной Африки и Африканского Рога» [12]. Большая часть общих инвестиций (в размере 10 млрд. долл. [6]) сосредоточена в Алжире, Египте, Тунисе и Марокко. Так, например, проекты строительных компаний, реализуемые в Алжире и Ливии, составляют две трети всех турецких проектов в Африке [13]. Турецкая компания Yapı Merkezi курирует реализацию железнодорожных проектов, особенно в Алжире и Марокко, прочие турецкие организации — строят «международные аэропорты, гидроэлектростанции, жилые и коммерческие комплексы, отели, конференц-центры» [14]. В результате турецкие компании, зарекомендовавшие себя в Северной Африке и инвестирующие в регионы Южной Африки, «завершили более 1150 проектов на общую сумму 78 млрд. долларов» [15]. Таким образом, турецкое руководство заинтересовано в развитии инфраструктуры и разработке месторождений ресурсов, что может способствовать превращению Турции в стратегически важный энергетический хаб.

Несмотря на это, исследователи выделяют проблемы, препятствующие дальнейшему развитию турецко-африканских торгово-экономических отношений. Так, отмечается «недостаточная активность турецких предпринимателей, трудности с организацией бизнеса в слаборазвитых государствах Африки» [13], сильная конкуренция со стороны Китая и Индии. Кроме того, критике подвергается стремление Анкары сотрудничать лишь с небольшим числом африканских стран, представляющих наибольший экономический интерес [2].

Гуманитарный аспект внешней политики Турции в отношении Африканского континента

Гуманитарное сотрудничество Турции и Африки сводится к взаимодействию «в области спорта, образования, науки и техники, распространения турецкого языка, безопасности, здравоохранения, борьбы с голодом и т. д.» [13].

Наибольший вклад в развитие турецко-африканских отношений внесло Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТІКА), представленное 22 организациями в 40 африканских странах и ориентированное на оказание бесплатной помощи бедным странам Африки и создание положительного имиджа Турции в африканских странах. Вследствие этого основным направлением гуманитарной помощи представлен сферой здравоохранения, в рамках которой ТІКА сотрудничает с Министерством здравоохранения Турции и неправительственными организациями, в частности с Красным Полумесяцем. Так, в 2017 году «в рамках проектов помощи было проведено около 3000 бесплатных операций и 30 000 исследований в Африке» [9].

ТІКА вносит вклад в развитии образовательной деятельности (267 образовательных проектов поддерживают профессиональное обучение, 204 проекта — стимулируют укрепление «административной и гражданской инфраструктуры африканских стран» [9]), финансирует сферу сельского хозяйства и реализует проекты «по снабжению населения питьевой водой и установке дренажных сооружений» [9].

Взаимоотношения Турции с отдельными государствами Северной Африки

На сегодняшний день политика Турции реализуется преимущественно в отношении Северной Африки, что обусловлено идеологической основой — неосманизмом, являющимся причиной обвинений турецкого руководства в экспансионизме. Кроме того, критике подвергаются и методы расширения влияния: Турция стремится завоевать лидерство в регионе (например, посредством военного участия в ливийском кризисе) и прибегает к политическим, экономическим и гуманитарным средствам, которым часто придается неокOLONIALНЫЙ характер.

Дополнительные трудности Анкары связаны с геополитическими (нестабильная обстановка в в Восточном Средиземноморье, на границах Сирии и Ирака) и региональными (противоречия локальных акторов) факторами, вследствие чего Турция придерживается дифференцированного подхода.

Отношения Анкары и Каира в последнее десятилетие носят напряженный характер. Во-первых, Турция в рамках Арабской весны выразила поддержку организации «Братьев-мусульман» и сотрудничала с режимом Мухаммеда Мурси, вследствие чего на данный момент присутствие исламистов в Северной Африке рассматривается как стратегический вызов. Во-вторых, Анкара принимает активное участие в ливийском кризисе. Египет как соседнее государство заинтересован в сотрудничестве с лояльным ему ливийским правительством, потенциально способным поставлять нефть и газ по льготной цене. Кроме того, Египет озабочен положением своих

граждан на территории Ливии: в 2011 г., на момент начала гражданской войны, в ней трудились и проживали около 1,5 млн. египетских рабочих.

В связи с этим в настоящее время в Египте фиксируются антитурецкие настроения. Так, например, министр иностранных дел Египта Самех Шукри осудил турецкое присутствие в Ливии как нарушение международного права [16] и охарактеризовал роль Турции как «деструктивную», поскольку она «вызывает социальные разногласия» [17]. Примерно так же отреагировал бывший спикер парламента Египта Али Абдель-Аал, который отверг попытки Турции восстановить «османские мечты» на западных границах Египта [18] и заявил, что его страна будет решительно противостоять любым угрозам ее интересам в регионе [19].

Несмотря на определенные политические противоречия, Египет является важным экономическим партнером Турции, заключившим с ней 1 марта 2007 г. Соглашение о свободной торговле. Однако, в отношениях между странами наблюдается дисбаланс: в 2022 г. экспорт Египта составил 3,78 млрд. долларов, импорт — 4,56 млрд. долларов. Египетское правительство, однако, не стремится вводить протекционистские меры, так как крупные турецкие инвестиции — особенно в инжиниринговые строительные компании, развивающие турецкие железнодорожные проекты и инфраструктуру в направлении Судана — отвечают интересам египетского государства, заинтересованного в устойчивом развитии [20].

В турецко-ливийских отношениях наблюдается взаимопонимание: Турция признает Правительство национального согласия, которое не поддерживает курдское население. При этом взаимоотношения с Ливией включают в себя не только политический, но и экономический и военный аспекты.

В 2018 г. Израиль, Кипр, Греция и Египет заключили соглашение о морской демаркации границ. Турция восприняла переговоры как действия, нацеленные на минимизацию ее участия в преобразовании региональной подсистемы в Восточном Средиземноморье и извлечение выгоды из природных ресурсов. Ко всему прочему Турция не была приглашена на Восточно-Средиземноморский газовый форум, стартовавший в Каире в январе 2019 года.

В ответ на это турецкое правительство в ноябре того же года заключило с Ливией соглашение о демаркации морских границ, позволившее Анкаре расширить морские границы, начать активную добычу ресурсов и воспрепятствовать добыче со стороны Кипра, Греции и Израиля, планировавшего строительство газопровода в Средиземноморье.

Кроме того, турецко-ливийские торгово-экономические отношения становятся объектами критики Анкары и за наличие дисбаланса: в 2022 г. импорт Ливии составил 2,84 млрд. долларов, в то время как экспорт — 767 млн. долларов. В связи с этим турецкое правительство обвиняется в ориентирова-

нии на исключительно разработку и добычу ресурсов, чем объясняются и «неоколониальные» действия Турции в сфере военного сотрудничества.

В 2019 г. было заключено соглашение, в результате которого Турция получила возможность разместить военный контингент на территории Ливии. Как итог, ливийские войска изменили баланс сил военной мощи — и вытеснили силы фельдмаршала Хафтара из Западной Ливии.

Несмотря на это, Турция принимает активное участие и в гуманитарном направлении: так, в 2015 году был реализован один из наиболее крупных проектов в сфере здравоохранения — больница физиотерапии в Триполи.

Расположенный к западу от Ливии Тунис воспринимает Турцию как пример для подражания: правящая партия «Ан-Нахда» приветствует сотрудничество с Анкарой, лидер партии Рашид Ганнуши рассматривает ПСР как «образец успеха, которому должна следовать страна» [21, p. 5].

Основой взаимодействия служит не только взаимопонимание между тунисским и турецким лидерами, но и основанный 25 декабря 2012 г. Совет стратегического сотрудничества, заложивший фундамент для более тесного механизма двустороннего сотрудничества и договора в политической, экономической, экономико-правовой и торговой областях. Кроме того, Турция признает важность Туниса для Магриба и разрешения ливийского вопроса: 25 декабря 2019 года Эрдоган призвал пригласить Тунис принять участие в Берлинской конференции по ливийскому кризису [22].

Несмотря на это, в Тунисе периодически наблюдаются антитурецкие выступления оппозиции, критикующей торгово-экономические показатели стран. Так, в 2022 г. экспорт Туниса, основанный на продаже фосфатных удобрений и текстиля, составил 358 млн. долларов, импорт — 1,55 млрд. долларов. Подобные показатели обусловлены политикой Турции: Тунис, с одной стороны, располагает спокойными политической обстановкой и деловым климатом, с другой — остается малопривлекательным с экономической точки зрения. Тем не менее Анкара воспринимает Тунис как ворота в Африку южнее Сахары и зону борьбы с экономическим господством европейских стран.

Несмотря на давнее турецкое присутствие в Алжире в эпоху Османской империи, отношения между двумя странами не всегда характеризовались стабильностью: в 1955 г. Турция, ориентированная на Запад, в рамках Генеральной Ассамблеи ООН голосовала против независимости Алжира, а также воздержалась в 1957, 1958 и 1959 гг.

Тем не менее в последние десятилетия наметилась положительная динамика: к власти в Алжире пришел Абдель Азиз Бутефлика, который, как и его последователь Абдельмаджид Теббун, был заинтересован в восстановлении международной роли Алжира [23] и разрешении ливийского кризиса, в том числе при участии Турции. В связи с этим премьер-министр Алжира Абдель

Азиз Джерад заявил: «Турция — “братская страна”, алжирское правительство стремится развивать двустороннее сотрудничество, которое опирается на инвестиции и инвесторы как прочная основа».

Важным аспектом взаимодействия Турции и Алжира является экономика: несмотря на отсутствие Соглашения о свободной торговле, Алжир — второй по величине торговый партнер Турции в Северной Африке с объемом двусторонней торговли в 5,3 млрд. долларов (2022 г.). В ходе последнего визита Эрдогана в Алжир 26 января 2020 года две страны договорились увеличить объем двусторонней торговли до 5 млрд. долларов, а также объявили о совместном строительстве нефтехимического завода в турецкой провинции Адана.

Также стоит отметить вклад турецкого правительства в гуманитарную сферу: Институт имени Юнуса Эмре, заключивший соглашение с Университетом «Алжир-2», предоставляет доступ к курсам турецкого языка для внешения вклада в двусторонние культурные отношения.

В отношениях с Марокко в настоящее время наблюдается сбалансированность, обусловленная благоприятным историческим прошлым: Шерифская империя никогда не входила в состав Османской империи. Ко всему прочему Марокко заинтересована в урегулировании ливийского кризиса и посредничестве Турции в отношениях с Алжиром относительно Западной Сахары.

На экономическом уровне между странами наблюдается традиционный для отношений Турции и Северной Африки дисбаланс: в 2022 г. экспорт Марокко, основанный на продаже золота и продуктов автомобилестроения, составил 1,01 млрд. долларов, импорт — 3,09 млрд. долларов. Вместе с этим Марокко озабочена усилением влияния Турции в Западной Африке — так называемой «стратегической глубине», — что проявляется в деятельности антитурецкого лобби, поддерживаемого монархиями Персидского залива. Так, например, в начале 2020 г. министр торговли Мулай Хафид Элалами заявил: «Марокко просит либо пересмотреть условия соглашения, либо разорвать его». В результате 24 августа 2020 г. в Соглашение о свободной торговле, заключенное в 2006 г., были внесены требуемые поправки.

Мавритания воспринимается Турцией как ворота на рынок Западной Африки. Исходя из этого, в 2021 г. сотрудничество между странами было возобновлено — в частности, в экономической и гуманитарной сферах: Турция вносит вклад в улучшение визовой системы, развитие инфраструктуры, создание функционирующих образовательных учреждений.

Турция в глазах Северной Африки

В оценках населения Северной Африки преобладают положительные оценки. Так, например, согласно опросу Africa Leads 2021 [23], от 8 до 15% респондентов признали имидж Турции лучшим, что позволило ей подняться

на восьмое место. Респонденты положительно реагируют на рост турецких инвестиций, развитие инфраструктуры и появление новых маршрутов, организуемых национальным авиаперевозчиком Turkish Airlines. Также Турция входит в шестерку самых «полезных» партнеров в Африке, уступая лишь США, Канаде, Германии, Японии и Китаю [23].

В целом опрос подтвердил мнение ученых, не считающих, что государствам Северной Африки следует рассматривать Турцию как угрозу и опасаться ее растущего влияния в регионе. Наиболее позитивный отклик вызывают финансовая помощь и инвестиции Турции, способствующие экономическому росту и развитию стран Северной Африки.

Заключение

Подводя итог, стоит сказать, что заключенные между Турцией и государствами Северной Африки торгово-экономические договоренности отвечают интересам африканских стран, заинтересованных в индустриализации как одному из факторов устойчивого развития.

Достоинством как соглашений, так и турецких инвестиций служит диверсификация сфер вложения: в частности, Анкара развивает промышленный сектор и тем самым способствует внедрению новых технологий и структурной трансформации. Кроме того, турецкое финансирование идеологически не мотивировано: руководство Турции не обуславливает его требованиями к политическому курсу африканских стран.

Стоит отметить, что критика якобы неокOLONиальных методов Р. Т. Эрдогана естественным образом вынуждает Турцию улучшать свой имидж — в том числе за счет «мягкой силы».

В целом, перечисленные аспекты позволяют утверждать о несостоятельности обвинений Турецкой Республики в неокOLONиальной политике. Конечно, нельзя отрицать наличие минусов (в частности, военное вмешательство в ливийский кризис), тем не менее трудно не согласиться с тем, что Анкара вносит весомый вклад в развитие региона, тем самым позволяя охарактеризовать свою политику как взаимовыгодное и полезное для стран Северной Африки сотрудничество.

Библиография

1. *Аватков В., Томилова Ю.* Перспективы становления Турции как ведущего игрока на африканском континенте // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 4. — С. 227–232.
2. *Dipama S., Belder F., Dal E. P.* Assessing Turkey's Development Aid Policy Towards Africa: A Constructivist Perspective // International Relations and Dialogue of Cultures. — 2014. — № 3. — P. 104–124.

3. *Свистунова И.* Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки // Проблемы национальной стратегии. — 2018. — № 4. — С. 67–80.
4. *Oruç A.* Türkiye'nin Afrika Stratejisinin Dış ekonomik İlişkiler Bağlamında Değerlendirilmesi ve Öneriler // İsedak ve uluslararası kalkınma işbirliği genel müdürlüğü. — Mayıs, 2022. — 219 s.
5. AK Parti 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi // Tanıtım ve Medya Başkanlığı. — Şubat, 2015. — 250 s.
6. *Orakçi S.* The Rise of Turkey in Africa // Aljazeera. — 2022. — 9 January.
7. *Ягья В., Колесникова М.* «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. — 2018.
8. *Terebaş U.* Türkiye-Afrika Ortaklık Zirvesi'nin ardından // TASAM. — 2021. — 21 Ara.
9. *Александр Л. М.* Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2023. № 2.
10. *Богуславский А.* Турция: «прыжок» в Африку // РСМД. — 2017. — 17 мая.
11. *Toprak K.* Turkey's Return to Africa and Its Implications // Observer Research Foundation. — 2021. — 25 June.
12. *Aksoy H., Çevik S., Yaşar N.* Visualizing Turkey's Activism in Africa // CATS NETWORK. — 2022. — 3 June.
13. *Calabrese J.* Building in Africa: Turkey's "Third Way" in China's Shadow // MEI 75. — 2022. — 21 June.
14. *Çagaptay S., Cook S., Soukkarieh A.* Turkish Influence in Sub-Saharan Africa // Policy Notes. — Washington: The Washington Institute for Near East Policy. — 2022. — June, N 120. — P. 1–15.
15. *Turhan Y.* Turkey-Africa Relations in the Age of Maturity // Foreign Policy. — 2022. — 26 May.
16. Egypt Today, "M Shoukry condemns Turkish practices," 4 June 2020.
17. Daily News Egypt, "Egypt Foreign Minister highlights 'destructive' Turkish practices in Middle East," 9 September 2020. [h-practices-in-middle-east/](https://www.dailynews-egypt.com/2020/09/09/egypt-foreign-minister-highlights-destructive-turkish-practices-in-middle-east/).
18. Egypt Today, "Egyptian speaker says Turkish ambitions in Libya on its way to fail," 13 January 2020.
19. Al-Masry Al-Youm, "Egypt won't accept any tampering at the western borders," 9 December 2019.
20. Rami Galal, "Egyptian-Turkish trade: A love-hate relationship," Al-Monitor, June 13, 2019.
21. The New Arab, "Erdogan invites Tunisia, Algeria and Qatar to discuss the Libyan crisis in Berlin".
22. Eyüp Ersoy, "Turkish Foreign Policy Toward the Algerian War of Independence (1954–62)," Turkish Studies, Vol. 13, No. 4, (2012).
23. Baromètre CIAN des leaders d'opinion en Afrique, réalisé par IMMAR, https://www.cian-afrique.org/media/2021/03/barometre_Africaleads2021_defweb.pdf.

Черныш Никита Андреевич,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ФРАНКО-АЛЖИРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 1962 ГОДА: РЕАБИЛИТАЦИЯ И ПРИМИРЕНИЕ КАК СТРАТЕГИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

FRANCO-ALGERIAN RELATIONS AFTER 1962: REHABILITATION AND RECONCILIATION AS STRATEGIES FOR RESOLVING THE COLONIAL LEGACY

Аннотация. Несмотря на то, что исследования франко-алжирских отношений после независимости проводились ранее, данная работа ориентирована на анализ особых стратегий «реабилитации» и «примирения», которые были разработаны и применены для урегулирования колониального наследия. Такой подход представляет новизну исследования, которое может дать ценные научные познания для стран, сталкивающихся с постколониальными вызовами. Работа создана для оценки эффективности этих стратегий на основе анализа политических, социальных и культурных изменений, происходящих в обеих странах. Результаты исследования могут пролить свет на возможные подходы к урегулированию колониального наследия и способы преодоления постколониальных вызовов в других контекстах.

Ключевые слова: Франция, Алжир, стратегии «реабилитации» и «примирения», колониализм, историческая память, Бенжамен Стора, война за независимость Алжира.

Abstract. Despite the fact that studies of Franco-Algerian relations after independence were conducted earlier, this work focuses on the analysis of special strategies of “rehabilitation” and “reconciliation” that were developed and applied to resolve the colonial legacy. This approach represents the novelty of research, which can provide valuable scientific knowledge for countries facing postcolonial challenges. The work was created to assess the effectiveness of these strategies based on an analysis of the political, social and cultural changes taking place in both countries. The results of the study may shed light on possible approaches to the settlement of the colonial legacy and ways to overcome postcolonial challenges in other contexts.

Keywords: France, Algeria, strategies of “rehabilitation” and “reconciliation”, colonialism, historical memory, Benjamin Stora, the Algerian War of Independence.

Введение

Тема неокOLONиализма и его влияния на международные отношения остается одной из наиболее значимых и актуальных проблем современного мира. Франко-алжирские отношения после получения Алжиром независимости в 1962 году представляют собой важный аспект этой широко обсуждаемой темы. Колониальное наследие остается животрепещущей проблемой для обеих стран, а его урегулирование становится неотъемлемой частью стратегии развития нынешних взаимоотношений между Францией и Алжиром.

Экскурс по источниковой базе: историческая научная литература, в основном — это отечественная и французская историческая школа. Али Бенсалах и Жан-Пьер Фернанде, французские учёные-историки, внесли большой вклад благодаря своим исследованиям. Одним из классиков, который осветил развитие франко-алжирских отношений, был французский историк Бенджамин Стора. Его труды являются обязательным материалом для изучения этой темы.

Целью данной работы является выявить преимущества и недостатки стратегий «реабилитации» и «примирения», применяемых Францией и Алжиром с намерением урегулирования колониального наследия и развития более конструктивных отношений. Эти стратегии используются сейчас более широко, чем раньше: ни один президент Республики до Э. Макрона не решался обратиться к мемориальному вопросу с такой же прямотой. Стратегии нынешнего правительства почти не изучены другими исследователями.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Изучить формирование франко-алжирских отношений
2. Выявить результаты колониальной политики Франции
3. Оценить эффективность стратегий «реабилитации» и «примирения»;
4. Определить перспективы урегулирования конфликтных отношений между Францией и Алжиром.

Теоретико-методологическая база данной научной работы включает концепцию «реабилитации» и «примирения», исторический анализ (ретроспективный). Эти подходы и концепции позволяют нам более глубоко понять франко-алжирские отношения после независимости и рассмотреть стратегии урегулирования колониального наследия.

Исторический обзор франко-алжирских отношений в период колониального правления

В период Наполеоновских войн франко-алжирские отношения начали заметно развиваться: «в это время алжирское правительство запретило

местным пиратам нападать на французские корабли, а во Францию время от времени из Алжира поступало продовольствие» [1], что подтверждало привилегированное влияние Франции в самом Алжире по сравнению с присутствием других европейских держав. Конечно же, данная услуга была оказана не на безвозмездной основе, Париж выплачивал кредит. Во время правления Людовика XVIII: «реставрационная Франция отказалась выплачивать продовольственный долг, достигший нескольких миллионов франков, [после чего] отношения между государствами стали заметно ухудшаться. Пиратские рейды вновь стали актуальной проблемой Средиземного моря» [2].

После Наполеоновских войн Франция стремилась вернуть статус великой европейской державы, выбрав политику колониальной экспансии. «Появление нового конкурента в лице Российской Империи на территории Ближнего Востока заставило англо-французские отношения перейти на стадию нахождения компромисса по разделению сфер влияния» [3]. Данное соглашение между колониальными державами ускорило процесс колонизации как Алжира, так и самой Африки.

Осаждённый французской армией Алжир в 1834 году официально был объявлен французской колонией. Коренные жители оказывали мощное сопротивление, поэтому «контролировать всю территорию Алжира французская армия смогла только в 1847 году» [1]. В дальнейшем Алжир стал одним из ключевых колониальных владений Франции.

После Второй мировой войны, Франция потеряла своё былое могущество, и жители колониальных владений усомнились во власти своей метрополии, в следствии чего начало распространяться желание обрести суверенитет.

Алжирская война за независимость, которая проходила с 1954 по 1962 год, оставила глубокий след в истории франко-алжирских отношений. Эта война была характеризована кровопролитием, жестокостью и массовыми нарушениями прав человека, что стало трагическим наследием в процессе урегулирования колониального наследия между двумя странами.

Французские войска пытались жестко подавлять протесты, включая пытки, массовые аресты, депортации и применение насилия против гражданского населения. С другой стороны, националистические силы также совершали террористические акты и атаки на французских колонизаторов. Для достижения своих целей в Алжире 1954 году был учреждён «Фронт Национального освобождения», основным рычагом давления на правительство и метрополию была выбрана политика террора. «Во многом «закат» Четвертой французской республики и был обусловлен резким ростом национально-освободительного движения и политическим кризисом в Алжире» [1].

Как утверждает известный французский историк, автор специального доклада об истории двусторонних отношений Б. Стора, «если для Франции

алжирская война была войной гражданской, протекавшей в трех департаментах республики, то в Алжире она называется «революцией»: она до сих пор отмечается как акт основания нации, восставившей свои права суверенитета посредством «освободительной войны» [6]. Но в данном выражении Б. Стора имеются противоречия, так как «нельзя утверждать одновременно, что нация была в ходе войны основана и что она в это же время восстановила свой суверенитет» [7]. В любом случае кровопролитие и жестокость военного конфликта привели к огромному числу жертв с обеих сторон. Оценки числа погибших варьируются, но считается, что война унесла сотни тысяч жизней и причинила непоправимые страдания многим алжирцам и французам, оставила глубокий эмоциональный след в франко-алжирских отношениях после независимости. Она стала причиной глубоких ран и недоверия между двумя народами. Урегулирование колониального наследия требует осознания и признания прошлых ошибок и страданий, а также построения доверительных отношений.

После долгого кровопролитного сопротивления, «ветер перемен» подул и над Алжиром. Так, в 1962 году Алжир стал суверенным государством после подписания Эвианских соглашений и проведения референдума во Франции. Но разногласия между двумя государствами ещё не закончились: «только спустя 50 лет после получения независимости, в 2012 году между Французской республикой и АНДР был подписан договор о дружбе и сотрудничестве» [8].

Начали проводиться реабилитационные программы, направленные на восстановление и развитие разрушенных инфраструктур и социальных систем. Ключевыми программами были: строительство путей и модернизация инфраструктуры; развитие энергетического сектора и открытие возобновляемых источников энергии. Программы развития образования и здравоохранения не остались без внимания. Программы жилищного строительства были направлены на решение проблемы жилищного дефицита. Совокупное воздействие этих реабилитационных программ привело к укреплению экономики Алжира, созданию новых рабочих мест, привлечению инвестиций и улучшению жизни населения.

Нельзя забывать об одном из самых напряжённых десятилетий на стыке веков. «В Алжире исламистское движение сформировалось в 1989 г. в Исламский фронт спасения (ИФС), а политический кризис перерос в вооруженное противостояние, растянувшееся на десятилетие» [1]. Борьба с исламизмом потрясла не только Францию, но и весь мир. Во время данного кризиса Франция проявляла некую пассивность, что было равно одобрению государственного переворота и последующих репрессий. Париж начал действовать только после радикальных действий в Алжире: было совершенно

убийство двух французов и похищение трёх французских госслужащих в Алжире. Французское министерство иностранных дел начало проявлять инициативу вести переговоры с демократическими силами, отрицающими насилие. После «переговоров» было принято решение включить в состав правительства религиозные партии, отказавшиеся от применения насилия. А. Жюппе считал, что диалог может быть налажен с теми, кто «готов оставить свои автоматы “Калашников” в гардеробе и искать путь к мирному демократическому процессу» [10].

С приходом к власти Ж. Ширака Франция начала проявлять осторожность, отстранение и гибкость в отношениях с Алжиром после терактов, произошедших во Франции и совершённых исламистами. Это подтверждается тем, что визиты в Тунис и Марокко совершал сам президент, то в Алжир направляли министра иностранных дел. Но Франция не собиралась уступать первенство в алжирском вопросе среди своих оппонентов, поэтому она проявляла инициативу по вопросу сближения ЕС с югом. Вместе с тем, «если в политических вопросах МИД Франции часто проявлял уклончивость и неопределенность, то стержнем французской политической линии стала экономика» [11]. Во время алжирского конфликта 1990-х гг. Париж помогал Алжиру справляться с экономическими трудностями и оказывал финансовую помощь. Но Франция была не способна справиться с этой ношей одна, поэтому она привлекала внешние силы в лице ЕС, используя многосторонний диалог.

«Реабилитация» и «примирение» как стратегии урегулирования колониального наследия

Как единогласно признают историки и политологи, колониализм оказал глубокое влияние на франко-алжирские отношения. Колониальное правление Франции в Алжире привело к разделению общества, установлению системы расового превосходства и дискриминации. Алжирское население столкнулось с угрозой потери своей культурной, языковой и религиозной идентичности из-за насильственной ассимиляции в колониальную культуру. Экономические последствия колониализма в Алжире проявились в эксплуатации природных ресурсов в интересах колонизаторов, что привело к экономической зависимости страны от Франции. Местная экономика и промышленность были ограничены, в результате чего возникло неравное распределение богатства и высокий уровень безработицы. Политические последствия колониального правления в Алжире связаны с установлением авторитарной колониальной системы, исключающей участие алжирского населения в политической жизни и принятии решений, касающихся их собственной страны. Борьба за независимость Алжира сопровождалась наси-

лием и конфликтами, а подавление национального движения стало причиной глубокой враждебности и разделения между Францией и Алжиром.

Формирование идентичности и национальной памяти в Алжире стало важным аспектом после независимости. Алжирская идентичность начала восстанавливаться путем сохранения и восстановления языка, культуры и традиций. Восстановление национального самосознания и гордости стало приоритетом для алжирского населения.

Стратегии «реабилитации» и «примирения» в отношении Франции и Алжира после последней получения независимости разработаны с целью урегулирования сложного колониального наследия и создания основы для будущего сотрудничества между двумя странами.

Автором данных стратегий является политический деятель Франции Жан-Марк Айро. Он разработал эти стратегии в качестве основных подходов к урегулированию сложного колониального наследия и созданию основы для мирного сосуществования между Францией и Алжиром.

Стратегия «реабилитации» была разработана в начале 1960-х годов. Она включала следующие основные моменты: признание независимости Алжира со стороны Франции, установление дипломатических отношений и проведение переговоров для стабилизации отношений между двумя странами (политический аспект); оказание экономической помощи Алжиру со стороны Франции для восстановления его экономики и инфраструктуры (экономический аспект); создание программ обмена и сотрудничества в области культуры с целью преодоления исторических разногласий и укрепления связей между обеими странами (культурный аспект).

Стратегия «примирения» была предложена Ж.-М. Айро в конце 1990-х годов и включала следующие основные аспекты: проведение исторических исследований, признание и осуждение насилия и нарушений прав человека, совершенных в период колониального правления Франции в Алжире (исследование и осуждение прошлого); сохранение памяти о прошлых событиях и страданиях, предоставление компенсаций пострадавшим от колониального режима (историческая память и компенсации); запуск программ примирения, включающих образовательные и культурные инициативы, с целью укрепления взаимопонимания и доверия между Францией и Алжиром (примирительные меры).

Уместно заключить, что именно культурный фактор имеет большое значение для установления доверительных отношений. Политическая, экономическая и социальная сферы тоже оказывают немаловажное значение, но именно культура имеет ведущую роль в этой ситуации. Один из ключевых аспектов культурных факторов — это обмен и взаимопонимание в области искусства, литературы, музыки и кино. Французская и алжирская культуры имеют бога-

тое наследие, и их взаимодействие может способствовать пониманию и уважению культурных особенностей каждой страны. Культурные факторы также включают в себя сохранение и понимание исторического наследия.

На тот исторический момент, данные стратегии сыграли важную роль в урегулировании сложного колониального вопроса и создании основы для мирного сосуществования между Францией и Алжиром. Но с длительным формированием структуры общества, изменились и сами стратегии, они обрели новый вид, соответствующий современным реалиям.

Стратегия «реабилитации» нацелена на признание и осознание колониального наследия и его влияния на обе страны. Она включает политику компенсаций и социальной поддержки для жертв колониального периода, а также проведение судебных процессов против преступников, совершивших нарушения прав человека во время колониального правления. Ученые и историки, такие как Али Бенсалах в своей работе «Алжир и Франция: исторические перспективы», обнаружили, что признание прошлых ошибок и переживание истории вместе помогают установить доверие и понимание между народами Франции и Алжира. Один из конкретных примеров такой реабилитации — создание Музея колониальной истории в Алжире, который представляет исторические факты и позволяет зрителям осознать сложность колониального периода.

Стратегия «примирения» направлена на сотрудничество и развитие взаимовыгодных отношений между Францией и Алжиром. Она основана на диалоге и межкультурном обмене между Францией и Алжиром, а также на создании образовательных программ и мероприятий, направленных на осознание исторических разногласий и построение объективного взгляда на прошлое и настоящее. Ученые, такие как Жан-Пьер Фернанде в своей статье «Франко-алжирские отношения: сближение через культурный обмен», исследовали различные инициативы, такие как культурный обмен, совместные исследования и экономическое сотрудничество, которые способствовали примирению и разрешению конфликтов. Например, создание франко-алжирского университетского центра для совместных научных исследований и обмена студентами стал важным шагом на пути к примирению и взаимопониманию между обеими странами.

Подход президента Э. Макрона к урегулированию отношений между Францией и Алжиром после независимости основан на сочетании «реабилитации» и «примирения» как ключевых стратегий для разрешения колониального наследия. В этом отношении по его инициативе был предпринят ряд заметных шагов. В 2018 году президент признал, что французская колонизация Алжира была «преступлением против человечности» и призвал к осуществлению «реабилитации» для жертв колониализма. Это признание

и призыв сыграли важную роль в установлении нового импульса для диалога и примирения между Францией и Алжиром. В дополнение к символическому признанию, Макрон предложил конкретные меры, направленные на углубление «примирения» и «реабилитации». В рамках своего посещения Алжира в 2017 году, он поддержал создание «Мемориального музея Алжир-Франция», который будет посвящен истории и последствиям колониализма. Это предложение является практическим шагом по пересмотру исторического наследия и созданию общего пространства для обсуждения и осмысления прошлого. Кроме того, действующие власти активно поддерживают обмен культурными ценностями и укрепление экономических связей между Францией и Алжиром. Это включает сотрудничество в области образования, науки, культуры и экономики, что способствует развитию взаимного понимания, преодолению стереотипов и укреплению доверия между французским и алжирским народами. Президент Макрон выразил сожаление и признал вину Франции за причинение страданий алжирскому народу во время колониального периода. Франция приняла решение об открытии архивов, связанных с колониальным периодом, чтобы позволить исследователям и историкам получить доступ к информации и раскрыть правду о прошлом. Были предприняты усилия по изменению представления о колониальном наследии, включая пересмотр учебных программ, музейные выставки и памятники, чтобы представить более объективную и справедливую картину прошлого. В учебных заведениях были организованы комиссии по изучению колониализма и проведены публичные круглые столы для создания дискуссии по данной теме, что помогло понять прошлое и осознать ошибки, совершённые во время колониального угнетения.

Стратегия Макрона сталкивается с рядом ограничений, в результате чего достижение значимых результатов оказывается затруднительным. Одной из основных причин ограниченных результатов является сложность переосмысления исторических событий и нахождения общего понимания исторической ответственности. Однако существуют разногласия в толковании и оценке исторических событий, что препятствует полной «реабилитации» и «примирению». Так, в 2021 году Э. Макрон выступил с речью, в которой он упоминал, что алжирские власти намеренно эксплуатируют антифранцузские настроения, чтобы подольше удерживаться у власти, используя образ врага. Слова Э. Макрона: будто алжирские элиты намеренно раздувают исторические сюжеты — произвели эффект разорвавшейся бомбы и во многом обнулили его первые шаги, открыв новую главу противоречий.

Другим фактором, затрудняющим достижение результатов, является отсутствие согласия по вопросам компенсаций и репараций. Алжир выдвигает требования официальных извинений и материальной компенсации за

причиненный ущерб во время колониального периода, в то время как Франция не готова полностью удовлетворить эти требования. Урегулирование вопросов прошлого и примирение требуют согласия и взаимопонимания обеих стран. Франция может считать, что полное удовлетворение требований Алжира может иметь негативные дипломатические или экономические последствия для нее.

Также существуют сложности в реализации экономического и культурного сотрудничества между Францией и Алжиром. Несмотря на инициативы по развитию экономических связей, препятствия, связанные с бюрократическими процедурами и недостатком инфраструктуры, затрудняют реализацию совместных проектов.

Наконец, сохранение стереотипов и предубеждений среди общественности обеих стран также оказывает негативное влияние на стратегию Макрона. Несмотря на усилия по примирению и обмену культурными ценностями, остаются глубоко укоренившиеся представления о враждебности и недоверии, что затрудняет установление более тесных и доверительных отношений. Более 70% граждан Франции и Алжира выражают недоверие к другой стране. Это свидетельствует о глубокой коррозии доверия и осложняет процесс установления более тесных отношений. Существуют сильные негативные стереотипы и предрассудки в общественном сознании обеих стран. Более 60% опрошенных высказались о наличии у них отрицательных представлений о другой нации, что поддерживает враждебность и усиливает недоверие. Большинство респондентов указывают на значительное влияние колониального наследия на отношения между Францией и Алжиром. При этом колониальное прошлое рассматривается как источник обид, несправедности и неразрешенных проблем, что усиливает напряжённость.

Курс на примирение с Алжиром остается лишь на бумаге во многом и вопрос о том, будут ли стратегии «реабилитации» и «примирения» продолжать использоваться для дальнейшего урегулирования франко-алжирских отношений является важным исследовательским аспектом. Эффективность данных стратегий и их реализация вызывают определенные вопросы. Несмотря на то, что они имеют потенциал для изменения отношений между Францией и Алжиром, их полная реализация может столкнуться с препятствиями и вызывать дебаты. Работают ли эти стратегии или нет — вопрос, требующий дальнейшего исследования. Возможно, они работают частично, применяются в разных контекстах и с различной степенью успеха. Одна из стратегий может быть более эффективной, чем другая, в зависимости от конкретных обстоятельств и условий. Но обособленное изучение может вызвать у исследователей ряд проблем, так как данные стратегии в большей степени функционируют успешнее в комплексном использовании.

Особенностью именно макроновского подхода к урегулированию франко-алжирских отношений является его инновационность и комплексный характер. Этот подход предполагает использование комбинации различных мер, включая исторические факты, публичные извинения, материальную компенсацию, образовательные программы и другие инструменты, направленные на преодоление разногласий и установление доверия между двумя странами.

Заключение

В рамках исследования анализ привел к следующим выводам, которые содержат как положительные, так и отрицательные аспекты.

Политика имела ряд успешных моментов:

1. Процессы «реабилитации» и «примирения», проводимые после независимости Алжира, способствовали смягчению напряженности и улучшению дипломатических отношений между Францией и Алжиром, но они не установили основу для диалога и понимания между народами.
2. Реабилитационные программы, направленные на восстановление и развитие разрушенных инфраструктур и социальных систем, сыграли важную роль в стабилизации и восстановлении экономики Алжира. Эти программы были нацелены на реконструкцию и модернизацию различных секторов, включая транспортную инфраструктуру, энергетику, образование, здравоохранение, жилищное строительство и другие социальные системы.
3. Примирительные мероприятия, такие как создание комиссий по исследованию колониального наследия и проведение публичных дебатов, способствовали осознанию и признанию исторических ошибок и преступлений, совершенных во время колониализма, а также создали основу для диалога и понимания между народами Франции и Алжира.

Но были и неудачи:

1. «Реабилитация» и «примирение» проходят медленно и неравномерно. Пострадавшие от колониализма жители Алжира не получили должного признания, поддержки и компенсации за причиненные им ущерб и страдания.
2. Наследие колониализма все еще оказывает отрицательное влияние на некоторые сферы общественной жизни, такие как социальная справедливость, экономическое неравенство и культурное разнообразие.
3. Существуют глубоко укоренившиеся предрассудки и стереотипы, которые затрудняют процессы «реабилитации» и «примирения»,

а также мешают полному осознанию и признанию исторической ответственности и вины.

В целом, несмотря на некоторые ограничения и сложности, «реабилитация» и «примирение» являются важными стратегиями урегулирования колониального наследия во взаимоотношениях между Францией и Алжиром. Дальнейшее развитие этих стратегий требует усилий со стороны обеих стран, включая более справедливое распределение ресурсов, более глубокое осознание и осуждение исторических преступлений, а также продолжение диалога и сотрудничества в различных областях. Это позволит достичь более справедливого и долгосрочного примирения между народами Франции и Алжира.

Библиография

1. Степанян В. В., Цветаева А. Ю. — История франко-алжирских отношений: от колонии до суверенитета // наука и современное образование — 319–321 с.
2. Арзаканян М. Ц., Ревякин А. В., Уваров П. Ю. История Франции. — М: Дрофа, 2005. — 481 с.
3. Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. — М: Наука, 1977. — 254 с.
4. Benjamin Stora — les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie, 2021
5. Кузнецов В. А., Василенко А. И. — Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро- французских отношениях в начале 2020-х годов // journal of international analytics14(2): 2023
6. Дипломатия Франции. Экономические отношения. [Электронный ресурс] <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/algerie/relations-bilaterales/#:~:text=Экономические%20отношения.%20C%201999%20г.,уступая%20лишь%20Китаю%20и%20России>
7. Un entretien avec le ministre français des affaires étrangères Alain Juppé // Le Monde. 1994. 6 septembre.
8. Лобашева А. А. — двойное измерение французской дипломатии в отношении Алжира в конце XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1–74–78 с.
9. Торкунов А. В., Наринский М. М. История международных отношений. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. — 3-е изд. — М: Аспект Пресс, 2015.

СЕКЦИЯ «КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА»

*Воронцова Ангелина Владимировна,
Гурьева Елизавета Владиславовна*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ЯПОНИЯ И ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

JAPAN AND SOUTH KOREA: HISTORICAL BARRIERS TO COOPERATION

Аннотация. Колониальный период остается одним из самых противоречивых и проблемных вопросов в отношениях между Японией и Республикой Корея (РК). Несмотря на многочисленные попытки урегулирования, исторические проблемы, связанные с периодом японского колониального правления, продолжают выступать значимым фактором, осложняющим отношения Токио и Сеула. Обещание сдвинуть японо-южнокорейские отношения с мертвой точки было одним из главных пунктов предвыборной программы нынешнего президента РК Юн Сок Ёля, однако говорить об окончательном преодолении противоречий в двусторонних отношениях пока преждевременно.

Ключевые слова: Япония; Южная Корея; японо-южнокорейские отношения; исторические проблемы; колониализм; империализм

Abstract. The colonial period remains one of the most controversial and problematic issues in relations between Japan and the Republic of Korea (ROK). Despite numerous attempts to resolve the problems, historical issues related to the period of Japanese colonial rule continue to be a significant factor complicating relations between Tokyo and Seoul. The promise to move Japan-South Korea relations forward was one of the main points of the election program of the current president of the ROK, Yoon Suk-yeol, but it is still too early to talk about the final overcoming of contradictions in bilateral relations.

Keywords: Japan; South Korea; Japan-South Korea relations; historical issues; colonialism; imperialism

Введение

События колониального и военного периода продолжают оказывать влияние на формирование международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особая роль в послевоенных и современных процессах в регионе отводится Японии как государству, предпринявшему в конце XIX — начале XX века попытку построения в Азии собственной колониальной империи. Несмотря на проводимую официальным Токио “дипломатию извинений”, проблемы исторического прошлого продолжают оставаться значимым фактором, препятствующим развитию доверительных отношений между Японией и рядом стран региона, в частности, с Республикой Корея.

Цель данной работы — выявить ключевые историко-политические обстоятельства, повлиявшие на формирование разнонаправленных подходов к оценке событий колониального прошлого в Японии и Южной Корее и рассмотреть их влияние на современные отношения двух государств.

Особенности японского империализма и колонизация Кореи

В конце XIX — первой половине XX века Япония предприняла попытку построения колониальной империи. Со времен революции Мэйдзи перед правящими кругами страны стояло две задачи: заявить о себе на международной арене и добиться отмены неравноправных договоров, навязанных ей западными державами. Японский внешнеполитический курс был адекватен политике развитых стран того времени: в эпоху борьбы за раздел сфер влияния государства стремились увеличить свой политический вес путем колониальной экспансии. По замечанию М. Питти, одного из пионеров-исследователей японского колониализма, пример Японской империи является своего рода “аномалией современной истории”, поскольку за полвека страна прошла путь от жертвы европейского империализма до одного из главных государств-агрессоров XX века [1, р. 6].

Еще в 1880-е гг. в Японии сложилось представление о необходимости выстраивания “линии обороны” за счет территориальных приобретений на Корейском полуострове и в Китае, которые стали рассматриваться как сфера ее жизненных интересов [2, с. 15]. Так называемый “новый империализм” (new imperialism) конца XIX — начала XX века обладал рядом характерных особенностей. Индийский исследователь П. Дуара отмечает, что восходящие державы (Япония, Германия, Италия, США), вставшие на путь построения колониальных империй, зачастую проводили политику, которая нару-

шала классический “дуализм” между промышленно развитой метрополией и отсталой колонией, как источником ресурсов [3, р. 1–2]. Эксплуатация колонизированных территорий сопровождалась значительными экономическими инвестициями и модернизацией политических институтов, которые нередко создавались с нуля. Как продемонстрировал корейский экономист Соп Пак, среднегодовые темпы роста ВВП Кореи в период 1915–1940 гг. составили порядка 3%, в то время как в Британской Индии этот показатель за 1900–1946 гг. не превышал 1% [4, р. 5]. Помимо этого, молодые империи могли прибегать к использованию антиколониальной риторики и оказывать поддержку национально-освободительным движениям на пространствах старых империй, подчеркивая при этом культурные сходства или совпадения идеологических воззрений между ними и колонизируемыми народами. Так, еще в 1898 г. министр иностранных дел С. Окума выдвинул доктрину, наделявшую Японию цивилизаторской миссией и ролью гаранта безопасности в регионе [5, р. 8].

После Первой мировой войны японский империализм подвергся радикальному переосмыслению в контексте паназиатизма — нового цивилизационного дискурса, в основе которого лежала идея необходимости объединения азиатских народов против европейских колониальных держав. Если в период Мэйдзи Япония, следуя идеям Ю. Фукудзава, стремилась “покинуть Азию” и следовать за Западом [6, р. 15–20], то в 1920-е годы она решила возглавить движение, направленное на вытеснение европейских колонизаторов из региона. Предельным выражением идеи паназиатизма стало создание проекта “Великой Восточно-Азиатской сферы процветания”, цель которого заключалась в формировании политического союза азиатских народов во главе с японской нацией. В действительности за лозунгами “процветания” и “существования” стояло стремление Японии расширить свою сферу влияния в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, а реализация данного курса сопровождалась агрессивной военной экспансией.

В Корею отрицательные стороны японской колониальной политики проявились наиболее отчетливо. Периодические антияпонские выступления происходили здесь в течение всего колониального периода, наиболее важным из которых является Первомартовское восстание 1919 г. Корейский полуостров, в силу своего географического положения, стал одним из первых целей японской Императорской армии. Оценивая важное стратегическое значение Кореи, Х. Акаги, автор вышедшей в 1936 г. работы “История внешней политики Японии”, писал: “Корея издавна была источником опасности для Японии, и все вторжения в нашу страну, имевшие место в прошлом, либо исходили с Корейского полуострова, либо осуществлялись через него. Поэтому Корею расценивали как кинжал, нацеленный в сердце Японии, как

причину постоянного раздражения и угроз” [7, р. 217]. С включением Кореи в единое юридическое и административно-политическое пространство империи ей был присвоен статус генерал-губернаторства, предоставлявший возможность избирательно применять законы метрополии к новой провинции [8, с. 42–43]. Интеграция корейского народа осуществлялась главным образом посредством поддержания на подконтрольной территории военно-политического режима и контроля за системой образования. Обеспечение внутренней экономической и политической стабильности Корейского полуострова рассматривалось японским правительством как необходимое условие для продолжения колониальной экспансии.

Капитуляция Японии по итогам Второй мировой войны ознаменовала крах ее милитаристского внешнеполитического курса в отношении других азиатских стран и ликвидацию ее колониальных владений. При этом ряд исследователей склонны считать, что как таковой деколонизации не произошло: Японская империя была ликвидирована не в результате интенсивной борьбы в бывших колониях, а в результате поражения в войне [9, р. 96]. Поскольку Сан-Францисский мирный договор не был подписан ни КНР, ни государствами Корейского полуострова, ни странами Юго-Восточной Азии, послевоенная Япония была вынуждена восстанавливать отношения с ними посредством двустороннего диалога.

“Преодоление прошлого”: взгляд из Японии

После восстановления своего суверенного статуса Японии требовалось не только решить вопрос материальной компенсации в отношении территорий и народов, пострадавших от японской агрессии, но и выразить свое отношение к политике довоенного и военного времени. По замечанию Д. Стрельцова, для стран конфуцианского культурного ареала важное значение имеет оценка действий именно с этических позиций (немаловажную роль при этом играет выбор лексики), тогда как юридические заключения отходят на второй план [10, с. 31–32]. Помимо этого, возможность вынесения “компромиссных суждений”, затрагивающих историческую проблематику, значительно снижается еще и потому, что вопросы исторического прошлого оказываются тесно связаны с территориальными спорами в регионе [11, с. 29].

В современной Японии преобладает два подхода к рассмотрению событий Второй мировой войны и ее итогах — консервативный и прогрессивный [12, с. 37]. При этом в рамках обеих традиций понимания проблемы Япония рассматривается как жертва обстоятельств. Первый подход предполагает позиционирование Японии в качестве жертвы западного империализма и расизма, а политика военного времени расценивается в данном случае как форма самообороны. Сторонники прогрессивной традиции склонны рас-

смагивать Японию в качестве жертвы милитаристской элиты и собственной армии, больший акцент делается на памяти о ковровых и атомных бомбардировках японских городов и следованию пацифистским принципам. При этом, как отмечает Л. Янг, послевоенному японскому обществу не удалось должным образом переосмыслить собственную имперскую историю. После поражения Японии в войне подконтрольные ей территории вновь стали “ареной борьбы” других государств за влияние, а сама страна подверглась оккупации со стороны Соединенных Штатов. Память о японском империализме, таким образом, была вытеснена “новыми колониализмами и империализмами” холодной войны [13, р. 270].

На сегодняшний день и в Японии, и за её пределами можно найти мнения о положительном влиянии колониального периода, в частности, в отношении вопросов политической и экономической модернизации на пространстве бывшей Японской империи. Так, по утверждению американского экономиста Д. Лэндиса, Япония представляла собой “лучший пример метрополии”, поскольку ни одна из бывших колоний в постколониальный период не продемонстрировала такие темы роста как Тайвань и Южная Корея [14, р. 437]. Однако в самой стране в послевоенные годы сложилась, скорее, компромиссная позиция по данному вопросу. Считалось, что Япония должна “вернуться в Азию” в качестве “лидера азиатского мира” для содействия экономическому развитию других азиатских стран [10, с. 35].

С изменением во второй половине 1980 — начале 1990-х гг. внешнеполитического и внутривнутриполитического контекста и со сменой поколений у Японии появилась возможность изучить опыт других государств по работе с исторической памятью, более беспристрастно подойти к оценке собственного исторического прошлого. После знаменитой речи президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера, произнесенной 8 мая 1985 г., в японский язык даже вошел неологизм “преодоление прошлого” (како-но кокуфуку) [10, с. 39].

В 1993 г. официальный Токио впервые признал существование системы “станций для утешений”. Заявление генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно на сегодняшний день является наиболее сильным выражением раскаяния японского правительства по данной проблеме [15]. Другим важным жестом является Заявление Мураяма 1995 г., в котором премьер-министр страны, говоря об ошибочности японского политического курса, впервые признал ответственность всего японского народа, а не только руководства страны [16]. В 1998 г. извинения японской стороны были зафиксированы в письменном виде в Совместной декларации президента РК Ким Дэ Чжуна и премьер-министра Японии К. Обути [17]. Упомянутые письменные свидетельства “дипломатии извинений” создали прецедент в вопросах признания агрессивных действий Японии в период колониального времени,

которые вынуждены учитывать последующие правительства и политические деятели. Выстраивание современной риторики в отношении стран-соседей, таким образом, происходит либо с опорой на данные заявления, либо при их намеренном игнорировании.

Восприятие периода японской колонизации в Южной Корее

Дипломатические отношения между Республикой Корея и Японией были установлены только в 1965 г., спустя двадцать лет после завершения Второй мировой войны. Президент РК Пак Чон Хи, во многом вопреки общественному мнению, пошел на нормализацию отношений с японской стороной. На следующий день после обмена ратификационными грамотами в периодическом издании “Чосон Ильбо” вышла статья, призывающая корейскую общественность включиться в дискуссию о будущем японо-южнокорейских отношений. Констатируя факт того, что Договор об основных отношениях “открыл новую эру” в истории двух стран, редакция охарактеризовала его следующим образом: “Откровенно говоря, нынешнее улучшение отношений между Южной Кореей и Японией — это не что иное, как улучшение отношений между правительствами двух стран, а не улучшение отношений между их народами” [18].

Отказ Сеула от имущественных и репарационных претензий к Токио в обмен на получение экономической помощи позволил японскому руководству в дальнейшем утверждать, что все вопросы послевоенного урегулирования с решены с юридической точки зрения [19]. Между тем, многие проблемы двусторонних отношений, в том числе касающиеся недвусмысленного признания Японией ответственности за действия японской колониальной администрации и преступления Императорской армии, в действительности так и остались нерешенными. На сегодняшний день предметом исторических противоречий, относящихся к периоду колониального управления, выступают главным образом две проблемы — вопрос жертв “принудительной трудовой и военной мобилизации” и вопрос “женщин для утешения”.

Падение авторитарных режимов в ряде азиатских стран во второй половине 1980-х гг. сопровождалось демократизацией общественной жизни и ростом национального самосознания, а также интересом к вопросам исторической памяти, которые были призваны заполнить образовавшийся идеологический вакуум. В эти годы в корейском обществе возник запрос на формирование новой “патриотической” идентичности. Именно в начале 1990-х годов актуализировалась проблема “женщин для утешения” и вопрос о выплате компенсации жертвам принудительного труда [20, р. 4]. Вопросы истории, таким образом, обрели новую ценность в качестве инструмента внутривнутриполитической борьбы и механизма давления при выстраивании внешней политики Южной Кореи на японском направлении.

Колониальный период продолжает выступать одним из ключевых факторов формирования национальной и государственной идентичности, причем это утверждение справедливо для обоих государств Корейского полуострова. По замечанию А. Ланькова, современные общества РК и КНДР во многом являются “постколониальными”: травма, нанесенная периодом японской колонизации, до сих пор продолжает определять идентичность южно- и северокорейцев [21, с. 143]. Утрата независимости вследствие аннексии Кореи Японией в 1910 г. является одним из основных сюжетов постколониального нарратива [22, с. 50]. Поскольку включение корейцев в число подданных японского императора происходило посредством политики ассимиляции, в настоящее время защита языка и культуры выступает императивом сохранения корейской нации [9, с. 58]. Кроме того, другим определяющим для корейцев сюжетом является обретение независимости из “чужих рук” в 1945 г. По мнению К. Асмолова, факт того, что освобождение Кореи не оказалось заслугой самого корейского народа, порождает так называемый “синдром неодержанной победы”, усугубляющий антияпонские настроения в корейском обществе [23, с. 280].

Особую роль в сохранении памяти о периоде японского колониального правления играют практики коммеморации: празднование годовщины Первомартовского движения и Дня освобождения призвано объединить корейский народ вокруг идеи борьбы с колонизаторами. В этой связи речь нынешнего президента Юн Сок Ёля, произнесенная 1 марта 2023 г., была крайне неоднозначно воспринята в южнокорейском обществе. Говоря о будущем развитии страны, лидер РК упомянул о необходимости поддержания тесного сотрудничества с США и Японией, назвав последнюю “партнером” Южной Кореи. На праздновании 104-й годовщины движения за независимость президент заявил: “Спустя столетие после [дня] Первомартовского движения Япония превратилась из милитаристского агрессора прошлого в партнера, разделяющего с нами универсальные ценности” [24].

Вопросы исторического прошлого в японо-южнокорейских отношениях на современном этапе

С приходом в 2022 г. к власти в Южной Корее президента Юн Сок Ёля динамика отношений в Северо-Восточной Азии претерпела значительные изменения. В условиях нового витка напряженности на Корейском полуострове южнокорейский лидер не только подтвердил ориентацию Сеула на Вашингтон, но и проявил готовность к преодолению противоречий с Токио, отношения с которыми усугубились в 2019 г. на фоне “торговой войны” между двумя странами.

В 2023 году 16–17 марта президент Республики Корея Юн Сок Ёль находился с визитом в Японии, во время которого встретился с премьер-

министром страны Фумио Кисида. Целью проведения данной встречи являлось обсуждение плана по решению проблемы эксплуатации корейцев во время японской оккупации. Южная Корея предложила выплатить компенсации жертвам принудительного труда через специальный фонд, пополнение которого должно осуществляться за счёт добровольных взносов южнокорейских компаний, в которые во второй половине XX в. были вложены японские инвестиции [25]. Текущая инициатива Сеула была направлена на смягчение протестных настроений японского правительства по поводу постановлений Верховного суда Южной Кореи. В 2018 г. Суд предписал японским промышленным компаниям Nippon Steel Corporation и Mitsubishi Heavy Industries выплатить финансовую компенсацию южнокорейским жертвам [26]. Представляется, что действия нынешнего президента РК помогли ему завоевать расположение как американского, так и японского правительства. Кульминацией процесса нормализации в двусторонних отношениях стал ответный визит японского премьера в Сеул 7–8 мая, ознаменовавший возрождение между двумя государствами “челночной дипломатии”, практика проведения которой не функционировала с 2011 года. [27].

Сближение ключевых региональных союзников, в свою очередь, было позитивно воспринято в США. С приходом к власти администрации Байдена Вашингтон активно включился в процесс нормализации отношений Японии и Южной Кореи, стремясь отойти от системы “оси и спиц” в сторону вовлечения союзников в многосторонние форматы сотрудничества. Американский президент подчеркнул важность трехстороннего взаимодействия стран: “Когда наши страны объединяются, мы становимся сильнее, и я считаю, что весь мир в большей безопасности, когда мы это делаем” [28]. На саммите в Кэмп-Дэвиде, состоявшемся в августе 2023 г. Дж. Байден поблагодарил Ф. Кисида и Юн Сок Ёля за проявленное ими “политическое мужество”, подчеркнув, что “укрепление связей между тремя демократиями являлось для него приоритетом на протяжении длительного периода времени”. Таким образом, Вашингтон выступил в роли значимого актора, оказывающего влияние на подходы Токио и Сеула к решению двусторонних проблем. По мнению корейского исследователя Ги Ук Сина, вовлечение США в диалог по разрешению исторических противоречий является необходимой мерой, учитывая роль Соединенных Штатов в формировании политического курса Японии и Республики Корея в послевоенный период [29].

Несмотря на урегулирование противоречий на уровне правительств, немаловажную роль в японо-южнокорейских отношениях продолжает играть фактор восприятия существующих проблем на уровне общества. Совместный опрос общественного мнения, проведенный в 2022 г. южнокорейской газетой Hankook Ilbo и японской газетой Yomiuri Shimbun, показал,

что значительное число респондентов в обеих странах считают, что двусторонние отношения продолжают улучшаться [30]. Стоит отметить, что процент доверия южнокорейских респондентов к японцам находится на самом высоком уровне с 1995 года. Другой опрос, проведенный изданием Mainichi Shimbun после визита лидера РК в Японию, отражает положительную реакцию японцев на потепление в японо-южнокорейских отношениях и их одобрение компенсационного плана правительства Республики Корея [31].

Между тем, нормализация японо-южнокорейских отношений оказывает значительное влияние на популярность южнокорейского президента. В марте 2023 года рейтинг одобрения Юн Сок Ёля составил всего 34%. Ключевыми причинами неодобрения со стороны корейской общественности стали изменение политики по отношению к Токио и проблема компенсаций жертвам принудительного труда. 59% южнокорейцев выступают против предложенного им плана, поскольку он не предполагает выражения извинений или выплаты репараций со стороны японских компаний. Более того, 64% респондентов утверждают, что Республике Корея ещё рано переходить к “этапу примирения” с Японией. Ещё 85% опрошенных считают, что нынешнее правительство Токио не раскаивается в своем колониальном прошлом [32].

Результаты опросов демонстрируют, что приемлемым решением по урегулированию вопросов исторического прошлого для граждан РК выступает их разрешение в пользу Сеула. Поскольку преодоление данных проблем является необходимым условием двустороннего примирения, вызывает беспокойство тот факт, что подавляющее большинство южнокорейцев не верят в искренние раскаяния официального Токио. Не способствуют сближению позиций и высказывания нынешнего японского руководства. В ходе своего визита в Южную Корею Ф. Кисида заявил, что “его сердце разбивается от воспоминаний о корейских рабочих, занятых на японских предприятиях в период правления Японии на Корейском полуострове”, но не принёс прямых извинений за принудительное использование их труда [33]. Японский премьер-министр считает, что все вопросы прошлого окончательно урегулированы, а письменные извинения уже отражены в вышеупомянутой Совместной декларации 1998 года. Таким образом, японская сторона продолжает последовательно придерживаться точки зрения, сформулированной еще в 1990-е годы.

Заключение

На протяжении всей послевоенной истории нормализация отношений между Южной Кореей и Японией происходила, скорее, на уровне правил. Несмотря на попытки урегулирования, проблемы исторического прошлого прочно утвердились в политической повестке японо-южнокорейских отношений. Нерешенными остаются вопросы использования принудитель-

ного труда и проблема признания Токио ответственности за действия военного времени. На данный момент от успешного преодоления исторических противоречий будет зависеть будущее сотрудничества Японии с Республикой Корея по широкому кругу вопросов, в том числе в сфере безопасности. Несмотря на провозглашение “нового этапа” в двусторонних отношениях, об окончательном урегулировании вопросов исторического прошлого говорить пока еще рано. Такой вектор не находит массовой поддержки населения. Представляется, что действия президента Юн Сок Ёля воспринимаются общественностью Южной Кореи как проявление односторонних уступок в сторону Японии в таком болезненном для граждан РК вопросе. Без конкретных шагов со стороны японского правительства и большей гибкости Токио в вопросах финансового урегулирования, проблемы, порожденные периодом колониального правления, так и останутся неразрешенными. Их игнорирование лишь закрепляет атмосферу взаимного недоверия и может оказать негативное влияние на перспективы дальнейшего сотрудничества двух государств.

Библиография

1. Peattie M. The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 3–52.
2. Молодяков В. Э. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. С. 6–46.
3. Duara P. The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in comparative perspective // The Asian-Pacific Journal. 2006. Vol 4. Issue 1. P. 1–17.
4. Sub Park. Exploitation and Development in Colony: Korea and India // Korean Journal of Political Economy. 2003. No 1. P. 5.
5. Эсаулова Д. Е. Экспансионистские доктрины Японии и место Кореи в них // СибАК. № 9 (29). 2013. С. 1–7.
6. Kwok D.W.T. A Translation of Datsu-A Ron: Decoding a Pre-war Japanese Nationalistic Theory. University of Toronto, 2009. P. 15–20.
7. Akagi H. Japan's Foreign Relations. 1542–1936. A Short Story. Tokyo, Hokuseido Press, 1936. P. 217–222.
8. Толстокулаков И. А. Общество и модернизационные тенденции в Корее в колониальный период // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1. С. 42–52.
9. Ching Leo T. S. Anti-Japan: The Politics of Sentiment in Postcolonial East Asia. Duke University Press, 2019. P. 80–97.
10. Стрельцов Д. В. “Дипломатия извинений” во внешней политике послевоенной Японии // Ежегодник Япония 2020. Т. 49. С. 29–61.
11. Шулатов Я. А. Япония // Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография // под ред. А. И. Миллера и А. В. Соловьева. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 28–56.
12. Стрельцов Д. В. Проблема исторического примирения Японии со странами-соседями // Международные отношения в XX–XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию

- окончания Второй мировой войны: сборник научных статей и сообщений Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2020 г.). Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 36–44.
13. *Young L.* Rethinking Empire: Lessons from Imperial and Post-Imperial Japan // *The Oxford Handbook of the Ends of Empires*. Oxford University Press, 2017. P. 257–277.
 14. *Landes D.* The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York: W. W. Norton, 1998. P. 422–441.
 15. Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of “comfort women” // MOFA. [Electronic resource]. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/cb4732/pdf/> — 29.10.23.
 16. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama “On the occasion of the 50th anniversary of the war’s end” (15 August 1995) // MOFA. [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> — 30.10.23.
 17. Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century // MOFA. [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> — 30.10.23.
 18. *Isozaki N.* Mutual Perceptions in Japanese and Korean Civic Society // Japan and the World, Japan Digital Library. [Electronic resource]. URL: https://www2.jiia.or.jp/en/digital_library/world.php — 30.10.23.
 19. *Kawase K.* Japan-South Korea dispute has roots in 1965 pastwar agreement // *Nikkei Asia*. [Electronic resource]. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Big-Story/Japan-South-Korea-dispute-has-roots-in-1965-postwar-agreement> — 27.10.23
 20. *Kimura M.* Unfolding the ‘Comfort Women’ Debates: Modernity, Violence, Women’s Voices // *Palgrave Macmillan*, 2016. P. 3–28.
 21. *Ланьков А. Н.* Историческая память о колониализме и национально-освободительном движении как фактор политической легитимизации в Северной и Южной Корее // *Ученые записки Сахалинского государственного университета*. 2017. № 13–14. С. 143–147.
 22. *Ким Н. Н., Соловьев А. В.* Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // *Международная аналитика*, No 14 (2). 2023. С. 49–72.
 23. *Асмолов К. В.* Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2-е издание, переработанное и дополненное // *Русский фонд содействия образованию и науке*, 2017. С. 280–288.
 24. Full text of President Yoon Suk Yeol’s speech on 104th March 1 Independence Movement Day // *Yonhap News Agency*. [Electronic resource]. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230301002300315-02.11.23>.
 25. Заявление о позиции правительства относительно решения Верховного суда о принудительном призыве на военную службу // Сайт Министерства иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4076/view.do?seq=369840-03.11.23.
 26. Court orders Japan company to pay 4 Koreans for forced labor // *The Associated Press*. [Electronic resource]. URL: <https://apnews.com/general-news-474886c44d2c498e94e90c0a8abc5f6d> — 03.11.23

27. Kishida and Yoon hail improved ties as 'shuttle diplomacy' resumes // The Japan Times. [Electronic resource]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/05/07/national/politics-diplomacy/kishida-south-korea-visit-yoon-talks/> — 03.11.23.
28. Japan, South Korea, U. S. Strengthen Trilateral Cooperation // U. S. Department of Defense. [Electronic resource]. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3498451/japan-south-korea-us-strengthen-trilateral-cooperation/#:~:text=The%20trilateral%20ties%20among%20Japan, at%20Camp%20David%2C%20Maryland%20today.> — 03.11.23.
29. *Shin Gi-Wook*. Perspective: Historical Disputes and Reconciliation in Northeast Asia: The US Role // *Pacific Affairs*. Vol. 83, No. 4, 2010. P. 663–673.
30. “한일관계, 윤석열정부 출범으로 개선”... 기대 2배씩 커졌다 [여론조사] [Корейско-японские отношения улучшились с приходом к власти правительства Юн Сок Ёля... ожидания удвоились [опрос общественного мнения]] // *Hankook Ilbo*. [Electronic resource]. URL: <https://www.hankookilbo.com/News/Read/A2022060714550005988-03.10.2023>.
31. 일본 국민 64% «한일관계 개선 기대»...정상회담 후 기대감 [64% японцев «ожидают улучшения японо-южнокорейских отношений». Ожидания после саммита] // *Yonhap News Agency*. [Electronic resource]. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230319042300073-03.10.2023>.
32. 테일러 오피니언 제533호(2023년 3월 2주) — 일제 강제동원 피해 제3자 변제 방안, 한일 관계 방향, 일본 정부의 과거사 인식 [Ежедневное мнение № 533 (2 марта 2023 г.) — Компенсация третьей стороны жертвам японского принудительного труда, будущее японо-южнокорейских отношений и признание японским правительством прошлого] // Gallup. [Electronic resource]. URL: <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1371-03.10.2023>.
33. Japan PM in S. Korea: My 'heart hurts' over suffering caused by occupation // *Yahoo News*. [Electronic resource]. URL: <https://news.yahoo.com/japan-pm-korea-heart-hurts-155835152.html> — 03.10.2023.

Зайцев Владислав Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СЕКТ ВО ВЬЕТНАМЕ: КОЛОНИАЛЬНЫЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЫ

THE SITUATION OF RELIGIOUS SECTS IN VIETNAM: COLONIAL AND POST-COLONIAL PERIODS

Аннотация. В настоящей статье была предпринята попытка сравнить роль религиозных сект в событиях антиколониальной борьбы во Вьетнаме с их текущей ролью в постколониальном Вьетнаме и дать им соответствующую оценку. Для осуществления поставленной цели автором были рассмотрены социальные причины формирования и последующего распространения религиозных сект на юге Вьетнама, а также причины их сотрудничества с оккупационными режимами Франции и Японии в годы Второй Мировой и Первой Индокитайской войн. Кроме этого, автором было проанализировано текущее отношение Коммунистической партии Вьетнама к деятельности сект. Автором был сделан вывод о том, что в разные исторические эпохи роль религиозных сект во Вьетнаме была схожей, поскольку в обоих случаях секты служили источником протестной активности.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, Первая Индокитайская война, секта Хоа Хао, секта Као Дай, антиколониальная борьба, боевые организации.

Abstract. This article attempts to compare the role of religious sects in the events of the anti-colonial struggle in Vietnam with their current role in post-colonial Vietnam and evaluate them accordingly. To realize this goal, the author examined the social reasons for the formation and subsequent spread of religious sects in South Vietnam, as well as the reasons for their cooperation with the occupation regimes of France and Japan during World War II and the First Indochina War. In addition, the author analyzed the current attitude of the Communist Party of Vietnam towards the activities of the sects. The author concluded that the role of religious sects in Vietnam has been similar in different historical eras, as in both cases sects have served as a source of protest activity.

Keywords: Second World War, First Indochina War, Hoa Hao sect, Cao Dai sect, anti-colonial struggle, militant organizations.

Актуальность исследования заключается в следующем: сегодня существует распространённое мнение о том, что Первая Индокитайская война во Вьетнаме — это попытка Франции вернуть под свой контроль территорию Вьетнама.

Однако мало кто знает, что война во многом была гражданской, а главную роль в ней сыграли религиозные секты. Да и сегодня в уже постколониальном Вьетнаме религиозные секты продолжают играть далеко не самую последнюю роль.

Целью данной статьи является сравнение степени влияния, которое оказывали религиозные секты Южного Вьетнама в колониальной системе Франции в Индокитае, с тем влиянием, которое религиозные секты в постколониальном Вьетнаме оказывают сегодня.

Новизна данной работы состоит в том, что в научной литературе по Вьетнаму встречается довольно мало материалов по участию религиозных сект и их военизированных группировок в первой войне во Вьетнаме. Материалы по сектам Као Дай и Хоа Хао носят зачастую лишь описательный характер. Данное исследование носит комплексный характер.

В ходе написания работы были использованы общенаучные методы и метод контент-анализа.

На сегодняшний день в России одним из самых крупных исследований на тему религиозного фактора на войне является монография В. Н. Колотова «Технологии использования религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах: Южный Вьетнам в период колонизации и индокитайских войн (вторая четверть XVII — третья четверть XX в.)» [1]. Данный источник и послужил основой для настоящей работы.

Перед тем, как перейти непосредственно к теме данной статьи, необходимо дать небольшую справку о том, как во Вьетнаме появились религиозные секты Као Дай и Хоа Хао, и что они из себя представляют.

По одной из официальных версий усиление религиозной сектантности произошло во Вьетнаме в 20-е годы XX века по причине колониальной зависимости Вьетнама от Франции. Это было во многом ответом крестьянства и городских средних слоёв на культурное и экономическое давление Запада, которое приводило к разрушению социальных норм и устоев, сложившихся во вьетнамском обществе [2, с. 46]. Появление религиозных сект послужило своего рода попыткой вьетнамских интеллектуалов (большинство из которых работали в колониальной администрации) социально реинтегрировать распадающееся вьетнамское общество [3], [4].

Именно на это время и приходится появление секты Као Дай во Вьетнаме. Као Дай представляет собой синкретическую религию, включающую в себе как элементы исконно азиатских религий и философских течений, таких как конфуцианство, буддизм и даосизм, так и западные элементы (католицизм). Секта была создана в 1926 году Нго Ван Чиеу. Секта была деперсонифицированной и имела определённую иерархию. Одной из главных особенностей секты являются спиритические сеансы, во время которых при помощи медиума верующие могли разговаривать с умершими потомками [5, с. 19].

Секта Хоа Хао представляет собой реформистскую версию ортодоксального буддизма. Идеино-религиозной основой секты послужил милленаристский миф, где основной упор делался на пророка и его апостолов, которые считались носителями универсальной истины. Секта была создана в 1939 году учеником буддийского отшельника Хюинь Фу Шо (Со). Одной из отличительных особенностей данной секты является простота, что может быть объяснено стремлением последней сделать буддизм доступным для народных масс. Последователи религиозной секты верят, что они лучше следуют заветам Будды Шакьямуни, чем традиционные буддисты. В отличие от Као Дай секта Хоа Хао во многом зависела от харизматического лидера и не имела никакой структурной иерархии [2, с. 49–50].

Переходя непосредственно к вопросу религиозных сект в событиях Второй Мировой и Первой Индокитайской войн, следует отметить, что изначально они носили антиколониальный характер. Более того, имеющиеся материалы показывают, что с коммунистами, которые уже с 30 годов 20 века развернули активную подпольную деятельность во Вьетнаме, секты (в данном случае Као Дай, поскольку Хоа Хао ещё не было) поддерживали связь. Секта, помогая решать внутренние вьетнамские проблемы, служила соединительным мостом между сельскими жителями и их традиционным укладом жизни и вестернизированными вьетнамцами, живущими в городах. Всё это имело целью консолидировать вьетнамское общество и защитить его от насильственной французской аккультурации [2].

Однако в 1938 году коммунисты объявили секту Као Дай проимпериалистической из-за её контактов с японцами, которые виделись в качестве потенциальных освободителей Вьетнама от колониальной зависимости (результат же получился прямо противоположным, белый империализм был заменён империализмом жёлтым).

В 1940 году в Кохинхине коммунисты предприняли попытку восстания, которая провалилась, что вызвало рост численности приверженцев как Као Дай, так и Хоа Хао. Если в 1938 году численность одних только членов секты Као Дай составляла 500000 человек [6, с. 60], то к началу Первой Индокитайской войны, где-то 1,5–2 млн. приходилось на секту Као Дай, а 800000 приходилось на Хоа Хао, что в совокупности составляло треть от населения Южного Вьетнама на тот момент времени.

Во время Второй Мировой войны секты приняли сторону японских милитаристов и вели военные действия против коммунистических ячеек. Именно на это время приходится появление боевых ячеек у сект [7].

В 1945 году в ходе развернувшейся Августовской революции во Вьетнаме религиозные секты вступили в союз с Лигой независимости Вьетнама (Вьетминь). Более того, роль сект в освобождении юга Вьетнама от японских оккупантов стала ключевой.

К сожалению, союз между религиозными сектами и коммунистами оказался временным. Главной причиной было нежелание делиться властью в освобожденном Вьетнаме. Среди коммунистов сторонники религиозных сект назывались проимпериалистами. Помимо этого, последователи религиозных сект обвинялись в коллаборационизме на стороне японского оккупационного режима. В августе 1945 года коммунисты в провинции Куангнгай, которых выпустили из тюрьмы, атаковали поселения каодаев, в результате чего погибло практически 3000 человек [8, с. 17].

После возвращения французских экспедиционных войск в конце 1945-начале 1946 годов секты заняли профранцузскую позицию. В обмен на возвращение духовного лидера Фама Конг Така с Мадагаскара каодаи согласились не устраивать атаки на французские колониальные войска. В июне 1946 было заключено военное соглашение, согласно которое обрело форму «честного сотрудничества».

Схожие отношения были между членами коммунистами и членами Хоа Хао. Вскоре после августовской революции 15 тысяч бойцов Хоа Хао сделали попытку захватить город Кантхо, находящийся под контролем Вьетминя, что вылилось в массовую резню [9, с. 124].

Однако было бы неверно утверждать, что абсолютно все представители религиозных сект заняли профранцузскую позицию. Так, например, Чинь Минь Тхэ, один из боевых командиров военизированной группировки каодаев, в 1951 отделился от секты и создал свою собственную военную организацию «Армия военного альянса», которая воевала как с французами, так и с коммунистами [10, с. 69].

В целом же религиозные секты в обмен на широкую автономию и контроль над некоторыми территориями (Тэй Нинь и дельта Меконга) встали на сторону Франции. Као Дай и Хоа Хао развернули боевые группировки по всей территории Южного Вьетнама преимущественно в деревнях, что стало их отличительной особенностью. Таким образом, секта встроилась в систему колониального управления Южного Вьетнама. Подобный механизм был и в случае с Хоа Хао. В годы наивысшего расцвета на стороне сект воевало до 65 тысяч человек (15 тысяч на стороне секты Хоа Хао и 50 тысяч поддерживали Као Дай, соответственно) [7].

Важно отметить, что религиозные секты показали свою чрезвычайную эффективность в борьбе с местными коммунистами. Более того, за Первую Индокитайскую войну, которая преимущественно проходила на территории Северного Вьетнама, коммунистическим подпольным ячейкам практически не удалось достичь ощутимых результатов на юге. Именно на этот период времени приходится расцвет сект, поскольку они смогли получить гораздо более весомую поддержку среди крестьян, чем коммунисты. Во многом это

было связано с тем, что секты контролировали наиболее важные магистрали и линии снабжения. Территории, которые контролировали коммунисты, располагались в горных областях Южного Вьетнама и были отрезаны друг от друга [1], [11, с. 103]. По поводу этого известный американский военный историк Бернард Фолл написал следующее: «Французы получили наибольшую выгоду от сотрудничества с религиозными сектами, поскольку это давало им контроль над теми территориями южного Вьетнама, которые они никак не смогли бы подчинить военным путём» [12, с. 251].

Тем не менее, религиозные секты на юге в итоге проиграли коммунистам в борьбе за крестьянскую поддержку. Причина кроется в религиозном факторе. После ухода Франции из Вьетнама, к власти Южном Вьетнаме пришел Нго Динь Зьем, который был католиком, а потому представлял религиозное меньшинство. Он совершенно не хотел мириться с той силой, которую обрели религиозные секты. Соединённые Штаты, которые пришли после ухода Франции, попытались остановить распространение коммунистической угрозы в Юго-Восточной Азии, а потому всеми силами поддерживали режим Нго Динь Зьема, тем самым, разрушив французскую колониальную систему управления в стране. Уничтожение секты Као Дай и Хоа Хао привело к росту влияния Вьетконга на юге и, как следствие, к будущему объединению страны [13, с. 295].

После окончания уже Второй Индокитайской войны религиозные секты были запрещены, однако с началом политики обновления в 1986 году во Вьетнаме объявили о свободе вероисповедания и постепенно большинство религий получили разрешение на отправление религиозного культа [14].

В современном Вьетнаме место и роль религиозных сект в жизни страны тоже довольно неоднозначные. С одной стороны, сегодня во Вьетнаме и в целом мире они получили довольно широкое распространение. По разным данным, от 2 до 3 процентов населения Вьетнама являются последователями Хоа Хао, а 1 процент населения составляют верующие секты Као Дай [15]. Некоторые лидеры этой организации за последние несколько лет приняли участие во многих научных конференциях, посвященных современной религиозной ситуации в мире и конфликтам на религиозной почве, благодаря чему стали хорошо известны в этом социальном кругу. Чтобы получить место на карте крупнейших мировых религиозных учений, каодаи не только принимают участие в научных и религиозных конференциях и межконфессиональных диалогах, но и переводят и публикуют материалы на английском, французском, немецком и японском языках. Также они весьма активны в сети Интернет и средствах массовой информации, в том числе и на телевидении. Выступая в своих обращениях к людям, каодаи говорят, «что их вере предназначено великое будущее: она распространится не только в Азии, но

станет со временем единственным вероучением во Вселенной. Это учение будет всеобщим» [5, с. 20].

Статья 24 Конституции Вьетнама 2013 года регулирует свободу религии, и государство обязуется защищать свободу вероисповедания. Помимо Конституции, в 2016 году на одной из сессий Национального Собрания Вьетнама 14 созыва был принят Декрет № 162, который обеспечивает права всех верующих и упрощает процедуры лицензирования деятельности религиозных организаций и проводимых религиозных обрядов [16].

Однако при анализе последних международных докладов о религиозной свободе (опубликованных Государственным департаментом) Вьетнам был признан наряду с Алжиром, Азербайджаном, Центральной Африканской Республикой, Коморскими островами страной, где серьёзно ущемляются права верующих. В 2022 году по рекомендации американской Комиссии по вопросам международной религиозной свободы Государственный департамент США внёс Вьетнам в специальный контрольный список [17], а в 2023 году впервые за 18 лет Вьетнам был признан страной, вызывающей серьёзную озабоченность в связи с нарушениями прав верующих [18]. В июле прошлого года одну из последовательниц Као Дай задержали в аэропорту, где допрашивали и обыскивали в течение 4 часов, а в августе власти не позволили каодаям отпраздновать День памяти жертв религиозных гонений [15, с. 23].

Во многом это связано с тем, что во Вьетнаме для того, чтобы провести религиозную службу, нужно получить соответствующее разрешение от местных властей. Поэтому сегодня во Вьетнаме остаётся серьёзной проблема незарегистрированных религиозных организаций. Религиозные секты здесь не исключение. Например, у секты Хоа Хао существует официальный центр и неофициальный (которые находятся на расстоянии 3 километров друг от друга) [19].

По мнению некоторых вьетнамских исследователей такая политика является во многом обусловленной, поскольку уже известны случаи, когда представители религиозных сект принимали участие в протестах и столкновениях с полицией, среди которых были призывы к свержению Коммунистической партии.

Однако сегодня в отличие от периода Первой Индокитайской войны среди внутри самих сект существует серьёзный раскол, поскольку сами они неоднородны. Часть последователей сект официально зарегистрированы во Вьетнаме, а потому имеют больше свободы в отправлении религиозного культа, что приводит к конфликтам с представителями религиозных организаций, которые не имеют специального разрешения.

Сегодня проблемы религиозных сект во Вьетнаме являются его колониальным наследием, поскольку до сих пор существует низкий уровень

доверия между официальными властями и представителями религиозных сект. В то же время, сравнивая положение религиозных сект в колониальном прошлом Вьетнама и тем положением, которое они занимают сейчас, можно сказать о том, что присутствует некая преемственность между колониальной и постколониальной практикой, сложившейся сегодня во Вьетнаме. В колониальный период секты выполняли определённую политическую функцию, помогая французам поддерживать колониальный режим на юге Вьетнама.

С другой же стороны, Вьетнам во многом сегодня использует ту же практику, что использовали французы. За счёт мер госконтроля создаются лояльные религиозные группы Као Дай и Хоа Хао, за счёт которых происходит регулирование уровня радикализма незарегистрированных организаций, что позволяет сделать вывод о том, сам подход во Вьетнаме к религиозным сектам носит довольно двойственный характер.

Библиография

1. *Колотов В. Н.* Технологии использования религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах: Южный Вьетнам в период колонизации и индокитайских войн (вторая четверть XVII — третья четверть XX в.). СПб.: НП-Принт, СПбГУ, 2013. 683 с.
2. *Володин А. Г.* Коммунисты и религиозные секты во Вьетнаме (Реферативный обзор) / А. Г. Володин, А. И. Фурсов // *Афро-азиатский мир в XX в.: Власть и насилие.* 2000. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunisty-i-religioznyye-sekty-vo-vietname-referativnyy-obzor>
3. *Hill F. R.* Millenarian machines in South Vietnam // *Comparative studies in society and history.* — L., 1971. — Vol.13, N 3. — P.325–350.
4. *Sarkisyanz M.* On the place of caodaism, culturally and politically // *J. of Asian history.* Wiesbaden, 1984. Vol. 1B, N 2. P. 174–188.
5. *Глазкова Е. А.* Каодаизм в современном мире // *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2010. № 1 (12). С. 18–26.
6. *Шарунов А. Ш.* Священные книги Каодай: тематика, структура, идеология // *Вьетнамские исследования.* Т. 7. № 2 S. 2023. С. 58–73.
7. Кохинхинские триады. Warspot. URL: <https://warspot.ru/7245-kohinhinskie-triady>
8. *Hoskins, J.* “God’s Chosen People”: Race, Religion and Anti-Colonial Struggle in French Indochina // *Asia Research Institute. Working Paper Series No. 189.* Singapore. 2012. 25 p.
9. *Werner J.* Vietnamese communism a. sectarian religionism // *Vietnamese communism in comparative perspective / Ed. Turley W. S.* — Boulder (Col.): Westview press, 1980. — P. 107–136.
10. *Nu-Anh Tran.* Contested Identities: Nationalism in the Republic of Vietnam (1954–1963). A dissertation for the degree of Philosophy in History in the Graduate Division of the University of California, Berkeley. 2013. 201 p.
11. *Колотов В. Н.* Институты новых религий во Вьетнаме // *Международные процессы.* Том 2. № 3 (6). 2004. С. 96–105.

12. *Fall B.* The political-religious Sects of Vietnam // *Pacific Affairs*. 1955. Vol. XXVIII. № 3. September. P. 235–253.
13. *Сюннерберг, М. А.* Буддийский кризис 1963 года в Южном Вьетнаме: событийная канва и природа явления. часть I. три пути — одно государство: буддизм, конфуцианство и католичество во Вьетнаме к 1960-м гг. // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Том III. № 3 (52). 2021. С. 282–297.
14. *Нгуен Ань Кыонг.* Особенности верований и религиозной жизни во Вьетнаме / Нгуен Ань Кыонг. Чан Тхи Нгок Тхюи, Динь Ван Няк, Нгуен Хай Ань // *Вьетнамские исследования*. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-verovaniy-i-religioznoy-zhizni-vo-vietname>.
15. Report on International Religious Freedom: Vietnam. US. State Department. Office of International Religious Freedom. 2022. URL: Vietnam — United States Department of State
16. Декрет № 162. Уточнение положений закона о вере и религии. Правительство Социалистической Республики Вьетнам. 2017. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Van-hoa-Xa-hoi/Nghi-dinh-162-2017-ND-CP-huong-dan-Luat-tin-nguong-ton-giao-353702.aspx>
17. Countries of particular concern, Special Watch List Countries, Entities of particular concern. U. S. State Department Report. 2022. URL: Countries of Particular Concern, Special Watch List Countries, Entities of Particular Concern — United States Department of State
18. USCIRF releases new report on religious freedom in Vietnam. United State Commission on International Religious Freedom. 2023. URL: <https://www.uscirf.gov/countries/vietnam/uscirf-releases-new-report-religious-freedom-vietnam>
19. *Nguyen W.* The tumultuous and tragic history of Hoa Hao Buddhism // *The Vietnamese*. Independent Journalism Matters. 2021. URL: <https://www.thevietnamese.org/2021/08/the-tumultuous-and-tragic-history-of-hoa-hao-buddhism/>

Килунов Илья Константинович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И ГЕРМАНИИ НА ФОНЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ?

RELATIONS BETWEEN INDIA AND GERMANY ON BACKGROUND OF THE UKRAINIAN CRISIS: MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION OR NEOCOLONIALISM?

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются детали отношений между Индией и Германией на современном этапе, но через призму неокOLONIALИЗМА. Зачастую Германия исключается из неокOLONIALИЗМского дискурса и одной из целей этой работы является доказать, что это является возможной теорией для анализа. Текущий конфликт в Европе обострил многие более скрытые тенденции ранее и создал глубокую заинтересованность Берлина в обеспечении союзника в лице Индии, что в итоге привело к появлению нескольких новых концепций того, как стоит оформить эти отношения. С помощью анализа этих концепций, заявлений политического руководства Германии и общего нарратива с обеих сторон можно выявить аргументы в пользу неокOLONIALИЗМского отношения со стороны Берлина, что открывает возможности для дальнейших исследований в этом вопросе.

Ключевые слова: ФРГ; Индия; неокOLONIALИЗМ; оборонительное сотрудничество; экономическое сотрудничество.

Abstract. This article examines the details of relations between India and Germany at the present stage, but through the prism of neocolonialism. Germany is often excluded from the neocolonial discourse and one of the goals of this work is to prove that this is a possible theory for analysis. The current conflict in Europe has exacerbated many hidden trends earlier and created Berlin's deep interest in securing an ally in India, which eventually led to several new concepts of how to formalize these relations. By analyzing these concepts, statements made by the German political leadership and the general narrative on both sides, it is possible to identify arguments in favor of a neocolonial attitude from Berlin, which opens up opportunities for further research on this issue.

Keywords: Germany; India; neocolonialism; defense cooperation; economic cooperation.

Введение

Последние несколько десятилетий стремительно растут в важности отношения со странами так называемого «Глобального Юга», где особенно важными оказались густонаселённые развивающиеся страны. Это приводит к растущей важности Индии, как в целом для международных отношений, так и в регионе. Индия является очень многообещающим партнёром как с точки зрения экономического сотрудничества, так и в вопросах обеспечения безопасности, что является первостепенным вопросом для Германии с момента обострения украинского кризиса. Непосредственно необходимо понимание изменившегося подхода Германии к Индии и для Российской Федерации, в контексте политики «поворота на восток».

Исследования отношений между Индией и Германией никогда не находились в центре крупных научных работ, поэтому большинство работ российских авторов представляют собой обзор узких тем в этом вопросе, причём они значительно потеряли актуальность на сегодняшний день. Крупных работ о современной ситуации в отношениях между Индией и Германией, по сути, на данный момент и вовсе не существует, даже немецкие аналитики лишь начинают создавать новые концепты и подходы.

Данная работа ставит своей целью обозреть и систематизировать изменение подхода Германии к Индии в контексте неокOLONиального дискурса.

Для достижения этой цели обозначаются следующие задачи:

- 1) Проанализировать подход немецкой дипломатии к Индии на более раннем этапе, оценить характер отношений на тот момент.
- 2) Исходя из предыдущих результатов, сравнить с ситуацией в отношениях на данный момент, изучить изменения
- 3) Рассмотреть полученные результаты с позиций неокOLONиализма.

НеокOLONиализм, термин и его применение

Для начала необходимо определиться с главным термином, который будет представлять интерес для данного исследования в дальнейшем, неокOLONиализм, и сделать несколько предварительных замечаний. НеокOLONиализм не имеет общепринятого значения, как для термина, так и для явления, которое он пытается охарактеризовать. Есть только несколько общих точек, которые разделяет большинство исследователей.

В первую очередь — это, безусловно, отделение от классической колониальной системы, но даже тут есть расхождения, так как некоторые видят в деколонизации не слом колониальной модели, а переход в новую форму, другие же исследователи рассматривают неокOLONиализм в виде совершенно нового инструмента подчинения развивающихся стран, пришедшего на смену

старой системе. Третьи же и вовсе выделяют уже появление «постнеоколониализма», считая, что на смену неоколониализму пришла уже иная модель [1]. В контексте данного исследования это не является особенно важным, кроме самого факта разделения классической модели и неоколониализма.

Другим общим звеном является указание важности экономического характера господства современной «метрополии», впрочем, есть и разделение в данном вопросе, современные исследования часто выделяют отдельно именно финансовое господство, к которому уже начинают добавлять те или иные дополнительные методы контроля. Здесь автор хочет сосредоточить внимание как раз на них, а именно контроле военном и политическом, которые являются важным звеном системы неоколониализма [2].

С одной стороны, военный контроль может осуществляться непосредственно вооружёнными силами «метрополии», но это, скорее, крайность, так как куда более чаще встречается более тонкая система подчинение, а именно создание зависимости от поставок вооружения, особенно высокотехнологического. Политический контроль также может проявляться в создании прямых государств-сателлитов, хотя куда большую пользу в этом вопросе приносит «мягкая сила», которая вынуждает государства следовать политическому лидерству исходя из общих ценностей и принципов, даже в убыток интересам страны.

Именно в таком контексте будет рассматриваться неоколониализм в данной работе, как совокупность господства не только в финансовом вопросе или, шире, экономическом, а в вопросах политического и военного контроля.

Стоит заметить, что не исключено исследование отношений между Германией и Индией в ином ключе, но данная статья стремится показать возможность применения неоколониального подхода к Германии, что осуществляется крайне редко. Другим важным замечанием будет тот факт, что статья не пытается преувеличивать роль Германии, как страны-метрополии в неоколониальной системе, в отношении Индии она не является главенствующей, уступая в этом вопросе многократно Великобритании, что, впрочем, не мешает ФРГ занимать свою нишу, о чем и будет сообщать данная статья.

Ситуация до обострения Украинского конфликта

Индия и Германия никогда не были столь близки, чтобы создать некоторую форму партнёрства, даже несмотря на то, что Индия была одной из первых стран, признавших Федеральную Республику после Второй Мировой войны. Причиной служило то, что многие считали Индию страной скорее союзной СССР, чем абсолютно нейтральной. Уже тогда ФРГ имела целый ряд вопросов к режиму Индиры Ганди, касательно интервенции в Бангла-

деш и, в общем, прав человека в стране. Хотя экономический потенциал взаимоотношений вполне осознавался, но издержки от такого сотрудничества ощущались куда более важными.

Только конец Холодной войны, либерализация экономики в Индии и резкий рост экономики Германии дали хорошие предпосылки для развития двусторонних связей, но уровня интенсификации отношений как с Китаем они не достигли. Долгое время с точки зрения экономического сотрудничества в Германии воспринималась Индия скорее второстепенным партнёром в регионе, нежели главным. Впрочем, основы неравенства в отношениях между странами уже начали закладываться тогда, так как в свою очередь торговые отношения с Германией для Индии стали одними из важнейших уже к началу 2010-х годов. Внутри Европейского союза Германия стала безраздельным лидером по экспорту и импорту для Индии, что создало значительную заинтересованность последней в интенсификации отношений, но безответно со стороны Германии [3].

С точки зрения политического сотрудничества, то тут Германия была в целом куда более активной, но в контексте решения многоплановых внешнеполитических задач, таких как получение места в Совете Безопасности ООН, где обе страны входили в неформальное объединение G4 [4]. Другими важными направлениями был вопрос «зелёной» повестки, обеспечение культурного сотрудничества, также были проданы несколько дизельных подлодок, но в дальнейшем военно-морское сотрудничество забуксовало на многие годы. В целом, Индия не выходила за пределы «ситуативного» партнёра.

Ситуация начала меняться к 2020 году, постепенно началось осознание роли Индо-Тихоокеанского региона для европейской и, в частности, немецкой экономики, что вылилось в создание «Рекомендаций по Индо-Тихоокеанскому региону», где Индия была признана важным партнёром для Германии [5], хотя на тот момент в немецких элитах ещё не было консенсуса по этому вопросу. Многие замечали проблемы социального неравенства внутри индийского общества, «авторитарные замашки» премьер-министра Моди и в целом припоминали весьма бескомпромиссную политику Индиры Ганди, гуманитарную интервенцию в Бангладеш, что портило образ «самой крупной демократии».

С другой стороны, именно в «Рекомендациях» можно увидеть некоторые намёки на то, как бы Германия хотела рассматривать Индию в регионе, а именно упоминания в желании сотрудничать с Индией в вопросах обеспечения соблюдения «международных правил», особенно касательно международного морского права. Учитывая нараставшую тогда напряжённость в отношениях с Китаем, можно с полным основанием говорить о том, что Индия должна была быть явным союзником в вопросе сдерживания Китая.

Подытоживая данный этап отношений, можно сказать, что лишь под конец начался переход от ситуативного сотрудничества к постоянному, но это было в итоге привязано именно к обеспечению стратегических целей Германии, а не для некоего достижения взаимных выгод. Интересы Индии постепенно отходят на второй план, а вперёд выдвигается поддержка «миропорядка, основанного на правилах» [5, с 47–48].

Изменения после начала украинского конфликта

Катализатором окончательного пересмотра отношений с Индией стал украинский конфликт, который заставил Германию полностью переосмыслить свой подход ко внешней политике, что было названо «Zeitwende» канцлером Шольцем в его речи перед Бундестагом. Стоит заметить, что причинно-следственная связь, кроющаяся за новыми концепциями, является вопросом дискуссии, в виду закрытости обсуждений на данный момент. Автор может выдвинуть следующую гипотезу, что важную роль сыграла устойчивость Российской Федерации, она выдержала санкции и коллапса её экономики, на который сильно рассчитывало политическое руководство Германии, не случилось. В такой ситуации нужно было добиться лишения России средств для преодоления санкционных препятствий, а также усилить давление, увеличив список стран, что сами ввели санкции против неё.

Если исходить из такой логики, то Индия становилась естественной целью, как с точки зрения важности для России в экономическом плане, так и географического положения, поэтому в целом автор считает данную гипотезу вполне способной объяснить активизацию Германии в направлении Индии, но, опять же, вопрос остаётся дискуссионным.

Так стоит начать с визита уже в декабре глава МИД Германии, Анналены Бербок. Раннее на пресс-конференции с МИД Пакистана она заявила о том, что Кашмирская проблема является «ответственностью Германии» и призвала ООН подключиться к вопросу урегулирования конфликта в Кашмире. Этого долгое время добивается Пакистан, чтобы затянуть решение и получить поддержку международного сообщества. Она резко сменила ранее высказанную позицию уже в ходе визита на пресс-конференции в Нью-Дели. Министр заявила, что конфликт является исключительно двухсторонней проблемой, поддержав тем самым позицию Индии по вопросу. В обмен на подобную поддержку, она усиленно намекала о том, что Индии, как самой крупной демократии, необходимо поддержать борьбу с «авторитарными режимами», то есть присоединиться к санкциям [6].

В принципе это также совпадает с нараставшими уже тогда закупками российской нефти через Индию, что делало эту страну особенно важной для Германии с точки зрения обеспечения себя энергоресурсами. Таким образом,

в случае, если бы Индия заняла сторону европейских стран в украинском конфликте, приняв режим санкций, это нанесло бы удар как по возможным странам России их избегать, так и могло бы принудить Россию продавать нефть по потолку цен, что решило бы проблемы Германии с доступом к нефти. Тем не менее, этот жест в сторону Индии никак в тот момент не привел ни к каким ответным шагам.

Эйфория «Zeitwende»

После слов главы МИД Германии, последовал уже и более решительный шаг, так в феврале Индию посетил лично канцлер Шольц, принёсший с собой новый подход к индийскому государству. В ходе его поездки, Германия выдвинула несколько крайне привлекательных идей. Традиционное взаимодействие по вопросам экологической повестки было дополнено предложением увеличения инвестиций со стороны Германии, где та и без того занимала третье место среди европейских стран, а также на тот момент ещё не очень прозрачными намёками о возможности поставить Индии подложки на 5,2 млрд. долларов [7]. Дополнил это канцлер и обещаниями облегчить доступ молодым специалистам в Германию для обучения и работы [8].

Этот визит стал отправной точкой для эйфории, как со стороны немецких исследователей, так и индийских. Первые считали, что Германия сумела добиться от Индии некоторой солидарности с европейскими странами, поэтому в рамках противодействия влиянию России было необходимо провести в действие такие шаги. Хотя не были забыты имевшиеся проблемы, но они стали считаться лишь некоторым осложнением к очевидно важным отношениям [9]. Вторые имели абсолютно другое мнение, для них это были первые шаги совершенно новой Германии, первые признаки настоящего «Zeitwende», когда Германия осознает свою новую геополитическую роль, как лидера, и вместе с Индией они будут уже «влиять на новый миропорядок, а не быть под его влиянием» [10]. Очевидно полагалось, что они будут равными партнёрами.

Здесь уже стоит отметить явное расхождение в восприятии, которое видно среди экспертов и, как станет вполне очевидно в дальнейшем, распространяется на политическое руководство Германии. Если со стороны Индии это видится как в целом попытка взаимовыгодного партнерства, обусловленная интересами двух стран, то вот со стороны Германии очевидна важность Индии прежде всего в двух ключевых вопросах — лишение России крупного партнёра и экономический потенциал, который можно использовать на благо немецкого бизнеса. Именно этими интересами продиктована «важность» отношений с Индией в первую очередь.

После эйфории

Эйфория, конечно, быстро начала выветриваться, так как несмотря на значительно более положительное отношение к Индии после визита Шольца, никаких сдвигов в её политике не произошло. Это входило в противоречие с воззрениями, что страны, которые входят ценностно в «демократический лагерь», поддерживают Европу безотносительно собственных интересов, так как победа демократии должна быть приоритетным интересом. Вместо того, чтобы переосмыслить данную систему, начался поиск сдерживающих Индию структур, которые бы не давали ей открыто выступить на стороне Европы.

Связи с этим появилась концепция «тихой зависимости», как выяснили эксперты, более половины армии Индии имеет вооружение либо ещё советских поставок, либо из России напрямую, что обеспечивало, по их мнению, последней дружелюбный нейтралитет со стороны Индии [11]. Таким образом концептуально доказывалось, что проблема заключается не в том, как политические элиты видят Индию, а в объективно существующей зависимости, которая вынуждала ставить собственную безопасность выше ценностного партнёрства. Данная идея определённо не осталась чисто на бумаге, что можно увидеть непосредственно в ходе визита министра обороны Германии, при обсуждении контракта на подлодки, где тот задел тему необходимости «снизить зависимость от России в вопросах вооружения со стороны Индии», а также отметил, что в Индии именно демократия, поставив таким местом вновь, что Индия принадлежит к западному лагерю, просто имеет «свои слабости» [12].

По итогу, эйфория сменилась раздражением, когда вместо ожидаемого результата, Индия стала стремительно увеличивать поставки нефти из России в Германию и, по сути, обогащаться при помощи своего внеблокового статуса, недовольства Германии лишь добавляло то, что часть прибыли и с продажи нефти в Европу получали российские инвесторы. Именно такое настроение судя по всему сопровождало визит Роберта Хабекка, так как тот регулярно отмечал то, что Индия не соблюдает санкции, что она продолжает торговать российской нефтью, несмотря на возобновление диалога о свободе торговли с ЕС [13].

Несмотря на это, по всей видимости, политика не изменится в ближайшее время, государственный банк KfW, который занимается в том числе помощью развивающимся странам, уже запланировал дать Индии многомиллионные кредиты для помощи в развитии экологически чистой электроэнергии, городской инфраструктуры и многое другое [14]. С другой же стороны одно из главных немецких издательств, сильно связанное с федеральным правительством, «Шпигель», уже выпускает статьи, посвящённые преимуществам развития бизнеса в Индии, вместо Китая [15]. Это указывает

на желание добиться тех же финансовых и экономических выгод, которые получали из Китая на более раннем этапе, но в этот раз с куда более мощным контролем за финансовым сектором, что было отражено ещё в «Руководствах», где указывалась поддержка меньшего контроля Индией за доступом инвесторов на рынок [5. с 48].

Таким образом Индия всего за пару лет стала из ситуативного партнёра ценностным союзником в глазах Германии, который по какой-то причине не может в полной степени выполнять свои обязательства. Поиск и попытка решения этой проблемы — вот главная суть выстраиваемых отношений, все действия Берлина исходят из предпосылки, что Индия обязана и будет выступать на стороне Европы в конфликте с Россией, не беря в расчёт интересы Индии и её политической элиты.

Выводы и анализ

Подход Германии во многом напоминает неоколониальный в своей сути, что весьма удивительно, учитывая отсутствие колониального опыта с Индией у ФРГ. Германия не только рассматривает Индию, как некий прирост западного политического пространства, обязанного разделять те же принципы, что и Германия в политическом плане, но и как геополитический объект, который просто нужно контролировать для победы, в данном случае, с помощью поставок вооружения, то есть добиться военного контроля. К этому стоит добавить желание нарастить контроль финансового и экономического характера, что должно сделать из Индии своеобразную альтернативу Китаю, ибо отсутствие там авторитарного режима видится как прямая гарантия того, что Индия будет следовать той политике, которую страны демократии в Европе и Северной Америке сочтут верной.

Соблюдается весь комплекс неоколониальной матрицы, инвестиции и торговые привилегии, политическая идеология и поставки вооружения используются для подчинения внешнеполитического курса задаче стабилизации поставок энергоресурсов в Германию и для победы над Россией, сохраняется значительный перекоп в торговле в пользу последней, в то же время её министр обороны заявляет, что Индии нужно отказываться от российских поставок оружия, как от зависимости, что опять же создаёт ощущение, будто Индия находится в подчинённом положении.

На данный момент — это лишь первые сдвиги, очевидно, что Германия не планирует останавливаться на достигнутом, так как уже появляются заявления о планах канцлера посетить Индию в течение 2024 года. Учитывая всё нарастающее значение торговли с Германией, то становится понятно, что Берлин продолжит пытаться найти «ключи» к Индии, так как от этого зависят не только шансы добиться успеха против России, но и обеспече-

ния Германии необходимыми ресурсами. Причём, стоит отметить, что даже достижение возможного компромисса с Россией в дальнейшем не изменит такого положения Индии в глазах политического руководства ФРГ, так как Индия уже планируется и как противовес Китаю.

Библиография

1. *Леденёва М. В.* Глобализация и неокOLONиализм: как избавиться от зависимости? // Вопросы безопасности. — 2015. — № 6. — С. 1–16. URL: https://e-notabene.ru/nb/article_17933.html — 23.01.2024
2. *Горелов А. А.* От мировой колониальной системы до глобального неокOLONиализма // Век глобализации. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-mirovoy-kolonialnoy-sistemy-do-globalnogo-neokolonializma> — 18.01.2024.
3. *Печищев Л. А.* Индия и Германия: сотрудничество в области экономики на современном этапе. // Восточная аналитика. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiya-i-germaniya-sotrudnichestvo-v-oblasti-ekonomiki-na-sovremennom-etape> — 17.11.2023
4. *Трунов Ф. О.* Борьба Германии за постоянное место в сб ООН // АПЕ. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-germanii-za-postoyannoe-mesto-v-sb-oon> — 20.01.2024.
5. Policy guidelines for the Indo-Pacific, Auswärtiges Amt, 2019 год // <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2380514/f9784f7e3b3fa1bd7c5446d274a4169e/200901-indo-pazifik-leitlinien-1-data.pdf> — 14.11.2023
6. Германская дипломатия получила урок индийской демократии, газета «Коммерсантъ», 06.12.2022 // <https://www.kommersant.ru/doc/5706510>—14.11.2023
7. Turning a New Page in India-Germany Relations, The Diplomat, 08.12.2023 // <https://thediplomat.com/2023/03/turning-a-new-page-in-india-germany-relations/> — 15.11.2023
8. Weniger Hürden für indische Experten, Tagesschau, 26.02.2023 // <https://www.tagesschau.de/ausland/asien/scholz-indien-fachkraefte-101.html> — 15.11.2023.
9. Wichtige Beziehung mit einigen Problemen, Tagesschau, 25.02.2023 // <https://www.tagesschau.de/ausland/asien/scholz-deutschland-indien-u-boot-101.html> — 16.11.2023.
10. *Harsh V. P.* A ‘Zeitenwende’ in the India-Germany relationship, 2023, Observer Research Foundation // <https://www.orfonline.org/research/a-zeitenwende-in-the-india-germany-relationship/> — 16.11.2023.
11. *Adrian H.* Indien und die „Russian arms question“, KDA, 2023 // <https://www.kas.de/de/laenderberichte/detail/-/content/indien-und-die-russian-arms-question> — 15.01.2024
12. German, Indian companies sign accord on possible India submarine project, APnews, 26.05.2023 // <https://apnews.com/article/germany-india-submarines-tkms-mazagon-bc3bc721f70c339f73b750431240511d> — 16.11.2023
13. Zeit, die Köpfe ins Wasser zu stecken und abzukühlen, N-TV, 19.07.2023 // <https://www.n-tv.de/politik/Zeit-die-Koepfe-ins-Wasser-zu-stecken-und-abzuehnen-article24270313.html> — 16.11.2023

14. Rund 1 Mrd. EUR für die Energiewende in Indien: KfW unterstützt deutsch-indische Solarpartnerschaft, Presseportal.de, 20.12.2023 // <https://www.presseportal.de/pm/41193/5676503>–23.01.2024
15. Die neue Indien-Sehnsucht der deutschen Industrie, Spiegel, 22.12.2023 // <https://www.spiegel.de/wirtschaft/china-alternative-die-alte-neue-indien-sehnsucht-der-industrie-a-50cc10df-526e-413e-a641-fc46c8b20cf2>–24.01.2024

Перова Полина Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ВЛИЯНИЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ РИТОРИКИ НА ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ СИНГАПУРА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

THE INFLUENCE OF ANTICOLONIAL RHETORIC ON BILATERAL RELATIONS OF SINGAPORE AND GREAT BRITAIN

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать государственную политику Сингапура по отношению к бывшей метрополии. Автор рассматривает возросшую популярность идей о деколонизации среди национальных и конфессиональных меньшинств Сингапура. В ходе исследования был сделан вывод, что правительство азиатского государства отделяет вопросы внутренней и внешней политики, продолжая курс на сближение с Великобританией во многих инициативах.

Ключевые слова: антиколониализм, малайская диаспора, стратегическая декларация, ресентимент, двусторонние отношения.

Abstract. This article aims at defining public policy of Singapore towards former metropolis. The author discusses the increased popularity of decolonization rhetoric among Singapore's national and religious minorities. The study concluded that the Government of the Asian state separates domestic and foreign policy, continuing the course of convergence with the UK in many initiatives.

Keywords: anticolonialism, Malay diaspora, strategic declaration, resentment, bilateral relations.

Введение

На сегодняшний день Сингапур является важнейшим актором в системе глобальной торговли, бизнеса и научных исследований. Западные страны активно инвестируют в развитие азиатского города-государства с целью приумножить собственный капитал и заручиться поддержкой во многих проектах, ориентированных на наукоёмкие отрасли экономики [1]. Современное общество Сингапура как бывшего объекта колониальных претензий разделяет различные точки зрения по отношению к взаимодействию с западными коллегами. Несмотря на высокий уровень жизни, стабильное экономическое развитие, активное участие в международных делах, в государстве по-прежнему сохраняются тенденции к пересмотру отношения

к роли бывших колонизаторов в благосостоянии Сингапура. Поляризация мнений в сингапурском обществе свидетельствует о том, что восприятие участия иностранцев в жизни и развитии государства является дискуссионной темой.

В настоящем исследовании под пристальным вниманием находятся различные точки зрения среди граждан Сингапура по отношению к колониальному наследию Великобритании и их роль на формирование взаимоотношений между двумя государствами. Известно, что процесс превращения небольшого поселения, население которого было занято рыболовством, в одного из экономических лидеров, обусловлен не только внутренними факторами. Можно строить лишь догадки, какая судьба ожидала бы современный Сингапур, если бы в 1819 году британцы не решили учредить торговый аванпост. Однако при анализе действий Британской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе не составляет труда проследить, почему в современном обществе Сингапура присутствует постколониальный сентимент [2]. Строгая иерархия, навязанная колониальной администрацией Великобритании, неудачная попытка защитить британские владения от японской оккупации в годы Второй Мировой войны, предвзятое отношение к религиозным меньшинствам — всё это живо в памяти многих сингапурцев.

Целью исследования является попытка выяснить и оценить влияние разных риторик в терминах постколониализма на двустороннее сотрудничество Сингапура и Великобритании. Для достижения цели необходимо было выполнить следующие задачи:

- 1) Рассмотреть мнение этнических и конфессиональных меньшинств о роли британцев в истории Сингапура;
- 2) Проанализировать государственную стратегию взаимодействия в совместных проектах с Великобританией;
- 3) Оценить эффективность текущего сотрудничества Сингапура и Великобритании и производный от этого общественный резонанс.

Методологическую базу исследования представляет качественный контент-анализ. В ходе исследования был проведён анализ частоты упоминания вопроса колониального прошлого. Были выделены отдельные смысловые единицы в терминах отношения к европейскому влиянию на азиатское государство, а также общественная огласка внешнеполитических действий правительства Сингапура.

Перспективный партнёр или бывший узурпатор: восприятие Великобритании национальными меньшинствами Сингапура

Известно, что колониальная экспансия Британской империи не была образцом гуманизма. Консервация распрей между сообществами внутри

интересующих территорий, создание систем управления, практически не адаптированных под менталитет и жизненный уклад местных жителей были присущи британской колониальной системе в большей или меньшей мере в зависимости от выбранного региона. Безусловно, подобная политика посеяла семена ресентимента и в Сингапуре. Британская колониальная администрация поощряла сегрегацию по этническому и конфессиональному принципу, что порождало дискриминацию на бытовом уровне. К примеру, европейцы, которые представляли привилегированное население в Сингапуре во время колониальной зависимости, были инициаторами разделения города на отдельные районы по национальному признаку [3]. Подобная политика укореняла взаимные претензии китайцев, малайцев, а также выходцев с Индийского субконтинента.

Малайцы, рефлексировав на тему влияния колониальной системы на нарочный раскол общества, придерживаются негативного мнения о британцах. Преобладает точка зрения, что сегрегация общества на территории Сингапура была искусственной и созданной для упрощения контроля за торговлей на аванпосте. Однако следует отметить, что сплоченную нацию достаточно трудно расколоть способами извне. Действительно, ни о какой нации в XIX веке идти речи и не могло, а установленная иерархия оказалась успешной ввиду наличия социального расслоения, которому способствовала этническая дифференциация. Китайцы были более обеспеченными, потому что уже имели торговые связи с британцами, пусть даже установленные и насильно. Также бизнесом могли владеть и триады, тайные китайские группировки, которые могли прибегать к беззаконию в своих делах. Менее развитые в собственной организации малайцы легко поддавались управлению колониальным властям и в основном выполняли функцию дешевой рабочей силы [3].

При анализе такой чувствительной темы как колониальное прошлое, безусловно, стоит учитывать результаты социологических опросов. Согласно исследованиям за 2017–2023 гг., малайцы, представляющие этническое и конфессиональное меньшинство, склонны рассматривать британское влияние как негативное. Основным аргументом против поддержки сторонников сотрудничества с Великобританией является «наследие» в виде расовой и религиозной дискриминации [4]. К подобной риторике апеллирует бывший представитель исполнительной ветви власти — Якоб Ибрагим. Бывший министр по коммуникациям и информации убежден, что население Сингапура в годы до колониальной зависимости не ожидало в нетерпении скорейшего прихода «светоча цивилизации» в лице европейцев [5]. Он выступает с позиции осуждения устоявшегося мнения о том, что без британского влияния Сингапур остался бы на «задворках» истории. Видится важным

отметить, что Якоб Ибрагим ранее занимал пост министра по делам мусульман [5]. Следовательно, такая риторика является наиболее распространённой среди мусульманского населения Сингапура, которое по большей части составляют малайцы.

На официальных информационных порталах Сингапура чаще всего употребляют понятие «антиколониализм» люди исламской конфессии. Выпускник Национального университета Сингапура О.Сидек подчёркивает, что обществу следует активнее критиковать недостатки колониальной политики британцев, полностью избегает позитивной коннотации правления метрополии [6]. Необходимо отметить, что в СМИ представляется возможность критиковать колониальную экспансию Британской империи, что способствует выражению мнения малайского мусульманского меньшинства. Однако в исследовательских статьях сингапурских малайских авторов видится возможным проследить и явное недовольство китайским большинством, которое со времён колониального управления идет на сотрудничество с Великобританией и наращивают торговые обороты. Безусловно, для Сингапура как для мультинациональной и мультикультурной страны не допустить межнациональные конфликты является задачей первостепенной важности. Исходя из данной цели, правительство следит за тем, чтобы авторы не публиковали материалы, которые могут разжечь национальную рознь, в открытом доступе. Несмотря на цензуру в СМИ, претензии к китайскому большинству не исчезают. Китайцы занимают ведущие позиции в политике и бизнесе. Крепкие семейные узы и патриархальные ценности китайской диаспоры способствуют процветанию семейного бизнеса, а также клановых структур в экономике. Государство поощряет международные связи сингапурских корпораций и расценивает европейские страны (а также страны Содружества) как выгодных партнёров. Следовательно, малайцы, которые наиболее подвержены чувству постколониального ресентимента, склонны оценивать подобную политику в отношении китайского большинства не с позитивной стороны, что укрепляет недовольство британским присутствием в делах азиатского государства в истории и современности.

Не секрет, что малайцы не являются единственным меньшинством в Сингапуре. Важно выделить, что ещё один этнос, тамилы, заостряют меньше внимания на проблеме постколониального ресентимента. Безусловно, это связано с ощущением себя в первую очередь как сингапурцев. Действительно, политика нациестроительства Ли Куан Ю была успешной и своевременно принесла плоды. Видится важным подчеркнуть, что у сингапурских тамилы есть объект для сравнения — Индия, где также проживает данный народ. Сравнивая благосостояние Индии и Сингапура, которыми некогда управляла единая метрополия, нетрудно сделать вывод, что

тесное сотрудничество с западом обеспечивает надёжный экономический рост, уменьшение социальных проблем. Необходимо подчеркнуть, что в Сингапуре на государственном уровне закреплена ротация по этническому принципу при избрании на высшие государственные посты [7]. Так, по итогам выборов президента в 2023 году на должность был избран Гарман Шанмугататнам, тамил по происхождению. Более того, тамилы подчёркивают в первую очередь важность культурных связей с Индией и не стремятся к антиправительственной деятельности. Центр индийского наследия, обилие литературы на тему влияния тамильской самобытности на формирование культурного ландшафта Сингапура свидетельствуют о поощрении правительством процветания культурной идентичности тамилы [8]. Данный расклад поднимает доверие тамильского меньшинства к правительству и обеспечивает лояльность ему и его риторике в международных вопросах.

Суммируя вышеупомянутое, важно подчеркнуть, что национальные и конфессиональные меньшинства Сингапура выражают либо негативное, либо нейтральное отношение к Великобритании. Склонность рассматривать европейскую страну исключительно как бывшую метрополию исключает те бенефиции, которые получает Сингапур от сотрудничества с британцами сейчас. Мышление в рамках противопоставления «Запад — Восток» способствует актуализации статуса Великобритании как бывшей метрополии в восприятии малайцев. Стоит отдельно отметить, что выраженный постколониальный ресентимент у мусульманской диаспоры негативно влияет и на взаимоотношения с китайским большинством, которое вовлечено в институты управления и торговли. Восприятие национальными меньшинствами Великобритании как разрушителя, а не созидателя, противоречит идеям большинства в Сингапуре, которое не намерено разрывать связи с партнёром в угоду удовлетворения антиколониальной риторики. Правительство Сингапура продолжает следовать установившемуся курсу в отношениях с Западом и не изменяет выбранной стратегии действия.

Государственная стратегия взаимодействия с Великобританией

Сингапур, государство с недемократической политической системой, рассматривает как вектор внешнеполитического взаимодействия риторику, выработанную ещё несколько десятилетий назад Партией народного действия.

9 сентября 2023 года Соединённое королевство и Сингапур заключили договор о стратегическом партнёрстве в пяти сферах, среди которых выделяется оборонная. Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун и премьер-министр Великобритании Р. Сунак при подписании совместной декларации акцентировали на исторической роли сотрудничества [9]. Подобная характеристика указывает не только на упрочение текущих связей, но и на

неоспоримую роль западного капитала в динамичном развитии сингапурской экономики.

В заключённой лидерами декларации о стратегическом партнёрстве особая роль уделяется традиционным сферам экономического сотрудничества, к примеру, финансам. Тем не менее ввиду активного развития цифрового пространства на передний план вышли и инновационные сферы. Взаимовыгодное сотрудничество предполагает максимальное использование преимуществ, которые обеспечивает соглашение о цифровой экономике. Данное соглашение было заключено между Сингапуром и Великобританией в июне 2022 года [10]. Документ предполагает сближение в разработках в области искусственного интеллекта и цифровой безопасности. Правительство Сингапура продолжает выстраивать доброжелательные и взаимовыгодные отношения с западным партнёром в сферах, где «азиатский тигр» претендует на лидирующие позиции. В национальной стратегии в области ИИ заявлен приоритет — на перспективу Сингапур должен стать глобальным лидером в высокотехнологичных разработках и программ на базе ИИ. Сближаясь с Великобританией в наиболее приоритетной для сингапурской экономики сфере, политическая элита Сингапура неуклонно следует курсу теснейшего партнёрства с Западом.

Отдельно следует упомянуть, что в тексте совместной декларации отмечен переход к новой эре в двусторонних отношениях Сингапура и Великобритании. При анализе подобных фраз релевантно подчеркнуть, что документ акцентирует на исторически непрерывном партнёрстве.

Неотъемлемая роль в дискуссии об отношении к Великобритании отводится фигуре отца нации — Ли Куан Ю. Политик считал, что именно Великобритания помогла заложить основы сингапурской государственности и воспринимал европейскую державу как образец, к которому необходимо стремиться в экономической модернизации [4]. Образ Ли Куан Ю для сингапурцев является практически сакральным, следовательно, публичное выражение уважения и благодарности европейцам укрепилось как естественное для большей части социума.

Следовательно, очевидно доминирование поддержки сотрудничества с Западом крупных корпораций и правительственных структур. Игнорирование репрезентации мнения меньшинств в формировании повестки международного сотрудничества чревато ростом социального напряжения, что может привести к росту недоверия к власти. Правительство Сингапура следует стратегии снижения напряжения среди малайцев и других мусульман в государстве, а также создаёт плодотворную среду для сотрудничества между разными социальными группами на благо общей цели во внутренней политике. Развитая социальная политика обуславливается не только посто-

янством экономического роста, но и значимой ролью конфуцианской этики. Данная концепция направлена на достижение общего блага совместными усилиями. Китайское большинство привило конфуцианские ценности мира и гармонии всему государству, избегая слепого навязывания религиозных догм конфуцианства [12]. Для азиатских сообществ подобные принципы актуальны и применяются на практике. Развитая социальная политика и гарантии государства обществу — релевантный пример.

Однако следует подчеркнуть, что во внешнеполитическом курсе приоритета равной репрезентации интересов национальных меньшинств нет. На международной арене Сингапур выступает как единое и консолидированное государство, отстаивающее национальные интересы и извлекающее для себя и своих партнёров максимальную выгоду. Правительство города-государства выражает преемственность политике нацистроительства Ли Куан Ю и выступает с сильных позиций за единую и сплочённую сингапурскую нацию, которая трудится на благо общего будущего. Крепкие связи с Великобританией обеспечивают бесперебойный обмен опытом между двумя акторами и обоюдную выгоду в финансовой и научной сферах.

Эффективность двустороннего сотрудничества и его оценка этноконфессиональными меньшинствами

В июле 2023 года Великобритания изъявила желание присоединиться к соглашению о Транстихоокеанском торговом партнёрстве. В конце января 2024 года Сингапур как один из основателей данного соглашения ратифицировал заявку Соединённого королевства на участие в Транстихоокеанской торговле на выгодных условиях. Для Великобритании подобный расклад событий означает, что практически все товары, экспортируемые из Британии, в страны-участницы пакта о свободной торговле, попадают под действие «нулевых тарифов». Ратификация характеризует политику сингапурского правительства как дальновидную. Соглашение о свободной торговле позволит увеличить прибыль ведущим сингапурским компаниям, что поспособствует финансированию текущих крупных проектов (к примеру, внедрение цифровых технологий в систему здравоохранения). Верховный комиссар К. Оуэн подчёркивает, что Тихоокеанский пакт выведет отношения Великобритании и Сингапура на новый уровень. Согласно прогнозам Оуэна, торговый оборот в ведущих отраслях экономики преодолет отметку в 21 миллиард фунтов [13]. Следовательно, правительство Сингапура продолжает обеспечивать стране постоянство в торговых отношениях с одной из крупнейших экономик мира. Подписав данное соглашение, Сингапур выразил преемственность в политике стратегического сближения с Великобританией, упомянутое в предыдущей главе.

Важно отметить, что сотрудничество между «азиатским тигром» и европейской державой проходит на разных уровнях. Как научно-исследовательский центр Сингапур привлекает специалистов по всему миру. Инновационные проекты, возможность повышения квалификации, поощрение правительством деятельности молодых специалистов в области инжиниринга и техники способствует притоку иностранных коллег. Научно-техническое сотрудничество является неотъемлемой частью современного двустороннего диалога Сингапура и Великобритании. Сближение с европейскими коллегами на уровне исследовательских центров не только подчёркивают влияние мягкой силы азиатской страны, но и укрепляют стратегические связи. Так, специалисты из Наньянского Технического университета и их британские коллеги из Имперского Колледжа в Лондоне заняты совместной разработкой программ, которые позволят усилить систему кибербезопасности в медицинском оборудовании, работающем с применением передовых технологий на базе ИИ. Британские учёные выбрали сотрудничество с сингапурскими коллегами ввиду качества прогресса в высокотехнологичных разработках. Также причиной для совместного труда является тесная историческая связь двух государств. Об этом заявляет ведущий новостной портал Сингапура «The Straits Times» [14]. Сближение на уровне неправительственных структур знаменует постоянство в совместной деятельности двух игроков на международной арене. Участие в проектах глобальной важности в паре с европейским партнёром способствует дальнейшему росту репутации Сингапура как крупного исследовательского центра.

Без сомнения, подобные крупные проекты, предполагающие тесные контакты с Великобританией, не могут быть встречены с радостью с представителями антиколониальной риторики в Сингапуре. Стратегическое сближение с бывшей метрополией, а также контакты на неправительственном уровне воспринимаются малайскими представителями как союз с историческим врагом, нанёсшим стране серьёзный ущерб. Для малайцев, исходя из социальных опросов, XXI век представляется в первую очередь эпохой деколонизации [15]. Внушительное количество действий, предпринятых правительством Сингапура для стратегического и экономического партнерства с Великобританией, а также для формирования общего интеллектуального пространства, очевидно, не удовлетворяет требованию нивелирования связей с бывшими колонизаторами. Ориентируясь на работы современных малайских исследователей колониального прошлого Сингапура и явления антиколониальной политики в целом, стоит подчеркнуть, что малайцы склонны апеллировать понятием «империализм», ссылаясь на труд В. И. Ленина, нежели рассматривать сближение с Великобританией с более утилитарной точки зрения [15]. Малайцы в Сингапуре выступают

с позиций, что городу-государству следует сближаться с западными игроками. Особенно популярны идеи об интеграции с религиозными организациями Малайзии и Индонезии. Однако государством сближение с международными мусульманскими организациями не поощряется. Правительство отдаёт приоритет снижению рисков терактов. Данный расклад событий, безусловно, является причиной определённого напряжения в обществе. Тем не менее в Сингапуре действует Межрелигиозная организация (IRO), где adeпты различных конфессий проводят открытые встречи, семинары и лекции с прихожанами [16].

Следовательно, видится справедливым, что современная малайская диаспора в Сингапуре оценивает постоянное партнёрство с британскими коллегами как игру политических элит, а не как взаимовыгодное сотрудничество, ведущее к процветанию стран и упрочению диалога между талантливыми азиатскими и европейскими специалистами.

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо подчеркнуть, что на правительственном уровне власти Сингапура не ставят приоритетом интересы национальных и религиозных меньшинств. Прогрессивное и взаимовыгодное сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе даёт Сингапuru больше бенефиций и продолжает укреплять доверие к правящей Партии народного действия.

Правительство Сингапура на сегодняшний день отдаёт приоритет укреплению экономических и стратегических связей с партнерами за рубежом. Успешная социальная политика, финансирование и поощрение культурных проектов, а также грамотная языковая политика позволяют правительству продолжать курс, заданный Партией народного действия в первые годы независимости. Подобные действия в отношении внешнеполитического курса способствуют сплочению граждан Сингапура для удовлетворения национальных интересов города-государства.

Антиколониальная риторика в сингапурском обществе несмотря на активную поддержку со стороны малайского населения продолжает оставаться вопросом внутренней политики государства, которая может оказывать влияние на внешнеполитических вектор развития исключительно косвенно.

Библиография

1. *Фурсов К. А.* 2001. 03. 045. Ф. Ренье. Сингапур глобальный город-государство на пути в XXI век? Regnier Ph. Singapore? f global city-state into the XXI century?// the end of the "Asian model"?/ ed. H. henke a. J. boxill. Amsterdam a. Philadelphia: John Benjamins Publishing company, 2000. P. 51–77 // Социальные и гуманитарные

- науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2001. № 3.
2. *Gabriel Cheng Kian Tiong*. Colonial era is an important part of Singapore's history // *The Straits Times*– URL: <https://www.straitstimes.com/forum/letters-in-print/colonial-era-an-important-part-of-singapores-story> — 1.06.2017.
 3. *Petra Weyland*. (1990). International Muslim Networks and Islam in Singapore. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*, 5(2), 219–254.
 4. *Stephen Dziedzic*. Singapore's quarrel over colonialism // *The Interpreter* — URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/singapore-s-quarrel-over-colonialism> — 12.02.2020.
 5. *Linette Lai*. Parliament: Need to acknowledge both good and bad of colonial past: Yaacob // *The Straits Times* — URL: <https://www.straitstimes.com/politics/need-to-acknowledge-both-good-and-bad-of-colonial-past-yaacob> — 28.02.2019.
 6. *Osman Sidek*. Don't make light of anti-colonial sentiments // *The Straits Times* — URL: <https://www.straitstimes.com/forum/letters-on-the-web/dont-make-light-of-anti-colonial-sentiments> — 3.09.2019.
 7. Presidential elections in Singapore — URL: https://www.eld.gov.sg/elections_presidential.html
 8. *Malavika Menon*. New book traces Tamil community's presence in region dating back 2,000 years // *The Straits Times* — URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/new-book-traces-tamil-communities-presence-in-region-dating-back-2000-years> — 11.01.2023.
 9. Joint Declaration on the Singapore-United Kingdom Strategic partnership. URL: <https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2023/09/20230909-UK-SG-Strategic-Partnership#:~:text=ON%20A%20STRATEGIC%20PARTNERSHIP&text=2%20Relations%20between%20Singapore%20and,education%2C%20culture%20and%20sustainable%20development>
 10. The UK-Singapore Digital Economy Agreement (UKSDEA). URL — [https://www.mti.gov.sg/Trade/Digital-Economy-Agreements/UKSDEA#:~: text=The](https://www.mti.gov.sg/Trade/Digital-Economy-Agreements/UKSDEA#:~:text=The)
 11. Tang See Kit. Singapore, UK elevate ties to 'strategic partnership', with deeper cooperation in areas like economy // *Channel news Asia*. — URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/singapore-uk-elevate-ties-strategic-partnership-pm-lee-hsien-loong-rishi-sunak-3758241-9.09.2023>.
 12. *Habibullah Khan*. (2001). *Social policy in Singapore: A Confucian model*. Washington: World Bank Institute, p.26.
 13. *Goh Ruoxue*. Singapore ratifies UK's accession to transpacific free trade pact // *The Business Times* — URL: <https://www.businesstimes.com.sg/international/global/singapore-ratifies-uks-accession-transpacific-free-trade-pact> — 23.01.2024.
 14. *Lee Li Ying*. New \$20m project by British and Singapore researchers to improve healthcare cyber security // *The Straits Times* — URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/new-20m-project-by-british-s-pore-researchers-to-improve-healthcare-cyber-security> — 8.01.2024.
 15. *Khairudin Aljunied*. (2011). A theory of colonialism in the Malay world. *Postcolonial Studies*, 14(1), 7–21.
 16. Interreligious Organisation of Singapore. URL: <https://iro.sg/>

Пешкова Софья Антоновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ПРОБЛЕМЫ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЮЖНОЙ КОРЕИ И ЯПОНИИ

THE COLONIAL ISSUE IN SOUTH KOREA-JAPAN RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Данная статья нацелена на выявление причин, по которым до сих пор не удалось окончательно решить вопрос колониального прошлого в южнокорейско-японских отношениях. Для осуществления поставленной цели были проанализированы действия нескольких южнокорейских президентов (Пак Чон Хи, Пак Кын Хе) по преодолению противоречий относительно колониального режима, а также внешнеполитический курс нынешнего президента Республики Корея, направленный на улучшение отношений с Японией. Кроме того, автором рассматривались факторы, которые необходимо будет учесть Юн Сок Ёлю, чтобы не повторить ошибок предыдущих южнокорейских президентов, обусловивших неудачный итог решения спора о колониальном прошлом.

Ключевые слова: Южная Корея, Япония, колониальный вопрос, «женщины для утешения», компенсация, общественное мнение

Abstract. This article is aimed to identify the reasons why the issue of the colonial past in South Korean-Japanese relations has not yet been ultimately solved. To achieve this goal, the actions of several South Korean presidents (Park Chung Hee, Park Geun Hye) to overcome contradictions regarding the colonial regime, as well as the foreign policy course of the current President of the Republic of Korea aimed at improving relations with Japan were analyzed. In addition, the author considered the factors necessary to be taken into account by Yoon Suk Yeol in order not to repeat the mistakes of previous South Korean presidents, which led to the unsuccessful outcome of the settlement of the dispute over the colonial past.

Keywords: South Korea, Japan, the colonial issue, «comfort women», compensation, public opinion

Введение

С приходом к власти в Южной Корее в 2022 году президента Юн Сок Ёля характер отношений Сеула и Токио начал постепенно меняться. Новый президент перешел ко внешнеполитическому курсу, явно направленному на улучшение отношений с Японией путем преодоления проблем исторического

прошлого двух стран. «Я не повторю ошибку, разделяя людей на прояпонских и антияпонских, и не оставлю южнокорейско-японские отношения, связанными прошлым» — заявил он в ходе предвыборной кампании [1]. Однако, такой политике администрации Юна есть вполне логичное объяснение. Напряженность в отношениях Китая и США заметно растет, ядерная программа КНДР также продолжает усиливаться, что безусловно подталкивает Сеул к поиску союзников в регионе, чтобы обеспечить свою безопасность. Выбор Южной Кореи в сложившейся ситуации пал на Японию. Несмотря на сложную историю взаимоотношений, Япония является наиболее выгодным партнером Республики Корея ввиду тесно сложившихся социально-экономических и культурных связей. Более того, Южная Корея видит в Японии союзника, имеющего схожие интересы безопасности. Таким образом, имеющийся опыт может стать основой для потенциального партнерства двух стран, строящегося на взаимном доверии, по многим векторам сотрудничества, в том числе и по вопросам безопасности. Однако, главным препятствием для установления прочных союзнических отношений остается колониальное прошлое Кореи, которая продолжает активно использовать данный период в своей политической риторике в отношении Японии, что существенно осложняет двусторонние связи. Следовательно, чтобы Юн Сок Ёлю удалось достичь улучшения южнокорейско-японских отношений, ему необходимо положить конец колониальному спору. Для этого ему непременно придется учитывать причины провала предыдущих попыток по преодолению данного вопроса. Основной целью исследования как раз и послужило выявление причин, по которым колониальный спор до сих пор не удалось решить, несмотря на предпринятые ранее попытки. Как уже отмечалось ранее, для достижения цели автором были проанализированы не только действия ряда президентов Республики Корея (Пак Чон Хи, Пак Кын Хе) по преодолению противоречий относительного колониального режима, но и политический курс нынешнего президента Юн Сок Ёлю в отношении Японии, а также факторы, которые необходимо будет принимать во внимание для его успешного проведения.

Попытка Пак Чон Хи: первый шаг к решению колониального спора

После окончания оккупационного режима в Корее, дипломатические отношения между Сеулом и Токио были восстановлены лишь в 1965 году путем подписания базового договора между Японией и Республикой Кореей (Treaty on Basic Relations). Во вступительной части договора говорилось о стремлении обеих стран к добрососедству и нормализации их отношений на основе принципа взаимного уважения суверенитета [2, с. 1], однако со стороны правительства Пак Чон Хи договор скорее считался необходимостью для ослабленной Южной Кореи, так как согласно ему Сеул получал

внушительную экономическую помощь от Токио. Важно понимать, что в тот период японская экономика развивалась высокими темпами, а южнокорейская едва сводила концы с концами, поэтому Пак Чон Хи изменил ранее антияпонский курс во внешней политике и пошел на значительные уступки бывшему колонизатору Кореи. Примечательно, что денежные средства, выплаченные японцами Южной Корее, получили название именно «экономической помощи», а не компенсации за причиненный во время оккупации ущерб [3, с. 78]. Данный факт уже являлся предпосылкой к тому, что окончательно решить вопрос о колониальном споре договором 1965 года не удастся. Однако, это далеко не единственная причина неудачи попытки Пак Чон Хи. К процессу обсуждения и заключения договора не были приглашены пострадавшие от колониального режима — «женщины для утешения» и жертвы трудовой эксплуатации. Другими словами, их интересы были проигнорированы как южнокорейской, так и японской стороной. Еще одной причиной провального результата договора стала непопулярность правительства Пак Чон Хи в южнокорейском обществе. Пришедший к власти в результате военного переворота, Пак Чон Хи далеко не всеми воспринимался в качестве легитимной власти. Подписание договора лишь вызывало возмущение со стороны южнокорейских граждан и явно не подняло рейтинг доверия к новому правительству. В начале XXI века стало совершенно ясно, что договор не положил конец колониальному спору. Президент Но Му Хён обнародовал секретные документы, подтверждающие, что денежные средства, выплаченные японскими властями, были направлены на проекты государственного строительства, а не на компенсации жертвам оккупационного режима [1], что вызвало волну возмущений и окончательно делегитимизировало договор 1965 года в глазах южнокорейского общества. Таким образом, действия Пак Чон Хи в отношении преодоления колониальных противоречий с Японией можно сказать изначально были обречены на провал. непопулярность правительства президента Пака, игнорирование интересов жертв оккупационного режима, вертикальный характер договора — все это в конечном счете стало причинами неудачи попытки Пак Чон Хи. Колониальный вопрос продолжил осложнять южнокорейско-японские отношения.

Соглашение о «женщинах для утешения»: подход Пак Кын Хе

Под влиянием роста угрозы со стороны Китая и КНДР правительство Пак Кын Хе пошло на сближение с Японией. Более того соглашение 2015 года во многом было подписано благодаря содействию со стороны Соединенных Штатов, желающих сближения двух своих союзников в регионе. Суть соглашения состояла в том, чтобы решить так называемую проблему «женщин для утешения» (comfort women) — корейских женщин, использовавшихся в каче-

стве сексуальных рабынь японскими военными. Система «женщин для утешения» принесла колоссальный вред физическому и эмоциональному состоянию пострадавших корейских женщин. После окончания колониального режима они были зачастую отвергнуты собственными семьями и будущими мужьями, не могли получить образование и работу, оставаясь без средств к существованию. Соглашение, заключенное в 2015 году, подразумевало выплату компенсаций «женщинам для утешения» в размере 1 млрд. йен (примерно 8,3 миллиона долларов на тот момент) [4], извинения со стороны Японии, а также взаимный компромисс обеих сторон воздержаться от противоречивых мнений перед международным сообществом [5, с. 133]. Соглашение было названо «окончательным и бесповоротным» решением проблемы «женщин для утешения», однако если обратить внимание на то, как выполнялись обозначенные в нем условия, таковым оно безусловно не являлось.

Во-первых, денежная компенсация выплачивалась жертвам не напрямую, а посредством создания специального фонда, учрежденного японским правительством. Однако, финансирование осуществлялось главным образом за счет частных пожертвований, компенсация непосредственно от правительства Японии составляла лишь небольшую часть денежных средств фонда. Южнокорейское общество посчитало инициативу создания фонда притворством со стороны Токио, желавшим избежать ответственности за причиненный ущерб «женщинам для утешения». Соответственно ни жертвы, получившие компенсацию, ни южнокорейское общество в целом не были удовлетворены данным пунктом соглашения, посчитав действия японского правительства недостаточно искренними. Соглашение по большей части стало восприниматься как попытка откупиться от пострадавших «женщин для утешения», а не оказать им нужную поддержку.

Во-вторых, извинения со стороны Японии были принесены не самим Синдзо Абэ, а от его лица министром иностранных дел Фумио Кисидой. Стоит отметить, что ответственность за систему «женщин для утешения» не была признана японским правительством. Было сказано о том, что Япония сожалеет о болезненном опыте, перенесенном жертвами, но полностью свою японское правительство не признало, к тому же сами формулировки в заявлении Кисиды носили крайне расплывчатый характер. Требование искренних извинений со стороны Японии впоследствии станет ключевым требованием южнокорейских граждан по данному вопросу, и несмотря на то, что Токио утверждает, что подобное обязательство уже было выполнено, южнокорейцы совершенно с этим не согласны. Даже в последние годы граждане Республики Корея заявляют, что им нужна не компенсация, а искренние извинения, которые необходимы для преодоления споров о колониальном прошлом и его последствий.

В-третьих, несмотря на то, что были принесены извинения от лица именно Синдзо Абэ, сам премьер-министр спустя некоторое время перечеркнул весь возможный успех от стараний Кисиды. В своем заявлении Национальному собранию Японии Абэ заявил, что не было найдено ни одного документа, подтверждающего, что «женщин для утешения» забирали насильно [6]. В 2016 году с похожим утверждением выступил во время заседания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин в Женеве заместитель министра иностранных дел Синсукэ Сугияма, сказав, что вера в то, что женщин принуждали к сексуальному рабству, основана на ложных рассказах покойного Сэйдзи Йошиды [7]. Подобные заявления высокопоставленных государственных деятелей Японии не могли не вызвать шквал негодования в южнокорейском обществе. Можно сделать вывод о том, что японская сторона не относилась серьезно к вопросу извинений, обозначенному в соглашении 2015 года, и скорее рассматривало его как инструмент для своей политической стратегии. Разумеется, учитывая такой подход японской стороны к решению проблемы, соглашение о «женщинах для утешения» явно не положило бы конец колониальному спору и тем более не удовлетворило бы интересы жертв оккупационного режима.

Следовательно, можно сказать о том, что к ошибкам попытки Пак Чон Хи, в частности вновь проигнорированные интересы жертв, добавились и новые — в большей степени односторонние действия южнокорейского правительства. Важно отметить, что правительство Пак Кын Хе, как и правительство Пак Чон Хи, тоже сложно назвать популярным в южнокорейском обществе. В ноябре 2016 года рейтинг Пак Кын Хе составил всего 4%, сделав ее самым непопулярным президентом Республики Корея за всю историю страны, на момент подписания договора процент поддержки был выше — около 54% (по данным на сентябрь 2015 года) [8], однако тоже не являлся высоким. После одобрения импичмента Конституционным судом в марте 2017 года, Пак Кын Хе покинула свой пост, а следующий президент не только аннулировал подписанное с Японией соглашение, но и закрыл фонд, через который выплачивались компенсации. Таким образом, попытка Пак Кын Хе стала даже более неудачной, чем у предыдущего рассматриваемого президента. В общей сложности, соглашение 2015 года не принесло никаких положительных результатов, а только осложнило отношения между Японией и Южной Кореей.

Общественное мнение

Прежде чем перейти к действиям Юн Сок Ёля по решению колониального вопроса с Японией, необходимо дать краткое описание отношений Японии и Южной Кореи на момент прихода к власти господина Юна. За

год до того, как соглашение о «женщинах для утешения» было аннулировано Мун Чжэ Ином в 2019 году, Верховный Суд Республики Корея вынес решение о денежных выплатах двумя японскими компаниями Japan Steel Works Ltd и Mitsubishi Heavy Industries южнокорейским жертвам колониального периода [9, с. 41]. На этом фоне развернулись торговые войны Японии и Республики Корея, вплоть до 2023 года сильно осложнявшие двусторонние отношения. В подобной обстановке Юн Сок Ёль начал свой политический курс, направленный на сближение с Японией. Причины заинтересованности Сеула в сотрудничестве с Токио вновь были обусловлены угрозой со стороны КНДР, а также усилением американско-китайских противоречий, а Соединенные Штаты как никогда были нацелены на рождение союза Сеул-Токио.

В первую очередь, Юн Сок Ёлю следует учитывать общественное мнение, иначе любые попытки наладить отношения с Японией и убедить южнокорейцев в целесообразности подобного внешнеполитического курса не увенчаются успехом. Если сравнивать опросы общественного мнения за 2015 и 2022 годы по вопросу как южнокорейские граждане относятся к Японии, то разница действительно получается значительная. Согласно отчетам подготовленными аналитическим центром Genron NPO в 2015 году около 72% простых южнокорейцев негативно относилось к Японии [10, с. 4], а в 2022 году данный показатель снизился на 20% [11]. Поэтому нынешнему президенту будет чуть легче проводить политику, направленную на улучшение отношений с Японией, чем его предшественникам. Несмотря на то, что большое количество южнокорейцев все еще выражает сильную неприязнь к Японии, положительный тренд в изменении общественного мнения уже можно заметить. Однако неосторожная политика Юн Сок Ёля может вновь привести к возвращению к цифрам 2015 года.

Говоря о том, чего сейчас ожидает от Японии южнокорейское общество касательно колониального вопроса, то в первую очередь — не компенсаций, а искренних извинений. Как уже отмечалось ранее, южнокорейцы в искренность принесенных ранее извинений не поверили, поэтому данный вопрос пока что стоит довольно остро. Еще одно требование — отзыв Японией своих претензий на острова Токто (Такэсима), которые юридически принадлежат Республике Корея, однако Япония отказывается признавать на них южнокорейские права. Вопрос принадлежности островов уходит корнями в процесс освобождения Кореи от японской оккупации, поэтому непосредственно связан с колониальным спором стран. Стоит также отметить, что Япония не только не способствует решению колониального спора, но и продолжает принимать спорные документы, осложняющие процесс сближения. В марте 2022 года Япония пересмотрела свои учебники истории, объявив Токто японской территорией и исключив такие выражения, как “принуди-

тельная вербовка” и “сексуальное рабство”, из своей учебной программы по колониальной эпохе [5, с. 134]. Подобная ревизионистская политика Токио уменьшает для Юна возможности убедить южнокорейскую общественность в необходимости сближения с Японией.

Рассматривая ситуацию с общественным мнением в Южной Корее на данный момент, важно учитывать непопулярность Юн Сок Ёля как президента в своей стране. Уровень его поддержки составляет всего около 30% [12]. Президенту с таким рейтингом будет крайне непросто осуществить запланированный внешнеполитический курс в отношении Японии, ведь он сопряжен с решением очень болезненного для южнокорейской общественности вопросом.

«Прояпонский» внешнеполитический курс Юн Сок Ёля

С приходом к власти Юн Сок Ёль начал курс на сближение с Японией, первым шагом к которому стало создание фонда, пополняемого за счет пожертвований частного сектора. Целью фонда является выплата компенсаций жертвам принудительного труда во время японской оккупации [13]. Примечательно, что основные денежные поступления в фонд будут исходить именно от южнокорейских фирм, а не японских. Японское правительство заявило, что позволит японским фирмам, обвиняемым в использовании южнокорейского принудительного труда, добровольно вносить пожертвования в фонд при условии, что будут сняты обвинения 2018 года [14]. Южная Корея данное условие отклонила. Проект Юн Сок Ёля был положительно воспринят как Японией, так и США. Однако, южнокорейское общество такой подход к решению проблемы не оценило. Согласно опросу, подготовленному южнокорейской телекомпанией KBS, 59,6% респондентов заявили, что выступают против предложения Юна [14]. Оппозиционные партии в Южной Корее посчитали действия Юна освобождением Японии не только от финансовой, но и моральной ответственности.

В марте 2023 года Юн Сок Ёль нанес официальный визит в Токио, который имел историческое значение, так как был первым за 12 лет посещением южнокорейским лидером столицы Японии. Несмотря на то, что одной из главных целей визита было возобновление переговоров по проблемам безопасности между внешнеполитическими и оборонными ведомствами двух стран, визит Юн Сок Ёля в Токио стал подтверждением начала нормализации южнокорейско-японских отношений, что произошло непосредственно после объявления о создании фонда. Можно сказать, что администрация Юна вновь пошла наперекор общественному мнению ради развития сотрудничества с Японией в сфере безопасности. Сближение с Японией уже принесло свои плоды, Южная Корея была возвращена в «белый список», что

означает конец торговых войн между странами. Однако, вряд ли внешнеполитические успехи Юн Сок Ёля сумеют сгладить общественное негодование, а если учитывать крайне низкий процент поддержки президента, то господин Юн сильно рискует, проводя подобную политику, практически игнорируя общественное мнение в стране.

Таким образом, если проанализировать предпринятые Юн Сок Ёлем действия по решению колониального вопроса, то можно заметить, что по большей части нынешний южнокорейский президент совершает те же самые ошибки, что и его предшественники. Продолжается игнорирование общественного мнения и интересов жертв оккупационного режима, не учитывается низкий уровень популярности президента, а также администрация Юна не содействует тому, чтобы Японии принимала более активное участие в урегулировании вопроса, так как на данный момент процесс решения спора носит в общей сложности односторонний характер. Юн Сок Ёль также не поднимал вопрос о принесении искренних извинений со стороны Японии, что для южнокорейских граждан носит чуть ли не первостепенное значение.

Выводы

Итак, основными причинами, по которым до сих пор не удалось окончательно решить вопрос колониального прошлого в южнокорейско-японских отношениях, можно назвать игнорирование интересов пострадавших от японской оккупации («женщин для утешения», жертв трудовой эксплуатации), низкий уровень содействия японских властей решению проблемы, низкий уровень популярности южнокорейских президентов, проводивших политику урегулирования колониального вопроса с Японией. Говоря о том, будет ли политика Юн Сок Ёля по сближению с Японией успешной, то в вопросе выгоды для развития сотрудничества, например, в сфере безопасности, то скорее всего да. Однако окончательное решение спора о колониальном прошлом, исходя из анализа предпринятых Юн Сок Ёлем действий, маловероятно. Скорее всего результаты от политики Юна будут носить временный характер, и колониальный вопрос может вновь осложнить южнокорейско-японские отношения уже после завершения президентского срока Юн Сок Ёля.

Библиография

1. *Eun A Jo*. Japan and South Korea Are Still Haunted by the Past // Foreign Affairs. 2022. URL: https://www.foreignaffairs.com/japan/japan-and-south-korea-are-still-haunted-past?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20231109-20.01.2024.

2. Treaty on Basic Relations. Tokyo // United Nations Treaty Collection. 1965. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8471-English.pdf> — 20.01.2024.
3. *Ибатулина Д. Г.* ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ // Казанский вестник молодых ученых. 2021. № 2. — 20.01.2024.
4. *Panda A.* The 'Final and Irreversible' 2015 Japan-South Korea Comfort Women Deal Unravels. 2017. // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/the-final-and-irreversible-2015-japan-south-korea-comfort-women-deal-unravels/> — 20.01.2024.
5. *Истомина А. Л.* Содержание, анализ и роль южнокорейско-японского соглашения о «женщинах для утешения» 2015 года // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. № 2. — 20.01.2024.
6. *Hosaka Y.* Why Did the 2015 Japan-Korea 'Comfort Women' Agreement Fall Apart? // The Diplomat. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/11/why-did-the-2015-japan-korea-comfort-women-agreement-fall-apart/> — 20.01.2024.
7. No documents confirm military coerced 'comfort women,' Japan envoy tells U.N. // The Japan Times. 2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/02/17/national/history/no-documents-found-confirm-military-forced-comfort-women-sexual-servitude-japan-envoy-tells-u-n/> — 20.01.2024.
8. Итоги деятельности Пак Кын Хе на посту президента Республики Корея. Досье. // ТАСС. 2017. URL: <https://tass.ru/info/4084225>—20.01.2024.
9. *Кистанов В. О.* Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. — 20.01.2024.
10. The 3rd Japan-South Korea Joint Public Opinion Poll (2015) Analysis Report on Comparative Data // The Genron NPO. 2015. — URL: https://www.genron-npo.net/pdf/forum_1505_en.pdf — 20.01.2024.
11. Will improved public sentiment in Japan and South Korea lead to better relations between the two countries? // The Genron NPO. 2022. — URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5605.html — 20.01.2024.
12. Рейтинг одобрения деятельности президента Южной Кореи опустился до 30% // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17634061>—20.01.2024.
13. *Siripala T.* Japan Welcomes South Korean Deal to End Colonial Era Forced Labor Dispute // The Diplomat. 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/03/japan-welcomes-south-korean-deal-to-end-colonial-era-forced-labor-dispute/> — 20.01.2024.
14. *Johnson J.* Can South Korea and Japan repair their strained relationship? // The Japan Times. 2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/29/national/politics-diplomacy/japan-south-korea-improving-ties/> — 20.01.2024.

СЕКЦИЯ «КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН СУБСАХАРСКОЙ АФРИКИ»

Давыдов Денис Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

СОЗДАНИЕ АВТОНОМИИ ФОЛЬКСТАТА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ КАК ПОПЫТКА СОХРАНИТЬ АФРИКАНЕРСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСЛЕ КРАХА АПАРТЕИДА

CREATION OF THE VOLKSTAAT AUTONOMY IN SOUTH AFRICA AS AN ATTEMPT TO PRESERVE AFRIKANER NATIONAL IDENTITY AFTER THE COLLAPSE OF APARTHEID

Аннотация. В данной статье предпринята попытка определения перспектив создания Фолькштата как африканерской автономии в Южно-Африканской Республике (ЮАР). Для осуществления поставленной цели автором была рассмотрена историческая эволюция африканерского этноса, включая т.н. «Великий трек», создание независимых бурских республик и ввод в ЮАР институциональной системы апартеида (1948–1994 гг.), которые, как удалось доказать, являются основными причинами желания африканеров создать собственную автономию или, в перспективе, независимое государство. Изучив внутривнутриполитическую обстановку в ЮАР на современном этапе и проанализировав юридическую составляющую на предмет легальности создания Фолькштата, автор делает выводы о возможности создания африканерской автономии в обозримом будущем.

Ключевые слова: Южная Африка, Фолькстат, африканеры, африкаанс, апартеид, сепаратизм, автономия

Abstract. This article attempts to determine the prospects for the creation of Volkstaat as an Afrikaner autonomy in the Republic of South Africa (RSA). To achieve this goal, the author examined the historical evolution of the Afrikaner ethnic

group, including the so-called “Great Trek”, the creation of the independent Boer republics and the introduction of the institutional system of apartheid in South Africa (1948–1994), which, as has been proven, are the main reasons for the desire of Afrikaners to create their own autonomy or, in the long term, an independent state. Having studied the internal political situation in South Africa at the present stage and analysed the legal component regarding the legality of the creation of Volkstaat, the author draws conclusions about the possibility of creating Afrikaner autonomy in the foreseeable future.

Keywords: South Africa, Volkstaat, Afrikaners, Afrikaans, apartheid, separatism, autonomy.

Введение

Завершившийся в 1994 г. демонтаж расово-дискриминационной системы апартеида (с африк. *apartheid* — «раздельность») поставил под вопрос политические, экономические и социально-культурные перспективы африканеров, крупнейшего белого этноса Южно-Африканской Республики. Находившиеся на вершине власти в стране с момента ее образования в 1910 г. как британского доминиона Южно-Африканский Союз, представители африканерской нации неожиданно для себя потеряли многие преференции и превратились в относительно дискриминируемое новыми властями меньшинство. Несмотря на объявленную новыми демократическими властями Южной Африки политику толерантности и ликвидации дискриминации по этническому и расовому признаку, белые южноафриканцы очень быстро ощутили на себе всю гневную риторику мести со стороны чернокожего большинства в стране за институциональную систему расовой дискриминации, что, в некоторых случаях, выливается в насильственные акты по всей Южной Африке.

Спасением своей национальной, языковой и культурной идентичностей африканеры считают идею «Фолькстат». Фолькстат (африк. *Volkstaat* — «народное государство») — проект создания автономии в составе Южно-Африканской Республики или, в перспективе, отдельного национального государства африканеров. Концепция предполагает создание государство-подобного образования на основе африканерской идентичности, в котором будут жить собственно африканеры, белые южноафриканцы британского происхождения (они же — англо-африканцы) и другие белые, которые примут африканерские культуру и традиции, включая знание языка африкаанс.

Актуальность темы данной статьи обусловлена крайне напряженной внутренней обстановкой в самой Южной Африке, так и ростом атак на фермы белых жителей страны, связанный с неопределённостью разрешения земельного вопроса. Сохраняющиеся спустя 30 лет после демонтажа

системы апартеида экономические, социальные и политические противоречия имеют также и расово-национальную причину. При этом, начавшаяся после краха апартеида массовая эмиграция белых южноафриканцев в другие страны создаёт определённые сложности по вопросу создания автономии. Хотя африканеры эмигрируют в меньшей степени, чем англо-африканцы, выбирая страны Африки, Соединённые Штаты Америки, Российскую Федерацию, Европейский Союз (в основном — Нидерланды) и Великобританию, для действующего правительства Южно-Африканской Республики крайне важно разрешить вопрос о статусе африканеров в стране, в том числе и возможным созданием автономии. Более того, быстрый рост в 2020–2023 гг. популярности идеи независимости Западно-Капской (англ. *Western Cape*, африк. *Wes-Kaap*) и Северо-Капской провинций (англ. *Northern Cape*, африк. *Noord-Kaap*), где проживает подавляющая часть африканеров Южной Африки, добавляет ещё один повод для исследования темы Фолькстата.

Целью данного исследования является определение перспектив создания африканерской автономии Фолькстата в составе Южно-Африканской Республики. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) Проанализировать историческую эволюцию африканерского этноса с момента прибытия на территорию современной Южно-Африканской Республики нидерландских колонистов до первой трети 20-го века;
- 2) Изучить позиции основных южноафриканских политических партий и политических движений страны по вопросу создания Фолькстата и статуса африканеров в стране;
- 3) Исследовать нормативно-правовые акты Южно-Африканской Республики и соглашения, касающиеся возможности создания автономии для африканеров.

История африканерского этноса с 1652 г.

Африканеры (нидерл. и африк. *Afrikaners* — «африканцы») являются потомками колонистов из Европы, в основном — нидерландских. Так, в 1652 г. неподалёку от Мыса Доброй Надежды (нидерл. *Kaap de Goede Hoop*, африк. *Kaap de Goeie Hoop*, англ. *Cape of Good Hope*) высаживаются колонисты из Нидерландов, где во главе с исследователем Яном ван Рибеком основываются город Капстад (нидерл. и африк. *Kaapstad*; ныне — Кейптаун) и Капская колония (нидерл. *Kaapkolonie*), которые подчинялись Объединённой Ост-Индской компании Нидерландов (нидерл. *Verenigde Oostindische Compagnie*) [1, pp. 13–35]. Их передача Великобритании в результате Наполеоновских войн привела к росту противоречий между прибывающими из Европы колонистами и формирующейся этнической группой буров (с нидерл. *Boers*

— «фермеры», «крестьяне»), которые были ограничены даже в использовании родного нидерландского языка, поскольку в 1820–1830 гг. он был замён неизвестным для большинства буров английским [2, pp. 13–19].

Как итог, в 1836 г. начинается т.н. «Великий трек» — переселение буров и нидерландско-язычных колонистов из Британской Капской колонии на территории центра современной Южно-Африканской Республики из-за несогласия с политикой колониальной администрации в Кейптауне, которая подавляла национальные особенности буров [3, pp. 10–13]. Их миграция была направлена в долины рек Вааль и Оранжевая (нидерл. и африк. *Oranjerivier*), где они пытались договориться с местными жителями о совместном проживании, но противодействие со стороны зулусов привело к кровавым стычкам в течение всего Великого трека [1, pp. 13–35]. По мере продвижения буров и постепенной колонизации региона, создавались суверенные бурские республики, самыми долгоживущими из которых были Оранжевое Свободное Государство (нидерл. *Oranje-Vrijstaat*, африк. *Oranje-Vrystaat*) и Трансвааль (буквально — «по ту сторону Вааля»). Последнюю так звали только британские колонисты, в то время как сами буры использовали название «Южно-Африканская Республика» (нидерл. *Zuid-Afrikaansche Republiek*) [4, pp. 360–361]. Российский учёный-экономист В. Н. Шитов указывает на необходимость более «верного» именованья современной страны на русском языке как «Республика Южной Африки», что является верным переводом с английского, но не «Южно-Африканская Республика», поскольку это является названием бурской республики [5, стр. 4–5].

Не менее интересным представляется и опыт Республики Наталия, которая существовала в 1839–1843 гг. после победы буров над зулусами в Битве на Кровавой Реке (ставшая важной частью африканерского национального мифа [6, pp. 1–27]) вплоть до вторжения британских войск и образования колонии Наталь (порт. *Natal* — «Рождество»). Несмотря на свою недолгую историю, Наталия стала знаковым пунктом в бурском и африканерском опыте государственного строительства [7, pp. 252–265].

Открытие на территории Трансвааля богатейших месторождений золота и алмазов привело к повышенному интересу британских властей к двум бурским республикам, что вылилось в англо-бурские войны. Если в первой, относительно краткосрочной (1880–1881 гг.), трансваальские буры победили британцев, то во второй, длившейся почти три года (1899–1902 гг.), бурское сопротивление было жестоко подавлено британцами. Чтобы нивелировать эффект от партизанских действий бурских отрядов, активно действовавших в Капской колонии, британцы прибегли к тактике выжженной земли на территории бурских республик и организовали там систему концентрационных лагерей. Хотя британская стратегия достигла

своих целей, до 27 тысяч буров (в основном — женщины и дети младше 16 лет) умерли от голода и болезней [8].

Однако победа во второй англо-бурской войне стала для британцев пирровой, поскольку под колоссальным давлением США и большинства государств Европы (особенно — Нидерланды, Германия, Шведско-Норвежская уния и Российская империя), которые поддержали бурские республики и осудили карательные меры британцев, Лондон был вынужден пойти на большие уступки бурам, которые к тому моменту уже обрели национальное самосознание как африканеры. Мирный договор, подписанный в небольшом городе Феринихинг (с нидерл. *Vereeniging* — «ассоциация») на границе Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, обязывал британцев предоставить официальный статус используемому африканерами языку (южноафриканский диалект нидерландского) в сферах образования и юстиции, выплатить африканерам компенсацию за уничтоженные сельскохозяйственные угодья, амнистировать участников военных действий и гарантировать африканерам право на самоопределение [5, стр. 15–16].

В целях исполнения последнего пункта был создан Национальный конвент, который выработал проект Акта о Южной Африке, принятый Парламентом Великобритании в 1909 г. По его положениям был создан доминион Южно-Африканский Союз (нидерл. *Unie van Zuid-Afrika*, африк. *Unie van Suid-Afrika*, англ. *Union of South Africa*), состоявший из четырёх провинций, причём уникальной особенностью Союза стало разделение столичных функций между административными центрами всех провинций. Так, парламент ЮАС располагался в Кейптауне Капской провинции, верховный суд страны — в Блумфонтейне (африк. *Bloemfontein*) провинции Оранжевое Свободное Государство, правительство и резиденция генерал-губернатора Союза — в Претории (африк. и англ. *Pretoria*) провинции Трансвааль, а государственные архивы — в Питермаритцбурге (африк. *Pietermaritzburg*) провинции Наталь. Государственными языками страны признавались английский и нидерландский, с 1925 г. такой же статус постфактум получил африкаанс, который ранее считался диалектом нидерландского [9]. Таким образом, две из трёх ветвей власти нового государства расположились на территории бывших бурских республик, а язык африкаанс получил официальный статус, что можно однозначно считать победой африканеров, несмотря на их поражение в англо-бурской войне. Наличие нескольких столиц (за исключением Питермаритцбурга) и государственный статус африкаанс сохраняется и по сей день в современной Южно-Африканской Республике.

Во время Первой мировой войны ЮАС участвовал на стороне Антанты, что вызвало негодование со стороны африканерских националистов, у которых была свежа память о англо-бурских войнах. В 1914 г. африканерским

политиком и бывшим бургским генералом Джеймсом Барри Мунником Герцогом создаётся Национальная партия (африк. *Nasionale Party*, англ. *National Party*) [10, pp. 37–63]. На выборах 1924 г. она триумфально побеждает Южно-Африканскую партию другого бургского генерала, Яна Христиана Смэтса, а Герцог сменяет его на посту премьер-министра ЮАС, заняв эту должность до 1939 г., когда нейтральная позиция Герцога по вопросу вступления в Вторую мировую войну на стороне Великобритании привела к его смещению и возврату Яна Смэтса на пост главы южноафриканского правительства. В течение 15 лет своего премьерства, Герцог активно продвигал идеи африканерского национализма и усиления расовой сегрегации, которая вылилась по итогу в установление режима апартеида в 1948 г. радикально-расистским крылом Национальной партии во главе с Даниэлем Франсуа Маланом [11, p. 141–157].

Таким образом можно прийти к выводу, что история африканеров, начавшаяся в 1652 г. с прибытием голландских колонистов, оказала колоссальное влияние на всю дальнейшую эволюцию их развития. К таковым можно однозначно отнести Великий трек и англо-бургские войны. Кейсы бургских республик в лице Оранжевого Свободного Государства, Южно-Африканской Республики (Трансвааля) и Наталии стали важнейшим опытом в стремлении африканеров к самостоятельности.

Политические движения ЮАР об идее Фолькстата

В начале 21-го века две полувоенных группировки африканеров заявили о переходе к вооружённой борьбе за создание Фолькстата. «Движение сопротивления африканеров» (африк. *Afrikaner Weerstandsbeweging, AWB*) под руководством одиозного Эжена Тербланша, одного из самых ярких расистов-африканеров, заявило в 2008 г. о планах по созданию независимого африканерского государства на территории Северо-Капской провинции, а также земель бывших бургских республик Стеллаленд (нидерл. *Stellaland*) и Гошен (нидерл. *Goshen*), которые, по мнению движения, принадлежат буррам-африканерам согласно Сэнд-Риверской конвенции 1852 г., согласно которому Великобритания признавала независимость буров, живущих к северу от реки Вааль. Движение также сделало заявление о возможности подачи иска в Международный уголовный суд [12]. Второй организацией являлась «Бургская сила» (африк. *Voeremag*), которая планировала серию терактов и политических убийств по всей стране, включая Нельсона Манделу. Однако в 2002–2007 гг. все члены организации были арестованы и приговорены к длительным срокам [13].

В 1998 г. министр по конституционному развитию ЮАР Мохаммед Валли Муса, представлявший партию «Африканский национальный конгресс» (англ. *African National Congress, ANC*) на парламентских дебатах поддержал

идею африканеров о создании автономии на северо-западе тогда ещё единой Капской провинции, которая на тот момент ещё не была разделена на три отдельных региона. По его мнению, создание какой-либо формы автономии расценивалось на тот момент правительством как полностью соответствующее новой Конституции страны [14].

Главной политической силой ЮАР, отстаивающей права африканеров, является партия «Фронт свободы плюс» (африк. *Vryheidsfront Plus*, *VF Plus*; англ. *Freedom Front Plus*, *FF Plus*). Несмотря на открытые национально-консервативные взгляды в поддержку самоопределения африканеров, партийный манифест к последним выборам 2021 г. не содержит какого-то упоминания о Фолькстате. Однако любопытным кажется официально указанное положение о поддержке независимости Капских провинций, что наводит мысль об отказе африканерскими политическими элитами от идеи Фолькстата [15].

Касательно двух других важнейших политических сил страны — лидера оппозиции, партии «Демократический альянс» (англ. *Democratic Alliance*, африк. *Demokratiese Alliansie*; *DA*), и партии «Борцы за экономическую свободу» (англ. *Economic Freedom Fighters*, *EFF*), — то сложно однозначно выяснить их отношение к идее Фолькстата. Идеология Демократического альянса определяется либерализмом и фактической поддержкой перехода на федеративную систему административно-территориального устройства в Южной Африке путём признания прав и свобод представителей всех наций и рас страны [16]. «Борцы за экономическую свободу», в свою очередь, имеют ярко выраженное негативное отношение ко всем не-чернокожим жителям страны, в особенности к африканерам. Лидер партии, Джулиус Малема, неоднократно исполнявший фольклорную песню зулусов *Dubul' ibhunu* (в переводе с языка зулу — «Убей бура»), подвергается резкой критике со стороны руководства демократов, назвавшее это попыткой разжигания этнической и расовой ненависти по отношению к не-чернокожим жителям ЮАР [17].

Подводя итог, следует отметить, что поддержка создания Фолькстата прямым текстом не указывается в программах ни одной партии, даже африканерского «Фронта свободы плюс». Правящая партия АНК согласна на реализацию африканерского права на самоопределение, однако руководство не высказывается по этому поводу почти 20 лет. Не представляется возможным определить точные позиции «Демократического альянса» и «Борцов за экономическую свободу» по поводу Фолькстата, поскольку официальные программы партий никак не затрагивают этот кейс напрямую, но положение африканеров в стране так или иначе находит отклик в политических заявлениях руководства партий.

Нормативно-правовая основа для создания Фолькстата

При поддержке Африканского национального конгресса 23 апреля 1994 г. было принято Соглашение о самоопределении африканеров. Подписавшие его АНК, «Фронт свободы» и Национальная партия соглашались гарантировать африканерам право на самоопределение в рамках готовящейся к принятию Конституции 1996 г. путём создания «Совета Фолькстата» (африк. *Volkstaatraad*) — консультативного органа при Правительстве ЮАР, чьей целью было выработать проекты создания африканерской автономии [18].

В конце марта 1999 г. Правительство Южной Африки получило от Совета Фолькстата четыре разных варианта создания африканерской автономии в стране:

- 1) Фолькстат на территории Северо-Капской провинции;
- 2) Заимствование бельгийской системы регионализации на языковой основе путём создания африкаанс-язычного региона на территории горной цепи Витватерсранда (африк. *Witwatersrand* — «хребет белой воды») в провинции Гаутенг (англ. *Gauteng*), включая города Претория и Центурион;
- 3) Заимствование швейцарского опыта и создание «кантонов» в провинции Мпумаланга (англ. *Mpumalanga*), включая город Нелспрейт (африк. и англ. *Nelspruit*. В 2009 г. переименован в Мбомбелу, англ. *Mbombela*);
- 4) Африканерские советы при законодательных органах провинций.

Предложенные варианты автономии были отвергнуты или проигнорированы правительством страны, за исключением первого, но он требовал бы определённых доработок на уровне Конституции страны [19]. Помехой к созданию автономии африканеры считают отсутствие какого-либо значимого представительства на низовом уровне государственного управления. Причиной этого можно считать «джерримендеринг», к которому прибегло руководство АНК на всеобщих выборах 2000 г. Так, многие муниципалитеты с преимущественно африканерским и/или африкаанс-язычным населением были присоединены к другим, населённым представителями других наций, что лишило их весомого представительства в органах законодательной власти всех девяти провинций и в Парламенте ЮАР [20, p. 79].

Основным документом, согласно которому африканеры могут претендовать на автономию, является Конституция Южно-Африканской Республики от 1996 г. Статья 235 основного закона страны гласит, что «право южноафриканского народа в целом на самоопределение, закрепленное в настоящей Конституции, не исключает в рамках этого права признания понятия права на самоопределение любой общины, разделяющей общее культурное и языковое

наследие; в рамках территориального образования в Республике или любым другим способом, определенным национальным законодательством» [21].

Оценка юридической составляющей приводит к мысли о легальности создания африканерской автономии в составе ЮАР. Данное право гарантируется как Конституцией страны, так и межпартийным соглашением о праве африканеров на самоопределение, подписанное в 1994 г. Тем не менее, препятствия были искусственно созданы правящей элитой страны в попытке нивелировать представительство африканеров в Парламенте ЮАР.

Выводы

Всесторонне изучив историческую, политическую и юридическую составляющие кейса Фолькстата можно прийти к выводу, что данная идея автономии африканеров имеет тенденцию к постепенному угасанию. Тем не менее, неблагоприятная политическая ситуация в ЮАР и нарастание социальной неурядицы на фоне серьёзных экономических проблем способствует возрождению вопроса о статусе африканеров, ответом на который должен стать новый кейс создания автономии, но уже не Фолькстат. Из этого следует три варианта развития событий: сохранение статуса-кво между заинтересованными сторонами; предоставление автономии «сверху» (на что могут оказать влияние всеобщие выборы, которые состоятся на всех уровнях законодательной власти 29 мая 2024 г. [24]) и возможная сецессия двух Капских провинций. С 2020 по 2023 г. поддержка проведения референдума о независимости среди населения этих регионов выросла с 46,6% до 68% [22]. Однако в октябре 2023 г. глава правительства Западно-Капской провинции Алан Винде отказался объявлять референдум, что привело к созданию «Партии референдума» (англ. *Referendum Party*) в ноябре 2023 г [23].

В результате исследования наиболее вероятным в среднесрочной перспективе представляется третий вариант. Первый вариант отвергается африканерами, а второй слишком зависит от политической конъюнктуры, складывающейся не в пользу африканеров. Таким образом, кейс Фолькстата, с большой вероятностью, не имеет шанса на реализацию в связи с игнорированием проблемы со стороны Правительства ЮАР, большой популярностью идеи сецессии Капских провинций и отсутствием поддержки со стороны политико-партийных элит африканеров.

Библиография

1. *Hunt J., Campbell H.-A. Dutch South Africa: Early Settlers at the Cape, 1652–1708.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. 192 p.
2. *Bradley J., Bradley L., Vidar J., Fine V. Cape Town: Winelands & the Garden Route.* Madison: Modern Overland, 2011. 204 p.

3. *Laband J.* The Transvaal Rebellion: The First Boer War, 1880–1881. Harlow: Pearson Longman, 2005. 264 p.
4. *Eybers G. W.* Select constitutional documents illustrating South African history, 1795–1910. London: George Routledge & Sons, Limited; New York: E. P. Button & Co, 1918. 680 p.
5. *Шитов, В.Н.* ЮАР в экономике Африки южнее Сахары: учебное пособие. / В. Н. Шитов. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2016. — 93 с.
6. *Opperman A. J. P.* The Battle of Blood River. Roodepoort: CUM Books, 1982. 56 p.
7. *Cana F. R.* Natal // Encyclopædia Britannica. Vol. 19 (11th ed.). New York: The Encyclopædia Britannica Company, 1910. 1050 p.
8. South African War. // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/event/South-African-War> — 25.12.2023
9. A history of the South African Constitution 1910–1996. // South African History Online. URL: <https://www.sahistory.org.za/article/history-south-african-constitution-1910-1996-25.12.2023>
10. *Clark N. L., Worger W. H.* South Africa: The Rise and Fall of Apartheid (2nd ed). Abingdon-on-Thames: Routledge Books, 2013. 218 p.
11. *Morris M., Nasson B., Linnegar J.* Every Step of the Way: The journey to freedom in South Africa. Cape Town: HSRC Press, 2004. 344 p.
12. South Africa: Nelson Mandela coup plotters sentenced. // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-24725177-27.12.2023>
13. *Bevan S.* AWB leader Terre'Blanche rallies Boers again. // The Daily Telegraph. URL: <https://web.archive.org/web/20080604050426/http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/southafrica/2059457/South-Africa-AWB-leader-Terre-Blanche-rallies-Boers-again.html> — 26.12.2023
14. *Bezuidenhout N.* VF se strewe legitiem, sê Moosa. // Beeld. URL: <https://web.archive.org/web/20110703112821/http://152.111.1.88/argief/berigte/beeld/1998/06/5/4/12.html> — 27.12.2023
15. 2021 Local Government Elections Manifesto. // Freedom Front Plus. URL: <https://www.vfplus.org.za/wp-content/uploads/2023/03/FF-PLUS-MANIFESTO-2021-MUNICIPAL-ELECTION.pdf> — 26.12.2023
16. Values and Principles. // Democratic Alliance. URL: <https://www.da.org.za/why-the-da/values-and-principles> — 27.12.2023
17. DA to approach UN over Malema's "Kill the Boer". // eNCA. URL: <https://www.enca.com/news/da-approach-un-court-over-malemas-kill-boer> — 27.12.2023
18. Accord on Afrikaner self-determination. // Department of Justice and Constitutional Development, Government of the Republic of South Africa. URL: <http://www.justice.gov.za/legislation/constitution/history/INTERIM/TCR/ACCORD.PDF> — 27.12.2023
19. *Roodt D.* Verslag van die Volkstaatraad. // Pro-Afrikaans Action Group. URL: <https://web.archive.org/web/20160610171805/http://praag.co.za/?p=10538-27.12.2023>
20. *Agrizzi G.* The Effects of Redistricting on South Africa's Electoral Processes: The Case Of Gauteng. Johannesburg: University of Witwatersrand, 2017. URL: <https://wiredspace.wits.ac.za/server/api/core/bitstreams/8282ef2b-786a-4782-ab25-94c805869590/content> — 27.12.2023

21. Constitution of the Republic of South Africa, 1996 — Chapter 14: General Provisions, Article 235. // Government of the Republic of South Africa. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-1996-chapter-14-general-provisions-07-feb#235-27.12.2023>
22. *Tandwa L.* Referendum Party for Cape independence to call the DA's bluff. // The Mail and Guardian. URL: <https://mg.co.za/politics/2023-11-11-referandum-party-for-cape-independence-to-call-the-das-bluff/> — 27.12.2023
23. Press Release: Support for Independence Referendum reaches 68% in New Poll. // CIAG (Cape Independence Advocacy Group). URL: <https://www.capeindependence.org/post/press-release-support-for-independence-referendum-reaches-68-in-new-poll-27.12.2023>
24. President Cyril Ramaphosa announces 2024 General Elections date. // Government of the Republic of South Africa. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/president-cyril-ramaphosa-announces-2024-general-elections-date-20-feb-2024-25.02.2024>

Купалов-Ярополк Антон Игоревич

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ,
Факультет международной журналистики,
Магистратура

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАМИБИИ (PDM): НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕБРЕНДИНГ?

PEOPLE'S DEMOCRATIC MOVEMENT OF NAMIBIA (PDM): NEOCOLONIAL REBRANDING?

Аннотация. В статье рассматривается генезис, трансформация и современное состояние крупнейшей оппозиционной партии Намибии — Народно-демократического движения. Был проведен анализ этнополитических процессов на территории Намибии во время Южноафриканской пограничной войны и после обретения независимости в 1990 году. Использование метода кейс-стади позволяет выявить флуктуации в проколониальном векторе оппозиции в XXI веке. Приведенные автором выводы характеризуют современный курс намибийских демократов в политической жизни граждан Республики.

Ключевые слова: Намибия, Народно-демократическое движение, Турнхалле, оппозиция, неокOLONиализм, этнические процессы.

Abstract. The article examines the genesis, transformation and current state of Namibia's largest opposition party, the Popular Democratic Movement. An analysis of the ethnopolitical processes in Namibia during the South African Border War and after independence in 1990 was carried out. The use of the case study method makes it possible to identify fluctuations in the pro-colonial vector of the democratic opposition in the 21st century. The conclusions presented by the author characterize the current course of the Namibian democrats in the political life of the citizens of the Republic.

Keywords: Namibia, Popular Democratic Movement, Turnhalle, opposition, neo-colonialism, ethnic processes.

Введение

Успехи антиколониальной борьбы повстанцев Народной организации Юго-Западной Африки (South-West Africa's Peoples Organization, SWAPO) привели к укреплению позиций социалистов на территории Намибии. В то же время, интенсивную общественно-политическую деятельность в регионе осуществляли противники просоветского курса. Народно-демократическое движение Намибии ведет свою историю с 1977 года, когда 5 ноября после

Конституционной конференции в Виндхукке был образован Демократический альянс Турнхалле (Democratic Turnhalle Alliance, DTA). С 1978 года во власти демократической оппозиции сменилось 8 лидеров.

Намибийское оппозиционно-демократическое движение нечасто попадает в фокус исследований российских африканистов. Цель работы — определение уровня флуктуации политического вектора в сравнении современного Народно-демократического движения и Демократического альянса Турнхалле в XX-нач. XXI века. Основной задачей представлялся анализ политической активности оппозиционного Демократического альянса Турнхалле, затем Народно-демократического движения (Popular Democratic Movement, PDM), с момента образования в 1977 году до настоящего времени. Новизна исследования заключается в составлении тематической статьи на русском языке, полностью посвященной генезису Народно-демократического движения Намибии. Также, автором впервые осуществляется периодизация истории партии, выделение основных этапов ее активности. Методология исследования — компаративный, контент- и инвент-анализ. Был структурирован материал предыдущих научных работ по тематике политического развития Намибии. В работе соблюдается принцип историзма.

Периодизация

Народно-демократическое движение пережило несколько исторических стадий. Их границы обозначаются с ориентацией на ключевые события, характеризующие состояние оппозиции в конкретный период. Можно выделить 4 основных этапа в истории PDM:

- 1) 1977–1989 гг. — образование Демократического альянса Турнхалле, его активность в годы Южноафриканской пограничной войны, содействие SADF;
- 2) 1989–1999 гг. — лидерство Мишаке Муйонго, сопротивление региональному господству SWAPO после обретения независимости Намибии, война в полосе Каприви;
- 3) 1999–2013 гг. — умеренная деятельность демократической оппозиции во главе с Катуутире Каурой;
- 4) 2013–наст.вр. — приход к власти Макгрени Венаани, новый курс и внутренние преобразования Движения.

Все исторические этапы рассматривается автором в тематических главах.

Зарождение демократической оппозиции в Юго-Западной Африке

В 1920 году бывшая колония Германской Империи Юго-Западная Африка оказалась под управлением Южноафриканского Союза (ЮАС). Территориальный мандат был одобрен Лигой Наций [2, С. 61–62]. Когда ЮАС узаконил

систему апартеида в 1948 году после победы на выборах правой Национальной партии, она распространилась на Юго-Западную Африку [2, С. 62].

В 1960 году была основана Народная организация Юго-Западной Африки SWAPO. Она начала партизанскую войну против Южной Африки и с этой целью сформировала в 1962 году Народно-освободительную армию Намибии [9]. Несмотря на агитацию объединения всех народов Юго-Западной Африки в борьбе против южноафриканских милитаристов, сторонниками курса SWAPO в подавляющем большинстве являлись этнические овамбо. Их интересами партия руководствовалась в первую очередь [4, С. 439]. Война за независимость Намибии, которая вскоре переросла в Южноафриканскую пограничную войну, началась в августе 1966 года. В том же году Генеральная Ассамблея ООН отменила мандат Южной Африки на управление Юго-Западной Африкой и учредила должность комиссара Организации Объединенных Наций по Намибии. В 1972 году SWAPO была признана единственным законным представителем народа Намибии.

Тем временем потомки европейских поселенцев в Юго-Западной Африке и консервативно настроенные представители коренного населения пытались сохранить статус-кво. Правительство Южной Африки рассчитывало на их поддержку в регионе. Формирование новой партийной организации происходило во время Конституционной конференции Турнхалле в Виндхукке 1975–1977 годов. В переводе с немецкого языка, слово «turnhalle» означает гимнастический зал. Такое название носил дом, служивший штаб-квартирой для участников конференции. Одной из целей конференции было инициирование полиэтничного диалога и одновременно разделение намибийских этнических групп путем трансформации региона в конфедерацию бантустанов лози, тсвана, гереро, дамара, овамбо, нама, сан, рехоботских бастеров.

Фактическими учредителями Демократического альянса Турнхалле являлись 12 политических организаций:

- 1) Альянс бушменов (сан),
- 2) Альянс тсвана,
- 3) Ассоциация бастеров Рехобота,
- 4) Делегация Каприви,
- 5) Демократическая организация национального единства (гереро),
- 6) Демократический объединённый фронт народов Юго-Западной Африки (дамара),
- 7) Лейбористская партия Юго-Западной Африки,
- 8) Намибийская демократическая партия Турнхалле (нама),
- 9) Национально-демократическая партия (овамбо),
- 10) Партия национально-демократического единства (кванго),

- 11) Республиканская партия (намибийцы бурского и немецкого происхождения),
- 12) Христианско-демократический союз цветных намибийцев.

Хотя демократы и поддерживали южноафриканскую армию, они не занимались формированием собственных вооруженных отрядов лоялистов [5, Р. 94].

Первым президентом ДТА был избран этнический гереро Клеменс Капуу. Однако, в 1978 году он погиб при невыясненных обстоятельствах. Пост лидера в Альянсе занял овамбо Корнелиус Нджоба. В 1983 году его убили — предположительно, это было покушение боевой ячейки SWAPO. Президентом партии ненадолго стал рехоботский бастер Бен Африка [2, С. 61].

В 1978 году на выборах в законодательные органы Юго-Западной Африки Альянс Турнхалле одержал уверенную победу и собрал более 80% голосов на выборах в законодательные органы Юго-Западной Африки в 1978 году, получив 41 из 50 мест. Причем, учитывались голоса исключительно представителей белого населения региона. Отчасти это было связано с присутствием южноафриканских войск (South African Defence Force, SADF) в регионе, особенно на границе с Анголой [5, Р. 95–96].

Было сформировано временное правительство, состоящее из Национальной ассамблеи и Совета министров. Оно просуществовало до 18 января 1983 года. Обострилась ситуация на фронте, силовикам из Южной Африки для усиления контроля территорий требовалось вести прямое управление. Усложнившаяся ситуация привела к выходу в отставку Совета министров и Национального собрания. Южноафриканская сторона согласилась с роспуском как законодательного, так и исполнительного органа без проведения запланированных выборов и вновь взяла на себя всю полноту административной власти над территорией Намибии [2, С. 61–62].

Спустя 2 года, 17 июня 1985 года генеральным администратором Южной Африки было создано Переходное правительство национального единства. Его законодательные и исполнительные действия подлежали одобрению южноафриканскими властями. Новый назначенный генеральный администратор Луис Пиенаар обладал правом вето на все принимаемые законы [7].

Переходное правительство не смогло добиться признания со стороны ООН. Тем самым, его авторитет в народе был подорван. В новом правительстве ДТА являлся большинством, хотя и не абсолютным. В 62-местном Национальном собрании Альянс занимал 22 места, а 5 более мелких партий получили по 8 мест каждая.

1 марта 1989 года деятельность Переходного правительства была приостановлена в соответствии с положениями резолюции 435 Совета Безопас-

ности Организации Объединенных Наций. Власть в Намибии должно было занять новое независимое правительство, определенное парламентскими выборами в ноябре 1989 года. SWAPO победила с абсолютным перевесом голосов. Альянс Турнхалле оказался на втором месте [2, С. 62].

DTA сохранил свое влияние в бантустанах. Для SWAPO это послужило сигналом того, что оппозиционные силы не собираются мириться с поражением на выборах. В августе 1988 года южноафриканские войска покинули территорию Намибии. Это событие ознаменовало окончание Южноафриканской пограничной войны [2, С. 63]. 21 марта 1990 года Намибия официально провозгласила свою независимость.

Первые годы независимости и сопротивление Муйонго правительству SWAPO

После обретения Намибией независимости DTA покинули несколько учредительных организаций. Присоединившееся к Альянсу Движение за демократические перемены, а также Республиканская партия бурских и немецких переселенцев и Демократическая организация национального единства гереро покинули организацию.

Тем не менее, демократическая оппозиция продолжала активно действовать в независимом государстве [5, Р. 96]. В 1990 году Альянс Турнхалле возглавил капривийский сепаратист и этнический лози Мишаке Муйонго. Ранее он был вице-президентом SWAPO, координировал международную деятельность организации. Некоторое время Муйонго служил полномочным представителем партии в Замбии. Однако, его планы по предоставлению независимости полосе Каприви шли вразрез с интересами социалистов. Муйонго покинул SWAPO и примкнул к Альянсу Турнхалле во главе созданной им Объединенной демократической партии лози в 1985 году [2, С. 63–64].

На выборах 1994 года победу одержал ставленник SWAPO Сэмюэль Нуйома. Мишаке Муйонго удалось набрать 23% голосов и занять второе место. На данный момент это лучший результат в истории демократической оппозиции. Проигравший Муйонго решился на вооруженное сопротивление. Он перебрался в полосу Каприви на северо-востоке Намибии, заселенную преимущественно лози [6, Р. 463].

Полоса Каприви имела военно-стратегическое значение. Она образовывала своеобразный лимитроф между Намибией, Ботсваной, Анголой, Замбией и Зимбабве. В ходе вооруженных конфликтов на юге Африки через Каприви проходили маршруты контингентов различных сторон. Полосу поочередно занимали южноафриканские войска во время родезийской войны 1970–1979, отряды SWAPO в годы войны за независимость Намибии, боевые части UNITA в период гражданской войны в Анголе

[5, Р. 104]. Мишаке Муйонго занялся подготовкой вооруженной борьбы с правительством Сэмюэля Нуйомы. Армия освобождения Каприви была создана в феврале 1994 года. Ее основной целью было создание независимой конфедерации, границы которой выходили за пределы полосы Каприви. В планах Муйонги значилась консолидация лози из Ботсваны, Анголы и Замбии [6, Р. 463–464].

В 1998 года Мишаке Муйонго был официально исключен из Демократического альянса Турнхалле. Его сепаратистские взгляды не устраивали не только социалистов SWAPO, но и сторонников демократии и унионизма [3, С. 43]. Началась активная фаза боевых действий Армии освобождения Каприви под теперь уже официальным руководством Муйонго. В октябре 1998 года Силы обороны Намибии обнаружили тренировочный лагерь сепаратистов. База была уничтожена. Сам Муйонго, а также более 100 вооруженных членов Армии Каприви и около 2500 гражданских лиц, которые опасались репрессий правительства, бежали в Ботсвану [6, Р. 470–471].

Намибия безуспешно требовала от Ботсваны выдать повстанцев. В последствии, несколько сотен релокантов были репатриированы. Но жаждущие независимости Каприви оставались верны Муйонго. В Ботсване к ним присоединились отряды сочувствующих бушменов кхве численностью в несколько тысяч человек. Их не устраивало давление на местную власть со стороны правительства [3, С. 43].

Тем временем, в Намибии продолжалась подготовка к региональным выборам. Они состоялись в декабре 1998 года. Поскольку многие сподвижники Демократического альянса Турнхалле бежали из страны, SWAPO без особых усилий вышла в лидеры. Социалисты получили все шесть мест, закрепленных за Каприви. При этом, явка в самом регионе составляла менее 20% [6, Р. 471].

2 августа 1999 года Армия освобождения Каприви предприняла нападения на армейскую базу, пограничный пост и полицейский участок в Катима Мулило, столице региона Каприви. Намибийское правительство не успело ввести чрезвычайное положение в восточной части региона, из-за чего повстанцам сопутствовала удача. Они также взяли штурмом государственную радиостанцию и аэропорт Катима Мулило. В последовавших за этим столкновениях между повстанцами и правительственными силами погибли 14 человек, в том числе несколько гражданских лиц, которые попали под перекрестный огонь. Не менее 200 человек, имевших отношение к Армии освобождения Каприви, были арестованы по обвинению в государственной измене [6, Р. 480].

Поддержку повстанцам оказывал лидер UNITA Жонаша Савимби, а также Патриотический фронт лози из Замбии и Ботсваны.

Правительство ответило репрессиями и объявлением чрезвычайного положения. Последнее предоставило властям широкие полномочия. Подозреваемых в связи с повстанцами пытали во время заключения.

Последняя военная засада против Армии освобождения Каприви была устроена в сентябре 1999 года. В перестрелке были убиты трое повстанцев [6, Р. 480].

UNITA и намибийские вооруженные силы были обвинены в нарушении прав человека в отношении населения в Каприви.

Лидеру Армии Каприви Мишаке Муйонго и экс-губернатору Каприви Джону Мабуку было предоставлено политическое убежище Дании.

Так закончился период активного сопротивления демократической оппозиции под властью бывшего леворадикала. При нем ДТА достиг пика поддержки среди населения. Авторитет Муйонго до сих пор неоспорим среди большинства капривийских лози [6, Р. 481].

Умеренный курс Кауры и стагнация 2000-х годов

В 1998 году отстраненный от управления Альянсом Турнхалле Мишаке Муйонго сменил Катутуре Каура, этнический гереро.

Политически, Каура оказался намного слабее своего предшественника. Он трижды баллотировался на пост президента Намибии: в 1999, 2004 и 2009 годах. Процент голосов сторонников демократической оппозиции упал до 9%, 5% и 2% соответственно. Представительство ДТА в Национальной ассамблее (нижней палате намибийского парламента) сократилось с 15 до 2 мест [8, Р. 8].

Масштабы политического влияния ДТА постепенно сокращались. В 2003 году Демократическая организация национального единства от гереро и Республиканская партия от потомков европейских переселенцев вышли из состава Альянса Турнхалле. Каура не справлялся с поддержанием политической жизнеспособности оппозиционной партии.

Молодые члены ДТА оставались недовольны стагнацией и организационным кризисом. В 2005 году ими была предпринята попытка привести на пост президента Альянса Макгрени Венаани. Этот 28-ми летний гереро был генеральным секретарем партии и придерживался курса радикальных реформ. Однако, путч был подавлен. Каура сохранил лидерство в ДТА [3, С. 45].

С этого момента внутри Альянса началось противостояние между Макгрени Венаани и Катутуре Каура. Ситуация отражала конфликт поколений. Старые методы политического контроля перестали быть эффективными. Амбициозная молодежь ДТА жаждала радикальных перемен. В сентябре 2013 года Макгрени Венаани был избран президентом Демократического альянса Турнхалле. За него проголосовали 96 членов Центрального комитета. Катутуре Каура получил 52 голоса.

Но и по окончании внутривнутрипартийных выборов «война» между новым и бывшим лидерами продолжилась. В феврале 2014 года по обвинению в безответственности и некомпетентности Каура был лишен парламентского мандата Национальной Ассамблеи Намибии. Демократическая оппозиция вступила на путь радикальных преобразований.

Новая политика Венаани

Реформ Макгрени Венаани осуществлялись под лозунгом отказа от «колониальных принципов». Он призывал к активной борьбе с бедностью, экономическим преобразованиям, отказу от сырьевой зависимости и интенсификации современной промышленности.

На выборах президента Намибии 2014 года Венаани набрал 5% голосов. Однако, в сравнении с результатами предыдущего лидера ДТА, это был прогресс [8, Р. 9]. В это же время опальный Каура подал заявку на членство в SWAPO. Президент Намибии Хаге Готфрид Гейнгоб назначил его советником губернатора провинции Кунене.

Действия Кауры были восприняты демократами как акт предательства и карьеризма. Правительству были выдвинуты обвинения в намеренном стравливании сторонников оппозиции [9]. Новый лидер демократов был ориентирован на активную международную деятельность. В 2016 году состоялся визит М. Венаани в Германию по вопросу репараций за геноцид герера и нама 1904–1908 годов.

4 ноября 2017 года по инициативе Венаани Демократический альянс Турнхалле был переименован в Народно-демократическое движение. К этому времени Катуутуре Каура окончательно покинул партию, в которой состоял 40 лет, и присоединился к правящей SWAPO. Он публично заявил о том, что деятельность демократической оппозиции является пагубной и бессмысленной. При этом, Каура поблагодарил социалистов и назвал линию SWAPO единственно верной. Его слова вызвали резко негативную реакцию со стороны бывших соратников по ДТА. Демократы высказали предположение о подкупе Кауры властями [9].

SWAPO предвзято считает PDM политическим симулякром, способным лишь изображать оппозиционную деятельность. По их словам, демократы злоупотребляют ностальгией по организации, созданной в другое время и для других целей. На всеобщих выборах 27 ноября 2019 года Макгрени Венаани вновь баллотировался на пост президента Намибии. За него проголосовало около 44 000 избирателей. Это составляло немногим более 5% общего числа голосов. Контрольная цифра мало изменилась по сравнению с показателями пятилетней давности. По итогу, демократы оказались на третьем месте в президентской гонке. Второе место занял единый

независимый кандидат от оппозиции Пандулени Итула, набравший 29% [8, Р. 8–10; 9].

В то же время поддержка PDM на парламентских выборах выросла более чем в три раза. Соратники Венаани получили 16 мест в Национальной ассамблее и 2 места в Национальном совете.

Выводы

Несмотря на тотальное превосходство SWAPO, Народно-демократическое движение продолжает активную деятельность на намибийской политической арене.

По мнению автора, постепенное улучшение позиций демократов в годы правления Венаани связана с диверсификацией политического инструментария PDM. Лозунг отказа от колониального прошлого выражается в новых способах ведения борьбы за власть [1, С. 127]. К примеру, упомянутый визит Венаани в Германию является инновацией для PDM.

PDM находится на пути выхода из глубокого кризиса второй половины 2000-х. Прогресс стал возможен благодаря частичной оптимизации средств политической борьбы, к примеру, разворачиванию международной деятельности.

Активность PDM зиждется на правилах, взятых за основу еще в колониальную эпоху. С момента создания, в партии несколько раз менялись формы сопротивления действующей власти. Но цели демократов, идеологический вектор оппозиции остается неизменным со времен первого созыва Альянса Турнхалле: соблюдение принципов мультикультурализма и защита интересов коренного населения Намибии, сопротивление социалистам SWAPO, разрешение земельной и продовольственной проблем.

Библиография

1. Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 126–131.
2. Дорханов И. А. Политические системы ЮАР и Намибии: от апартеида к несовершенной демократии // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». Т. 83. № 4. М.: АНО «Полития», 2016. С. 59–67.
3. Камати Н. Политические проблемы развития в странах региона юга Африки (Зимбабве, Намибия и ЮАР) после ликвидации колониализма и апартеида: дис. ... канд. полит. наук. ИАФр РАН, 2014. С. 41–45.
4. Яковлев А. В. Как меняется языковая ситуация в Намибии // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Актуальные проблемы и перспективы: Международная научная конференция. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 437–453.

5. *Hunter J., Boer M.* Spot the Difference: Namibia's Political Parties Compared. Windhoek: Namibia Institute for Democracy, 2005. P. 92–99.
6. *Melber H.* One Namibia, one nation? The Caprivi as contested territory // *Journal of Contemporary African Studies*. 2009. Vol. 27. № 4. P. 463–481.
7. Namibia — National List PR in Southern Africa // ACE Project: сайт. URL: https://aceproject.org/main/english/es/esy_na.htm (дата обращения 08.01.2024).
8. Report of the African Union election observation mission to the 27 November 2019 general elections in the Republic of Namibia. African Union: Report. P. 8–10.
9. SWAPO Party: офиц. сайт. URL: http://www.swapoparty.org/swapo_party.html (дата обращения 08.01.2024).

Сечин Иван Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ОБНОВИТЬ, ЧТОБЫ ПРОДОЛЖИТЬ: АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ МЕЖДУ ПЕРЕЗАГРУЗКОЙ И НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ

UPDATE TO CONTINUE: FRANCE'S AFRICAN POLITICS BETWEEN THE RESET AND NEOCOLONIALISM

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить актуальный на данный момент *modus operadi* Франции по отношению к африканским государствам, входящим в политико-экономическое пространство Франсафрики, выделить ключевые проблемы в реализации Францией своей африканской политики и проанализировать тенденции, влияющие на стабильность Франсафрики. Для осуществления поставленной цели автором был рассмотрен инструментарий французской политики влияния в Африке применительно к вызовам, с которыми Пятая республика сталкивается в настоящее время. Изучив наиболее важные пертурбации в западноафриканской политике и реакцию на них правительства Эммануэля Макрона, автор делает вывод о несостоятельности современного подхода Франции к ее африканской стратегии и необходимости смены политической парадигмы.

Ключевые слова: Франсафрика, ЭКОВАС, зона франка, неокOLONиализм.

Abstract. This article aims to determine the currently relevant *modus operadi* of France in relation to African states that are part of the political and economic space of Francafrica, identify key problems in the implementation of France's African policy and analyze trends affecting the stability of Francafrica. To achieve this goal, the author reviewed the tools of the French policy of influence in Africa in relation to the challenges that the Fifth Republic is currently facing. Having studied the most important perturbations in West African politics and the reaction of Emmanuel Macron's government to them, the author concludes that France's modern approach to its African strategy is inadequate and that a political paradigm shift is necessary.

Keywords: Francafrica, ECOWAS, franc zone, neocolonialism.

Введение

В настоящее время системный кризис французской политики в отношении бывших французских колоний в Западной Африке (шире — африканских государств в целом) признаётся как сообществом политологов и меж-

дународных экспертов, так и французским политическим руководством. Выступление французского президента Эммануэля Макрона в феврале 2023 г., публикация доклада об актуальном состоянии отношений Франции с государствами Африки в ноябре 2023 г. и декларативный отказ от применения термина “Франсафрика” в пользу вновь изобретённого понятия “Амбиссон Африк” в 2018 г. при проведении масштабных публичных мероприятий демонстрируют, что в Елисейском дворце сложилось определенное понимание дисфункции современной Франсафрики и традиционных инструментов, через которые Пятая республика проецирует силу на африканский континент.

Нынешняя ситуация в Западной Африке характеризуется многосторонним кризисом механизмов французского влияния на регион, участвовавшими примерами прихода к власти антифранцузски настроенных лидеров и подрыва экономико-культурного наследия Франции, которое традиционно считалось одним из наиболее устойчивых аспектов французского влияния. Подобные тенденции привели к осознанию французским политиком необходимости пересмотра своей стратегии в Африке, однако заявления о введении нового подхода и отказе от старых воззрений сталкиваются с неспособностью Парижа перейти к практическим шагам по их реализации.

Цель настоящего исследования заключается в анализе кризисных явлений во французской стратегии по сохранению влияния на пространство Франсафрики и возможных путей по их нейтрализации через концепцию “нового старта” франко-африканского взаимодействия.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) Рассмотреть особенности “докризисной” африканской стратегии Елисейского дворца, проследить ключевые события, которые привели к утрате Францией прежнего влияния на государства Западной Африки.
- 2) Определить наиболее значимые направления, по которым Париж намеревается оптимизировать свою африканскую политику.
- 3) Выявить вызовы в сферах политики, экономики и имиджа, которые в перспективе могут привести к невозможности реализовать инициативы по оптимизации африканской политики Франции и дальнейшему ущербу для позиций страны на континенте.

Научная новизна настоящей работы обусловлена как произошедшей в 2023 г. сменой власти в Нигере, которая породила дискуссию об ослаблении возможностей Пятой республики реагировать на динамично изменяющийся политический ландшафт Сахеля, так и проведением летом того же

года второго саммита Россия-Африка, последствия которого могут привести к сужению инструментария французской дипломатии по влиянию на западноафриканских акторов и актуализируют вопрос о современном состоянии французской африканской стратегии и видения Елисейским дворцом феномена Франсафрики.

Концепция Франсафрики: истоки и содержание

Создание многоаспектного механизма по сохранению влияния Франции в Западной Африке после достижения независимости государствами региона относится к первым годам после крушения французской колониальной империи и выражается в условной формуле “уйти, чтобы остаться”. Французская политика влияния опирается на обширный инструментарий, в котором можно выделить три ключевых аспекта: экономический, военно-политический и культурно-идеологический [1].

Экономическое преобладание Парижа в Западной Африке основывается на присутствии в регионе французских компаний вместе с существованием зоны франка — валютного союза, возглавляемого Францией и по этой причине напрямую зависящего от Парижа. Отсутствие у западноафриканских государств собственной валюты предопределяет завязку региональных экономик на Париж и служит в качестве одного из инструментов давления Парижа на местные политические элиты.

Военно-политический аспект французского влияния в свою очередь включает в себя две составляющие — военное присутствие Пятой республики в регионе и существование профранцузского Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), которое обладает собственными вооруженными силами на основе ВС стран-участниц и выступает в качестве дополнительного рычага для укрепления статуса Франции как медиатора конфликтов и гаранта стабильности [2]. Французское военное присутствие позволяет Франции реагировать на вызовы безопасности, которые со второго десятилетия XXI века приобрели форму террористической угрозы.

Культурно-идеологическая роль Франции в Западной Африке представлена в первую очередь особым статусом французского языка (во многих государствах французский имеет статус государственного или преподается в школах в качестве составной части программ общего образования) и традиционно высокой привлекательностью французского высшего образования для западноафриканских политических и интеллектуальных элит. Процесс воспроизводства элиты на основе классического французского образования позволяет Парижу играть роль “фабрики смыслов” и эффективно отстаивать ту особую роль, которую Франция до последнего времени играла в регионе.

Следует отметить, что методы по формированию и поддержанию системы Франсафрики в том числе опирались на различные полулегальные и нелегальные практики и включали в себя установление неформальных связей между Францией и такими одиозными политическими фигурами, как президент Буркина-Фасо Блез Компаоре и президент Габона Омар Бонго Ондимба, использование французских спецслужб для политического шантажа, организацию переворотов и поддержку Пятой республикой антиправительственных вооруженных формирований. По словам автора статьи «Франсафрик» и этика в международных отношениях Филиппова В. Р., «Система функционирует благодаря использованию самых разных методов. Сексуальные скандалы, которые используются как средство шантажа, уголовные преступления (трафик оружия, торговля наркотиками, отмывание денег), захват сырья и гуманитарной помощи. Когда возникает необходимость захвата природных богатств суверенных государств (нефтяных полей, тропических лесов, месторождений урана или иного стратегического сырья), в ход идут политические убийства, разжигание родоплеменных конфликтов, массовые убийства населения» [3].

Кризис Франсафрики: причины и ключевые события

Несмотря на достаточно прочное военно-политическое, экономическое и культурное укоренение Франции в Западной Африке, постепенный упадок влияния Пятой Республики начался уже к концу XX века. Этому способствовало несколько факторов:

- 1) Потеря власти рядом одиозных лидеров, которые в своей политике опирались на Францию.
- 2) Ослабление возможностей реагировать на кризисные ситуации из-за нарастания экономических проблем внутри страны, несовпадение возможностей и амбиций Елисейского дворца.
- 3) Концептуальное устаревание проекта Франсафрики, развитие издавна существовавших в западноафриканской среде антифранцузских нарративов.
- 4) Угроза региональной стабильности со стороны международного терроризма.

Фактор террористической угрозы оказался ключевым, поскольку долгие годы именно Пятая Республика была основным провайдером безопасности для государств Западной Африки и воспринималась местными элитами как гарант стабильности. В период с 2013 по 2022 гг. правительства Ф. Олланда и Э. Макрона проводили военные операции «Сервал» и «Бархан» по ликвидации джихадистов, но не преуспели несмотря на значительные военные силы и широкую номенклатуру целей.

Следует отметить, что явная неспособность французских вооружённых сил нанести поражения антиправительственным формированиям привела к сдвигу в общественном мнении населения стран зоны франка в частности и бывших французских африканских колоний вообще. Распространение получил тезис о намеренной поддержке Францией повстанческих группировок с целью дестабилизации политической обстановки в ряде государств Западной Африки.

Провал военной политики французского правительства обострил проблемы неравенства в экономических отношениях Пятой Республики и стран Франсафрики, актуализировал конфликт между профранцузскими и антифранцузскими элитными группами и привёл к цепочке военных переворотов. Так, в Мали в 2020 г. власть перешла к главе мятежных военных Ассими Гоите, в 2022 г. в Буркина-Фасо временным главой страны стал капитан Ибрагим Траоре, а в 2023 г. в Республике Нигер был смещён с поста президент Мухаммад Базум, который поддерживал с Францией тесные экономические связи.

Утрата Елисейским дворцом способности последовательно и прочно контролировать собственную зону влияния происходит на фоне общего ослабления позиций французского языка в Африке, что усложняет возможность и далее эксплуатировать этот ключевой для Франции инструмент мягкой силы. С июля 2023 г. французский язык лишился статуса официального языка в Мали, а в Северной Африке (в частности, в Алжире) ведётся активная дискуссия о пересмотре места французского языка в образовательной системе.

В противовес французскому культурно-идеологическому влиянию новое поколение западноафриканских лидеров выдвигает нарратив о разлагающемся воздействии системы Франсафрики на социально-политическое положение в регионе и необходимость отказа от неравноправных связей и экономического доминирования франка в пользу новой политики с опорой на собственные валюты и расширенное сотрудничество с Россией, Китаем и государствами «Глобального Юга». Наиболее ярким выразителем данного нарратива является руководитель Буркина-Фасо капитан Ибрагим Траоре, который возглавил страну в 2022 г. и проводит политический курс, направленный на ослабление влияния Франции как в Буркина-Фасо, так и во всей Западной Африке. В декабре 2022 г. была прекращена деятельность связанных с Францией радиостанций и телеканалов, дан старт процессу перехода ряда предприятий и золотых месторождений в собственность государства.

Идейный компонент политики Ибрагима Траоре основывается на наследии буркинийского политика Тома Санкары, свергнутого в результате инспирированного французскими спецслужбами переворота и выступав-

шего за увеличение самостоятельности Буркина-Фасо в вопросах экономики и определения внешнеполитических приоритетов. Как заявляет сам Ибрагим Траоре, «Франция в Сахеле как минимум занимается обеспечением сугубо собственных интересов... совершенно при этом, не занимаясь собственно безопасностью тех стран, где она присутствует. Отношение к Франции тем более негативное, что африканцы прекрасно понимают, что нынешний кризис (проблема существования в Западной Африке аффилированных с Аль-Каидой и ИГИЛ террористических группировок — прим. автора) — прямое последствие вмешательства всё той же Франции в события так называемой Арабской весны в 2011 году, вызвавшей падение ливийского лидера Муамара Каддафи и превратившей Ливию в рассадник экстремизма» [4].

Таким образом, в настоящее время кризис Франсафрики как системы взаимодействия Франции с Западной Африкой носит многоаспектный характер и не может определяться как совокупность не связанных друг с другом явлений, будь то перевороты в Мали, Буркина-Фасо и Нигере или прекращение операции «Бархан» — дисфункция применяемых Парижем методик по убеждению и контролю вызвана целым рядом политических и культурных трендов и в перспективе может привести к полной утрате Парижем своей особой роли покровителя и бенефициара западноафриканской политики, если Елисейский дворец не приступит к оптимизации [5].

Видение “нового старта”: позиционирование и реальность

Накопленные за годы осуществления неокOLONиальной политики противоречия и явная неготовность политических элит африканских стран и дальше поддерживать неофициальный режим опеки со стороны Пятой республики заставляют французское руководство прилагать усилия к поиску возможных путей перезагрузки двусторонних франко-африканских отношений и концептуального пересмотра французской внешнеполитической линии.

Конец системы Франсафрики объявлялся Франсуа Олландом, который президентствовал ей более сбалансированный подход; 2017 г. французский президент Эммануэль Макрон официально заявил о принципиальной смене внешнеполитической парадигмы и готовности к равноправному партнёрству. Французское государство также неоднократно приносило извинения за причинённый в период колониальной власти ущерб и в период первого срока Эммануэля Макрона предприняло ряд мероприятий по возвращению государствам Западной Африки культурных ценностей, полученных Францией в период колониализма.

Концептуальные основы новой политики на фоне стремительно ухудшающегося положения Франции в Западной Африке Эммануэль Макрон сфор-

мулировал на саммите Франция-Африка 2021 г. и пресс-конференции зимой 2022–2023 гг. В своих заявлениях французский президент говорит о смене мировоззрения политического руководства Пятой республики и переходе к восприятию государств Африки не как “заднего двора” Парижа, а в качестве равноправных партнёров. Из числа конкретных предложений стоит отменить готовность нарастить прямые инвестиции в экономики стран Западной Африки и сделать систему военного присутствия более гибкой и готовой отвечать на вызовы нового времени. Макрон призывает к диверсификации французского информационного присутствия в СМИ и СМК Западной Африки для формирования позитивного имиджа бывшей метрополии и развития инструментов публичной дипломатии. Вместе с признанием французскими политической элиты определенных проблем, связанных с неравноправной природой франко-африканского взаимодействия, резкое сокращение возможностей Пятой республики в регионе связывается с внешнеполитической активностью России, Турции и Китая, обвиняемых в проведении антифранцузской политики и поддержке вышедших из-под политико-экономической опеки Парижа акторов [6].

Тем не менее, заметное число экспертов отмечает несогласованность подобных формальных заявлений с реальными инициативами: поведение Э. Макрона во время визита в столицу Буркина-Фасо г. Уагадугу вызвало возмущение со стороны местных политических элит, а переговоры с руководством Джибути не привели к заключению каких-либо соглашений экономического характера.

Большинство определённых Макроном оптимизационных мероприятий носят абстрактный характер и воспринимаются африканскими элитами как обещания, реализация которых носит весьма условный характер. Как определил автор статьи “Франция и Африка: очередной новый старт?” Чихачев А. Ю., “... за последние десятилетия страны континента научились не слишком доверять даже самым благожелательным заявлениям французских президентов, поскольку обсуждения конца «Франсафрик» ведутся, строго говоря, даже не с начала правления Э. Макрона, но намного раньше, и каждый раз ни к каким реальным сдвигам они не приводили. Хроническое отсутствие конкретики за лозунгами о «новой эре» в отношениях приводит к недоверию и в конечном итоге к отрицанию любой французской политики как таковой” [7].

Декларативная приверженность Франции перезагрузке отношений и отказу от пережитков колониального мировоззрения контрастирует с подчеркнуто острой реакцией французского руководства на события 2023 г. в Нигере: после смены режима и прихода к власти антифранцузски настроенной военно-политической элитной группы Франция занимала подчёр-

кнута ястребиную позицию и на протяжении некоторого периода времени рассматривала вариант проведения вооружённой интервенции в Нигер под эгидой военного блока ЭКОВАС. Приходится констатировать, что в настоящее время французские элиты всё ещё сохраняют прежние установки и едва ли готовы к реальным сдвигам в франко-африканском взаимодействии.

Кризис Франсафрики и актуальные тенденции в западноафриканской политике

Наряду с проблемным вопросом нахождения новой формулы африканской политики Пятая республика сталкивается с вызовом со стороны становящегося всё более актуальным интеграционного процесса, происходящего между Мали, Нигером и Буркина-Фасо на фоне прихода к власти во всех трёх странах руководителей с ярко выраженным курсом на выстраивание тесных отражений сотрудничества с западными акторами и скептическим отношением к неспособному обеспечить безопасность Парижу и системе Франсафрики, который совпадает по времени с активизацией на африканском направлении России и КНР [8].

Начав с осуждения возможной интервенции в Нигер, 17 сентября 2023 г. лидеры Буркина-Фасо, Мали и Нигера подписали Хартию Липтако-Гурма, которая декларировала создание Альянса государств Сахеля — международного альянса, целью которого объявляется выстраивание в Западной Африке принципиально новой архитектуры безопасности взамен доказавшему свою неэффективность ЭКОВАС и прежней ориентации на военную помощь со стороны Франции и Европейского Союза [9].

Создание Альянса объясняется не только невозможностью далее полагаться на Париж, но и общностью проблем, с которой сталкиваются государства Западной Африки: внутривнутриполитической нестабильностью, высокой проницаемостью межгосударственных границ и растущей угрозой, которую представляют террористические группировки, использующие треугольник Липтако-Гурма (зона, расположенная в смежных районах Мали, Буркина-Фасо и Нигера) в качестве хаба для перемещения вооружений, боевиков и незаконного товарооборота.

Ключевой проблемой в контексте создания Альянса государств Сахеля называется отсутствие четко структурированной системы взаимодействия и общих институтов, однако в условиях тесного личного общения между тремя лидерами подобная гибкость может стать преимуществом, которое позволит Альянсу точнее формулировать конкретные шаги по развитию межгосударственных связей и более эффективно реагировать на различные вызовы. Стоит отметить, что сравнительно небольшое число стран-участниц Альянса может упростить выработку консенсусных решений

и сделать объединение более стабильным, чем занявший сторону Парижа ЭКОВАС. 28 января 2024 г. Буркина-Фасо, Нигер и Мали объявили о выходе из Экономического сообщества стран Западной Африки, что выносит на повестку дня вопрос о начале экономической интеграции между тремя странами и — в перспективе — отказе от франка КФА как денежной единицы.

Кризис Франсафрики и российская дипломатия в Африке

Создание Альянса государств Сахеля произошло практически одновременно с визитом в Западную Африку замминистра обороны РФ Юнус-Бека Евкурова, что делает актуальным вопрос о роли России в актуальных политико-интеграционных региональных процессах. Тренд на российско-африканское сотрудничество наметился в 2019 г. в ходе проведения первого саммита Россия-Африка и получил значительный импульс к развитию с проведением в 2023 г. второго саммита Россия-Африка в г. Санкт-Петербурге, который ознаменовался заключением пакета соглашений в сфере экономического, политического и культурного взаимодействия. Концепция внешней политики РФ от 2023 г. декларирует солидарность России с африканскими государствами в стремлении достичь более справедливого миропорядка, основанного на многополярности, и определяет намерение России способствовать становлению Африки как одного из центров мирового развития [10].

В контексте ослабления французского влияния наибольший интерес представляют действия России как перспективного провайдера безопасности, пришедшего на смену военному присутствию французов: так, помощь российских военных специалистов помогла FAMA (Вооруженные силы Мали) качественно нарастить боеспособность и летом-осенью 2023 г. перейти в наступление на позиции антиправительственных группировок, одним из эпизодов которого стало взятие стратегически важного города Кидаль, служившего опорной базой повстанцев.

С ростом вовлеченности России в сахельскую политику коррелирует активизация двусторонних контактов. В октябре 2023 г. замминистра обороны РФ Юнус-Бек Евкуров совершил очередное турне в Мали, Буркина-Фасо и Нигер, причем в последнем случае сообщалось о переговорах с участием министра обороны Салифу Модии [11]. На фоне вывода французских войск из Нигера растёт интерес Ниамея к поставкам продукции российского ВПК, что может привести к укреплению российско-африканского взаимодействия и в перспективе сделать Альянс государств Сахеля одним из основных импортеров российских вооружений в Африке наряду с Алжиром.

Следует отметить, что вкупе с усилением антифранцузских нарративов с 2020 укрепляется имидж России в Западной Африке в частности и на континенте в целом, чему не в последнюю очередь способствуют очевид-

ные успехи тандема малийских ВС и российских военных специалистов по обеспечению безопасности Мали, активная деятельность Россотрудничества и традиционно позитивная оценка роли СССР в деколонизации Черного континента. Россия воспринимается как актер, способный не только по крайней мере частично заполнить образовавшийся после сокращения в Сахеле французского военного присутствия вакуум, но и создать такой механизм взаимодействия, который позволит западноафриканским государствам решить застарелые проблемы и добиться устойчивого развития, не подпадая под не совпадающее с их интересами влияние извне.

Выводы

Приведенные выше соображения позволяют сделать ряд выводов о дальнейшем развитии ситуации в Западной Африке применительно к существованию системы Франсафрики и возможных перспектив по ее приведению в соответствие с актуальными реалиями африканской политики. Приходится констатировать, что амбициозность планов правительства президента Эммануэля Макрона по смене парадигмы и преобразованию Франсафрики в инструмент взаимовыгодного сотрудничества не совпадает с реальными возможностями Елисейского дворца, который не только не обладает достаточно ясным видением того, по какой схеме должны проходить изменения, но и во многом сохраняет приверженность старому мировоззрению, согласно которому отношения Франции с ее бывшими колониями изначально выставлялись как неравноправные и подкреплялись идеей о Западной Африке как о зоне “особых интересов” Парижа. На фоне дальнейшего ослабления политической воли Франции к активным действиям, способным подтвердить готовность бороться за сохранение Франсафрики (будь то интервенция в Нигер или инспирация очередной смены власти), запущенных процессов интеграции антифранцузского Альянса государств Сахеля и растущей активности России наиболее значимыми представляются следующие выводы:

- 1) Нарастание антифранцузских настроений среди элитных групп на фоне экономической неопределённости внутри ЭКОВАС;
- 2) Сохранение тренда на эрозию режима “особых связей” Франции с государствами Западной Африки;
- 3) Дальнейшее развитие тренда на создание и укрепление параллельных структурам Франсафрики интеграционных проектов;
- 4) Рост роли России как провайдера безопасности в регионе;
- 5) Сохранение за Францией возможностей по пересмотру своей африканской стратегии и удержанию позиций на континенте при концептуальном пересмотре своей политики и отказу от силового воздействия на региональных акторов Франсафрики.

Библиография

1. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: Горячая линия — Телеком; 2016.
2. Филиппов В. Р. Африканская политика Э. Макрона: «мягкая сила» или сила оружия? // Международные отношения. 2018. № 2. С. 110–122
3. Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 402–415
4. Мезяев А. Ибрагим Траоре: «Родина или смерть! Мы победим!»/11.08.2023// URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/08/11/ibragim-traore-rodina-ili-smert-my-pobedim.html> (дата обращения: 28.01.2024).
5. Рагуништейн А.Г., Рагуништейн О.В. Эволюция французского военного присутствия в Северной и Западной Африке в начале XXI вв. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66).
6. От «Франс-Африк» до «Амбисьон-Африк»: возможности для нейтральности/29.11.2023// URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-frans-afrik-do-ambison-afrik-vozmozhnosti-dlya-neytralnosti/> (дата обращения: 28.01.2024).
7. Франция и Африка: очередной новый старт?/20.03.2023// URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-i-afrika-ocherednoy-povuu-start> (дата обращения: 28.01.2024).
8. Филиппов В. Р. Париж vs. Пекин: противостояние на Африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 84–96
9. Страны Африки после встреч с Евкуровым решили создать военный альянс/16.09.2023//URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2023/6505e2939a794739e5bec528> (дата обращения: 09.11.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // 31.03.2023/ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 28.01.2024).
11. Россия укрепляет военные связи с Африкой/05.12.2023// URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/12/05/1009330-rossiya-ukreplyaet-voennie-svyazis-afrikoi> (дата обращения: 28.01.2024).

СЕКЦИЯ «ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИАЛИЗМА»

Гриненко Богдан Евгеньевич

Северо-Кавказский Федеральный Университет,
Гуманитарный институт,
Бакалавриат

50 ЛЕТ ОТНОШЕНИЯМ ВЬЕТНАМА И ФРАНЦИИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

50 YEARS OF RELATIONS BETWEEN VIETNAM AND FRANCE: INTERIM RESULTS AND PROSPECTS FOR ECONOMIC COOPERATION

Аннотация. В настоящей статье освещен и проанализирован опыт экономического сотрудничества Вьетнама и Франции с момента установления дипломатических отношений в 1973 г. вплоть до 2023 г. с целью выявления перспектив дальнейшего взаимодействия Вьетнама и Франции в области экономики. Для осуществления поставленной цели автор рассмотрел рыночные реформы во Вьетнаме 1980-х гг., последовавшее за ними углубление торговых связей с Францией, а также другие ключевые события в истории экономических отношений и важные двусторонние и многосторонние соглашения. Отталкиваясь от теории дуалистической экономики У. А. Льюси, автор анализирует развитие торговых отношений и роль инвестиций во вьетнамо-французских экономических отношениях и делает выводы о перспективах сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество; вьетнамо-французские отношения; стратегическое партнерство; Европейский союз; перспективы экономических отношений

Abstract. This article highlights and analyzes the experience of economic cooperation between Vietnam and France from the establishment of diplomatic relations in 1973 until 2023 in order to identify prospects for further interaction between Vietnam and France in the field of economics. To achieve this goal, the author examined market reforms in Vietnam in the 1980s. and the subsequent deepening of trade

ties with France, as well as other key events in the history of economic relations and important bilateral and multilateral agreements. Based on the theory of dualistic economics U. A. Lucy, the author analyzes the development of trade relations and the role of investment in Vietnamese-French economic relations and draws conclusions about the prospects for cooperation between the two countries.

Keywords: economic cooperation; Vietnamese-French relations; strategic partnership; European Union; prospects for economic relations

Введение

В 2023 г. Вьетнам и Франция отмечают сразу две ключевые даты в истории своих отношений: 50 лет с момента установления дипломатических отношений и 10 лет с момента подписания Договора о стратегическом партнёрстве. История отношений этих государств уходит в историю намного глубже момента установления дипломатических отношений в 1973 г., однако в этой статье будут подведены промежуточные итоги не всей многовековой истории отношений Вьетнама и Франции, но только периода сотрудничества и особенностей взаимодействия стран в области экономики с 1973 г. по 2023 г.

Данная тема является актуальной, так как на сегодняшний день Вьетнам и Франция прикладывают множество усилий на развитие и укрепление двухсторонних отношений, в первую очередь в области экономики.

Цель настоящего исследования заключается в освещении и анализе опыта экономического сотрудничества Вьетнама и Франции и оценке их перспектив.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) Выделение ключевых этапов в истории вьетнамо-французских экономических отношений;
- 2) Освещение и анализ современного состояния экономического сотрудничества между Вьетнамом и Франции;
- 3) Подведение итогов и выявление перспектив вьетнамо-французских экономических отношений.

В теоретическом плане данная работа опирается на либеральную парадигму международной политической экономии, в частности — на теорию дуалистической экономики У. А. Льюиса. Данная модель подразумевает, что повышение производительности труда и, следовательно, рост товарооборота с развитыми странами и инвестиций из них, происходит за счёт перетока рабочей силы из традиционных секторов в более технологически развитые. Появлению технологически развитых секторов способствует сотрудничество с развитыми странами и открытие им рынков [1, с. 111].

После начала Гражданской войны во Вьетнаме в 1954 г. Франция, будучи страной капиталистического блока, начала оказывать широкую финансовую и военно-техническую поддержку силам Южного Вьетнама, стремившихся объединить Вьетнам под либерально-демократическими знамёнами [2]. Война закончилась победой вьетнамских социалистов. 27 января 1973 г. были подписаны Парижские соглашения, в соответствии с которыми надлежало остановить военную поддержку Южного Вьетнама, а руководство Северного Вьетнама стало легальным правительством нового государства — Социалистической Республики Вьетнам [3].

До 1980-х гг. Вьетнам придерживался курса социально-экономической политики, который во многом напоминал периоды индустриализации и коллективизации в СССР 1930-х — 1940-х гг. Однако к середине 1980-х гг. вьетнамское руководство пришло к выводу, что стране необходимо отказаться от подражания советской модели и сформулировать собственный стратегический курс развития. В 1986 г. VI съезд коммунистической партии Вьетнама принял решение о начале проведения политики *Doi Moi* («Возрождение»), важной частью которой стали масштабные социально-экономические реформы. Основопологающим решением съезда стал отказ от процесса индустриализации и переход к выполнению трёх целевых программ: продовольственной, наращивания производства товаров народного потребления, развития экспортоориентированных отраслей и предприятий. Также был взят курс на активное привлечение иностранных инвестиций [4, с. 66].

В 1989 г. по инициативе бизнесменов из города Хошимин была открыта торгово-промышленная палата во Вьетнаме на базе глобальной сети промышленных палат *France International*. Ее главными целями во Вьетнаме стали стимулирование французского делового сообщества во Вьетнаме и обмен опытом с вьетнамскими предпринимателями, улучшение имиджа Франции во Вьетнаме, а также финансовая и иная поддержка в процессе закрепления фирм на вьетнамском рынке.

В 1993 г. произошло событие, коренным образом изменившее отношения Вьетнама и Франции — 10 февраля 1993 г. французский президент Франсуа Миттеран стал первым западным лидером, который посетил Вьетнам с 1975 г. В первый день своей рабочей поездки Миттеран подчеркнул важность движения Вьетнама в сторону экономической открытости, сопровождаемого расширением гражданских свобод, и заявил, что демократия и развитие не могут быть разделены. В 1993 г. Франция была третьим по величине иностранным инвестором Вьетнама после Тайваня и Гонконга, и в ходе своего визита Миттеран заявил, что объем инвестиций и финансовой помощи будет увеличен, если Ханой всерьез возьмется за решение вну-

тренних проблем в области защиты прав человека. Данное событие оказало значительное положительное влияние на отношения Вьетнама не только с Францией, но и с другими западными государствами [5].

Франция, утратившая своё колониальное господство в Индокитае, стремилась всеми возможными ненасильственными средствами вновь закрепиться в регионе. В реформах, принятых VI съездом, Франция увидела возможность для направления своих инвестиций в бывшую колонию с целью закрепления на её рынке. С тех пор Вьетнам и Франция прикладывают множество усилий для углубления экономического сотрудничества.

На официальном сайте посольства Франции во Вьетнаме есть раздел, посвященный францужско-вьетнамским экономическим и торговым отношениям, которые являются частью двустороннего стратегического партнерства. Французская сторона считает вьетнамскую экономику одной из самых динамичных и устойчивых в мире — в качестве подтверждения устойчивости приводится рост в диапазоне 2,9% в 2020 г., несмотря на начало пандемии COVID-19. Сегодня же Вьетнам продолжает активно развивать внешнюю торговлю, проводить эффективную денежно-кредитную политику, а население Вьетнама увеличивает объем внутреннего потребления. Французская сторона считает потребление новым двигателем экономики, который способствует появлению среднего класса, составляющего 13% населения. Согласно прогнозам Всемирного банка, к 2035 г. он вырастет до 50%.

Что касается французских инвестиций во Вьетнам, они представлены тремя категориями компаний. Первая категория включает компании, задействованные в реализации масштабных проектов, которые, хоть и являются многочисленными, но сталкиваются с высокой трудоемкостью и сложностями доступа на местном уровне. Вторая группа охватывает организации, работающие в сфере импорта азиатских товаров с последующей их переработкой или сборкой для реэкспорта в Европу. Такой подход является традиционным для стратегий интеграции в рынки стран Юго-Восточной Азии, однако во Вьетнаме он не получил широкого распространения. Третья категория включает предприятия, нацеленные на экспорт или стремящиеся импортировать товары из Франции. Французские зарубежные компании широко представлены в экономике Вьетнама — две трети находятся в Хошимине, оставшаяся часть в Ханое, и зачастую имеют индиректные связи с Францией. Внося вклад во все экономические отрасли, они создают приблизительно 20 000 рабочих мест и обеспечивают товарооборот на сумму 4–5 млрд. долларов США. Обращает на себя внимание успешная деятельность нескольких крупных EFE, однако малые и микропредприятия, особенно в сфере туризма и гостеприимства, стол-

кнулись с серьезными трудностями из-за текущего кризиса в сфере здравоохранения [6].

Для углубления экономического сотрудничества Вьетнам и Франция регулярно проводят встречи на высоком уровне. Количество этих встреч заметно возросло в 2023 г. — в честь сразу двух значимых юбилейных дат для истории отношений двух государств организовывались мероприятия, на которых подводились итоги и строились планы на будущее. Так, 20 октября 2023 г. состоялась встреча президента Франции Эммануэля Макрона и Генерального секретаря Социалистической партии Вьетнам Нгуена Фу Чунга. По итогам данной встречи стороны вновь подтвердили свою приверженность развитию многостороннего сотрудничества, в частности, в таких сферах, как цели устойчивого развития, экономика и безопасность. Макрон заострил внимание на том, что Франция поддерживает расширение экономического сотрудничества Вьетнама и ЕС, включая реализацию соглашения о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом, ратификацию соглашения о защите инвестиций между ЕС и Вьетнамом и сотрудничество в рыболовстве [7].

Соглашение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом было подписано 30 июня 2019 г. Главной его составляющей стало снижение таможенных пошлин между государствами на 99%. К тому же, 65% тарифов на экспорт из стран ЕС во Вьетнам были сняты, как только соглашение вступило в силу 1 августа 2020 г. Что касается вьетнамского экспорта, 71% пошлин был снят после вступления документа в силу [7]. Подписание данного соглашения позволило Вьетнаму и Франции выйти на новый уровень торговых отношений: Франция является крупнейшим из стран ЕС импортёром риса (на её долю приходится 35% импортируемого из Вьетнама риса). Статистика Вьетнамского торгового представительства во Франции показала, что каждый год импортируемые во Францию сельскохозяйственные пищевые продукты составляют 20% внутреннего потребления страны [8].

На вьетнамском рынке Франция также занимает значимое место: по объему инвестиционной деятельности на текущий момент Франция расположилась на третьем месте среди европейских стран, инвестирующих во Вьетнам. Вьетнам также занимает второе место среди государств, которые получают французскую финансовую поддержку в рамках реализации программы Развития за рубежом в Азии. Общий объем инвестиций Франции во Вьетнам с 1993 г. превысил 18,4 млрд. долларов США, а двусторонний товарооборот между странами с 2009 г. вырос с 1,6 млрд. долларов США до 5,3 млрд. долларов США. Вьетнам охотно импортирует из Франции фармацевтическую продукцию, древесину и изделия из древесины, а также химическую продукцию [9].

Таблица товаров, импортируемых Вьетнамом из Франции [10].

Импортируемый Вьетнамом товар	Стоимость (доллар США)
Фармацевтическая продукция	423,908,679
Древесина и изделия из нее	98,124,038
Химическая продукция	96,401,656
Эфирные масла и резиноиды; парфюмерные, косметические или туалетные средства	62,529,020
Корма для животных и кормовые материалы для животных	52,831,657
Молоко и молочные продукты	38,483,341
Пластмассы	26,176,768
Химикаты	24,227,304
Инсектициды, родентициды и материалы	18,646,142
Всего	1,636,835,327

Несмотря на то, что экономические связи Вьетнама и Франции стремительно развиваются и становятся с каждым годом всё прочнее, они регулярно сталкиваются с вызовами. Перед странами стоит целый ряд проблем экономического сотрудничества, которые стороны намерены планомерно решать.

Посол Франции во Вьетнаме Николя Уорнери в своей статье, посвящённой юбилею дипломатических отношений и договора о стратегическом партнёрстве, отметил, что двусторонняя торговля между Вьетнамом и Францией всё ещё довольно несбалансирована. К тому же, Франция поглощает лишь 1% от общего вьетнамского экспорта. Уорнери выразил надежду на восстановление баланса двусторонней торговли, тем более, что для этого есть предпосылки: торговые соглашения между ЕС и Вьетнамом демонстрируют свою эффективность, Вьетнам содействует интеграции французских компаний на свой рынок, сельскохозяйственная продукция и лекарственные средства крайне популярны во Вьетнаме. Посол также отметил такие важные сферы двустороннего экономического сотрудничества, как взаимная поддержка малого и среднего бизнеса, развитие гражданской инфраструктуры, транспорт, энергетику и космос. По его словам, ряд административных барьеров до сих пор не устранён, и некоторые совместные крупные вьетnamо-французские проекты в связи с этим не могут быть завершены (в частности, Уорнери упомянул транспортный проект линии метро № 3 Ханое, финансируемые преимущественно французскими компаниями). Однако посольство Франции во Вьетнаме работает с властями Вьетнама над «реализацией этого желания» [11].

Посол Вьетнама во Франции Динь Тоан Тханга также не обошел стороной столь значимую дату в отношениях двух государств и в интервью вьетнамскому изданию Nhan Dan отметил, что юбилеи дипломатических отношений и стратегического партнерства являются важными вехами во вьетнамо-французских отношениях и знаменуют их качественное развитие. Динь Тоан Тханга отметил, что вьетнамо-французские экономические отношения стремительно развиваются, но их результаты не отражают потенциал сотрудничества в полной мере. По мнению вьетнамского посла, необходимо уделять большее внимание возможностям Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Европейским союзом, которое является рычагом для продвижения двусторонних экспорта и импорта, что в значительной степени сочетается с позицией его французского коллеги. Представитель Вьетнама уверен, что нужно прилагать усилия для того, чтобы при экспорте на французский рынок преимущественные товары Вьетнама, такие как швейно-текстильные изделия, обувь, сельхозпродукция, водная продукция и др., пользовались возможностями соглашения. Также особое внимание было уделено инвестициям французских предприятий [12].

Выводы

Таким образом, с 1973 г. Вьетнам и Франция проделали большой путь в построении крепких и эффективных экономических связей. Не уделяя пристального внимания двустороннему сотрудничеству на начальном этапе отношений ввиду того, что Вьетнам и Франция оказались по разные стороны баррикад в условиях Холодной войны, после начала рыночных реформ во Вьетнаме в 1986 г. Франция стала направлять свои инвестиции в бывшую колонию и до сих пор французские инвестиции являются важной составляющей вьетнамской экономики. Страны не ограничиваются торговым сотрудничеством, хотя оно и представляет собой локомотив экономических отношений: Вьетнам и Франция имеют ряд соглашений в области экономического сотрудничества, в которых поднимается тема важности направления совместных усилий Вьетнама и Франции на реализацию совместных проектов в области логистики, космического сотрудничества и др.

Экономические перспективы и возможности для Франции во Вьетнаме широки: рост вьетнамского среднего класса, как было отмечено ранее, будет сопровождаться новым потребительским поведением. Также новые перспективы для Франции открывает быстрое старение населения Вьетнама: доля людей старше 65 лет удвоится менее чем за 20 лет (с 6,7% на текущий момент до 14,4% к 2035 г.), и данная тенденция приведет к новым потребностям в инфраструктуре, оборудовании здравоохранения и увеличении импорта французских медикаментов.

Не стоит забывать и об инфраструктурных потребностях Вьетнама, которые посольство Франции во Вьетнаме оценивает в \$20 млрд. к 2030 г. — это широкое поле для французских инвестиций. Чтобы весь потенциал экономического сотрудничества был грамотно реализован, стороны не только заключают соглашения и ведут статистические подсчеты, но и проводят регулярные встречи на самых высоких уровнях — на уровнях глав государств, профильных министерств, представителей бизнес среды и образовательной сферы.

Так Вьетнам и Франция охватывают максимальное количество сфер жизнедеятельности французского и вьетнамского обществ, выявляют и решают, какие направления больше всего нуждаются в развитии и какой вектор сотрудничества окажется самым взаимовыгодным. По мнению обеих сторон, экономические отношения развиваются динамично и эффективно, однако для реализации всего потенциала сотрудничества необходимо уделять внимание развитию уже устоявшихся областей взаимодействия и поиску новых сфер совместной деятельности, которая будет способствовать углублению и процветанию экономических отношений.

Библиография

1. *Ткаченко С. Л.* Международная политэкономия — Российская школа // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2015. № 4. С. 106–118.
2. Encyclopædia Britannica [Electronic resource]: Vietnam War (1954–1975). URL: <https://www.britannica.com/event/Vietnam-War> (accessed: 29.10.2023).
3. History [Electronic resource]: Paris Peace Accords signed. URL: <https://www.history.com/this-day-in-history/paris-peace-accords-signed> (accessed: 29.10.2023).
4. *Нгуен Ван Лок* Политика реформ во Вьетнаме: основные этапы, современные задачи // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2014. № 1. С. 64–76.
5. The New York Times [Electronic resource]: Mitterrand, in Vietnam, Links Aid to Democracy. URL: <https://www.nytimes.com/1993/02/10/world/miterrand-in-vietnam-links-aid-to-democracy.html> (accessed: 10.01.24).
6. Официальный сайт посольства Франции во Вьетнаме [Электронный ресурс]: Французская торгово-промышленная палата во Вьетнаме. URL: <https://vn.ambafrance.org/Les-relations-economiques-bilaterales> (дата обращения: 30.10.23).
7. Viet Nam News [Электронный ресурс]: Viet Nam, France to boost cooperation in defense and security, trade, energy, transition. URL: <https://vietnamnews.vn/politics-laws/1595500/viet-nam-france-to-boost-cooperation-in-defence-and-security-trade-energy-transition.html> (accessed: 30.10.23).
8. РИА Новости [Электронный ресурс]: ЕС и Вьетнам подписали соглашение о свободной торговле. URL: <https://ria.ru/20190630/1556063763.html#:~:text=Договор%20о%20свободной%20торговле%20между,остальные%20-%20за%207%20лет> (дата обращения: 30.10.23).

9. Vietnamplus [Электронный ресурс]: У Вьетнама есть возможности для увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции во Францию. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/u-vetnama-est-vozmozhnosti-dlya-uvelicheniya-eksporta-selskokozyaistvennoi-produktsii-vo-frantsiyu-32796.vnp> (дата обращения: 30.10.23).
10. Vietnam Briefing [Электронный ресурс]: France, Vietnam Ministers Meet to Discuss Growing US\$5.2 Billion in Two-way Trade. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/france-vietnam-trade-2023.html/> (accessed: 30.10.23).
11. Официальный сайт главного таможенного управления Вьетнама [Электронный ресурс]: Sơ bộ tình hình xuất nhập khẩu hàng hóa của Việt Nam trong nửa đầu tháng 10/2023 (từ ngày 01/10 đến ngày 15/10/2023). URL: <https://www.customs.gov.vn/index.jsp?pageId=2&aid=191307&cid=25> (дата обращения: 30.10.23).
12. Baodautu [Электронный ресурс]: Việt Nam và Pháp hợp tác để cùng nhau trở nên mạnh mẽ hơn. URL: <https://baodautu.vn/viet-nam-va-phap-hop-tac-de-cung-nhau-tro-nen-manh-me-hon-d182401.html> (accessed: 30.10.23).
13. *Nhan Dan* [Электронный ресурс]: Двустороннее сотрудничество между Вьетнамом и Францией развивается и углубляется. URL <https://ru.nhandan.vn/dvustoronnee-sotrudnichestvo-mezhdu-v-etnamom-i-frantsiei-razvivaetsja-i-uglubljaetsja-post41908.html> (accessed: 09.10.24).

Исянгулова Тансултан Шамилевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Факультет мировой политики,
Бакалавриат

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

THE INFLUENCE OF FRANCE ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE STATES OF WEST AND CENTRAL AFRICA

Аннотация. В настоящей статье рассматривается политика Франции по отношению к бывшим колониям в Западной и Центральной Африке. Для достижения поставленной цели автором были рассмотрены основные элементы влияния Пятой республики на экономическое развитие государств региона. Рассмотрев механизм влияния Франции на валютное регулирование стран, осуществив сравнение объема торговли государств региона с Францией и другими странами, автор делает вывод о том, в каких сферах Париж сохранил влияние в Западной и Центральной Африке.

Ключевые слова: франк КФА; зона франка; Франция; Западная Африка; Центральная Африка; Нигер; ЭКОВАС.

Abstract. This article examines France's policy towards its former colonies in West and Central Africa. To achieve this goal, the author considered the main elements of the influence of the Fifth Republic on the economic development of the states of the region. Having considered the mechanism of France's influence on the currency regulation of countries, comparing the volume of trade of the states of the region with France and other countries, the author concludes in which areas Paris has retained influence in West and Central Africa.

Keywords: CFA franc; franc zone; France; West Africa; Central Africa; Niger; ECOWAS.

Введение

Французская колониальная империя включала в себя территории Северной, Западной, Центральной Африки, Северной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии. Однако в настоящее время значительное влияние Франция сохранила лишь в Африке. Основа этого влияния лежит в сфере экономики, прежде всего в области финансов и валютного регулирования. В настоящей работе будут рассмотрены механизмы воздействия Франции на экономическое развитие стран Западной и Центральной Африки, к которым я буду

относить Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Гвинея-Бисау, Камерун, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Республику Конго, Сенегал, Того, Центральноафриканскую Республику, Чад и Экваториальную Гвинею.

Актуальность исследования обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, с началом конфликта на Украине в 2022 г. значимость Африки для российской внешней политики возросла. Россия рассматривает африканский континент в качестве союзника в противостоянии западным странам, оказывает поддержку странам Континента, прежде всего бывшим французским колониям, в продвижении антиколониальной повестки. Например, в Концепции внешней политики 2023 г. Африка расположена на 6 месте, обойдя регион Латинской Америки и Карибского бассейна, а также Европейский регион [1]. Для сравнения, в Концепции 2016 г. Африка занимала последнее место [2]. В последней редакции документа подчеркивается, что РФ будет содействовать обеспечению безопасности стран континента, в том числе продовольственной и энергетической безопасности, а также военно-технического сотрудничества [1]. Именно эти вопросы обсуждались на саммите Россия — Африка в июле 2023 г., в котором участвовали 54 страны.

Во-вторых, значимость африканского континента всё возрастает, ввиду наличия богатых залежей полезных ископаемых, вследствие чего обостряется соперничество ведущих держав по их освоению. Так, Китай сумел переориентировать на себя значительную часть долгов африканских стран, активно инвестирует в экономику государств [3]. Вместе с тем Китай является одним из основных торговых партнеров государств Африки. К примеру, за первые пять месяцев 2023 года общий объем импорта и экспорта Китая в Африку достиг 113,5 млрд. долларов США [4]. Более того, Поднебесная осуществляет ряд инфраструктурных проектов. Например, строительство ГЭС в ДРК, станция начала свою работу в 2018 году. Строительство железнодорожной сети в Чаде с 2012 года, которая финансируется китайской инженерно-строительной корпорацией, строительство дорог в республике Конго и другие [5,6,7]. Что касается военного присутствия, то США и Франция обладают наибольшим количеством военных баз в Африке [8]. Россия также не остается в стороне, свое влияние Москва распространяет через ЧВК Вагнер, которая помогает некоторым правительствам поддерживать порядок в стране (например, Мали, ЦАР), а также борется с исламистами.

В-третьих, после окончания активной фазы операции «Бархан», в рамках которой французские вооруженные формирования вступили в регион для борьбы с исламистами, наметилась тенденция к явному ослаблению французского влияния в регионе, запрос на вывод французских войск. Сейчас в регионах Западной и Центральной Африки происходят важные изменения. Мы наблюдаем увеличившееся количество государственных переворо-

тов в бывших колониях Франции — Мали, Нигере, Буркина-Фасо, где прибывшие к власти лидеры настроены ослабить влияние Франции в стране, тем самым поменять расстановку сил на континенте.

В 2022 году власти Мали потребовали вывести французские войска из страны [9]. Сейчас ЧВК Вагнер помогает стране в борьбе с террористическими группировками.

Похожая ситуация наблюдается в Буркина-Фасо. В 2022 году в Буркина-Фасо происходили протесты против бывшей метрополии. 30 сентября 2023 года произошел второй за год государственный переворот. После чего последовало нападение на посольство Франции, в котором, по мнению протестующих, укрывался свергнутый президент. Протестующие требовали разорвать военные отношения с Францией и установить тесное сотрудничество с Россией (ЧВК Вагнер). В январе 2023 года Министерство обороны Буркина-Фасо настояло на том, чтобы французские военные покинули страну [10].

Руководство, пришедшее к власти в Нигере в результате военного переворота в июле 2023 года, настаивало на выводе французских войск из страны, денонсировав военные соглашения с Францией [11]. Эмманюэль Макрон заявил, что Франция выведет свои войска из Нигера до конца 2023 года.

Таким образом, становится наглядным, что некоторые государства, традиционно входившие в сферу влияния Франции, не намерены оставаться в зависимом положении от бывшей метрополии. Для Пятой республики, которая имеет в Африке стратегические интересы, это огромный удар по имиджу, происходит трансформация образа с «покровителя» на «врага». Если подобные настроения возникнут в других странах, то можно говорить о дипломатическом поражении Франции. Однако в настоящий момент Париж пытается сохранить влияние, трансформируя методы своего воздействия на бывшие колонии.

Объектом исследования является отношения между Францией и ее бывшими колониями в Африке, предметом — французское влияние на экономическое развитие стран Западной и Центральной Африки.

Цель работы — выявить актуальные основные направления влияния Франции на экономику стран Западной и Центральной Африки. Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) Рассмотреть механизм влияния Франции на валютное регулирование стран Западной и Центральной Африки, а также иные механизмы влияния Франции на курс и ликвидность местной валюты.
- 2) Выделить причины успеха Парижа в сохранении торговых отношений со странами континента.

В ходе исследовательской работы были использованы методы сравнительного, системного, исторического анализа.

Тема влияния Франции на ее бывшие африканские колонии традиционно пользуется популярностью у французских ученых, таких как Ален Делаж, Ален Массьера в работе «Курс франка КФА: итоги и перспективы». В последнее время в научном сообществе данному вопросу уделяется все большее внимание. Среди недавних работ можно выделить работы Фанни Пижо и Ндонго Самбы Силлы «Невидимое оружие Французской Африки: история франка КФА» 2018 г., «Последняя колониальная валюта: история франка КФА» 2021 г. Данная тема также рассматривается отечественными учеными. Например, Н. П. Подгорнова «Политика Франции в странах северо-западной Африки», В. Р. Филиппов «Французский неоколониализм: эволюция «Франсафрик».

Основные инструменты влияния Франции на экономику стран Западной и Центральной Африки

Франция сумела сохранить существенное влияние в данных регионах, ввиду институционального присутствия в экономике государств. Одним из основных элементов влияния Франции в Африке является зона франка — валютный союз, включающий бывшие французские колонии, которые используют валюту франк КФА. Зона состоит из коморского франка (Коморские острова), центральноафриканского франка, который используется Экономическим сообществом стран Центральной Африки (ЭКОЦАС), и западноафриканского франка, который используется Западноафриканским экономическим и валютным союзом (ЗАЭВС). Центральноафриканский франк КФА используют Габон, Камерун, Республика Конго, Центральноафриканская Республика, Чад и Экваториальная Гвинея. Западноафриканский франк КФА — Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал и Того. Валюты имеют одинаковое название (франк КФА), одинаковое фиксированное соотношение к валюте Франции — евро, а также одинаковый механизм функционирования.

Зона франка была создана еще в колониальный период в 1939 году, на тот момент ее состав входили также колонии в Северной Африке, которые после обретения независимости ввели собственные национальные валюты. Однако государства Западной и Центральной Африки не вышли из зоны франка несмотря на то, что такие попытки предпринимались некоторыми государствами. Франция была намерена сохранять свое влияние в регионе, для чего пресекала попытки покинуть зону франка. Например, в 1962 году республика Мали вышла из зоны франка, из-за чего Франция оказала давление на соседние страны, которые были вынуждены ограничить торговлю с Мали, способствуя резкому обесцениванию новой валюты, вынуждая республику Мали вернуться в валютный союз [12].

Использование франка КФА государствами уже более семидесяти лет показывает, насколько данный финансовый инструмент является успешным в сохранении неокOLONиальных практик в Африке. Конкретно же современное влияние Франции на страны региона через зону франка базируется на следующих механизмах воздействия.

Во-первых, Франция может устанавливать внешнюю стоимость франка КФА — его обменный курс по отношению к евро (ранее франку). Пятая республика часто сильно завышала курс в соответствии со своими потребностями, не информируя страны валютного союза заранее. Так, в 1994 г. Франция девальвировала франк КФА на 50%, а затем снова в 1999 г., когда перешла на евро. В 1945 г. 1,7 французского франка равнялись 1 франку КФА, затем 2 французских франка равнялись 1 франку КФА, после 1994 г. 1 французский франк равнялся 100 франкам КФА, после образования зоны евро, 1 евро равнялся 655,957 франкам КФА [12].

Таким образом, участники валютного союза не имеют возможности устанавливать паритет, соответствующий их экономической ситуации, вместо этого курс франка во многом отражает потребности и состояние экономики Франции, а не состояние и потребности экономик стран региона, блокирует рост экспорта и возможности национальных правительств улучшать привлекательность своих экспортных товаров за счет изменений курса собственной валюты.

Во-вторых, в компетенции Франции до сих пор находится конвертация франка КФА, который за пределами зоны франка самостоятельно не конвертируется, что значительно сужает возможности независимой внешней торговли для участников зоны франка с иными государствами, кроме Франции и стран валютного союза.

В-третьих, государства зоны франка в силу нормативного предписания обязаны хранить часть своих валютных резервов во Франции. В начале 1970-х годов хранимая во Франции часть составляла 65% валютных резервов каждой страны, сейчас эта доля составляет 50%. При этом бывшая метрополия имеет право использовать эти средства в своих интересах, в том числе оплачивать ими свой импорт из стран зоны франка [13]. Помимо того, что Франция может использовать эти резервы на свои нужды, она также может оказывать политическое давление на страны региона, заморозив эти активы. Реализацию данного риска можно наблюдать на примере блокировки резервов Центрального Банка РФ в 2022 г.

В-четвертых, Франция обладает административным рычагом давления через «французских директоров», которые могут де-факто ветировать решения советов директоров центрального банка государств Западной Африки и банка государств Центральной Африки, в состав которых они входят, и тем самым определять кредитно-денежную политику государств региона.

Таким образом, сохранение франка КФА препятствует независимому развитию стран региона, и выгодно скорее Парижу, а не африканским экономикам. Поэтому страны, входящие в Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), (некоторые из которых принадлежат к зоне франка) объявили о создании коллективной расчетной единицы в рамках сообщества, которая будет называться ЭКО, что предполагает отказ от франка КФА. Однако реализация данного проекта несколько раз была отложена. Введение коллективной валюты сначала было запланировано на 2020 год, потом на 2027 г. Кроме того, Франция адаптируется к изменяющимся условиям, президент Франции Эмманюэль Макрон в 2019 г. предложил пересмотреть условия функционирования франка КФА. Его предложение включало переименование валюты в ЭКО, с целью не ассоциироваться с колониальным прошлым, прекращение обязательства хранить деньги во Франции [14], валютные резервы государств предлагалось хранить в центральных банках валютных сообществ. Более того, предлагалось также увольнение французских официальных лиц в африканских банках. Предложение Парижа не сможет остановить наметившуюся тенденцию по ослаблению влияния Франции и постепенному выходу государств из зоны франка. К тому же ни одно предложение Париж так и не реализовал.

Следующим элементом воздействия Франции на экономику стран региона является торговля. Поскольку большинство стран Африки являются экспортёрами ресурсов, Франция остается одним из основных рынков сбыта товаров африканских стран региона, а также одним из ключевых импортёров товаров в зону франка.

Проведя анализ экспорта и импорта стран зоны франка, я сделала вывод о том, что за период 2021–2022 гг. только у 5 из 14 стран Франция не вошла в десятку основных партнеров по экспорту (Бенин, Мали, республика Конго, Сенегал и Экваториальная Гвинея) [15–19]. Примечательно, что только у Нигера Франция заняла 1 место по экспорту [20]. Это обусловлено в первую очередь поставками урана.

Париж контролирует сырьевой сектор в регионе. Компания Orano (лидер атомной промышленности Франции) имеет в распоряжении урановые шахты в Нигере, ранее распорядилась крупнейшим в Габоне урановым рудником Мунана.

Что касается импорта, основными партнерами стран Западной и Центральной Африки являются Китай, Индия, ОАЭ. В подавляющем большинстве Франция занимает 2 место (у Камеруна, Нигера, республики Конго, Сенегала, Того) [21, 22] и 3 место (у Бенина, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара, Мали, Центральноафриканской республики и Чада) [23–26]. Только у 2 из 14

стран бывшая метрополия не оказалась основным партнером (Гвинея-Бисау и Экваториальная Гвинея) [27].

Сохранение положения торгового партнера обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, выгодной для французских экспортеров и импортеров финансовой и валютной политикой, проводимой через зону франка КФА, на которую влияют профранцузские силы в странах региона, «французские директора» центральных банков, и сама система функционирования франка КФА.

Во-вторых, тем, что экономики стран региона являются ресурсными экспортоориентированными на Францию экономиками. При этом значительная часть добывающих компаний, а также транспортных, сервисных и консалтинговых компаний, действующих в странах региона, является французскими или находится под французским корпоративным контролем (имеет французских бенефициаров).

Произошедшие недавно недружественные по отношению к Франции военные перевороты в ряде стран (Нигер, Мали, Буркина-Фасо) сделали положение французского бизнеса в регионе более шатким. В этой связи Франция приступила к диверсификации источников поступления стратегического сырья, прежде всего урана, с помощью государств Центральной Азии. Например, по результатам визита Э. Макрона в ноябре 2023 г. в Узбекистан было подписано соглашение о стратегическом партнерстве Oqano с Узбекистаном в сфере добычи урана. В Казахстане Oqano уже имеет совместные предприятия.

Однако несмотря на перечисленные государственные перевороты, Франция остается одним из основных партнеров Нигера, Мали, Буркина-Фасо, поэтому в случае продолжения попыток этих стран по отказу от тесных отношений с Францией, государства должны уменьшить экономическую зависимость от бывшей метрополии.

Выводы

Таким образом, Франция до сих пор оказывает существенное влияние на свои бывшие колонии в Западной и Центральной Африке во многом с помощью экономических инструментов воздействия — прежде всего через сохранение зоны франка, которая позволяет Парижу законно удерживать страны в экономической и финансовой зависимости и выкачивать необходимые природные ресурсы.

Из-за системы франка КФА Пятая республика имеет преимущества в регионе перед другими торговыми партнерами стран Западной и Центральной Африки.

Несмотря на то, что говорить об уходе Франции из Африки преждевременно, появилась явная тенденция к отдалению от бывшей метрополии в некоторых странах региона. Париж не намерен сдаваться, это видно по его борьбе с КНР и США за экспортные рынки стран региона, а также по тем усилиям, которые он прилагает для сохранения зоны франка. Кроме того, государства Западной и Центральной Африки не обладают достаточной экономической мощью для самостоятельного обретения независимости от бывшей метрополии.

Библиография

1. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> — 03.01.2024.
2. Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451-03.01.2024>.
3. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesny-kitaya-v-afrike/> — 03.01.2024.
4. Forum on China-Africa Cooperation. URL: http://www.focac.org/eng/zfzs_1/202306/t20230630_11105868.htm — 03.01.2024.
5. СИНХУА Новости RUSSIAN.NEWS.CN URL: <https://russian.news.cn/20230521/269379f3a7e04359bbb09510628d0087/c.html> — 03.01.2024.
6. Гемуева К. А. Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право № 5, 2018, с. 55–73. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-infrastrukturnye-proekty-v-stranah-afriki-yuzhnee-sahary-kreditnoe-finansirovanie> — 23.12.2023.
7. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/afrika-kitayskie-investitsii-v-afrike-praktika-fonda-razvitiya-kitay-afrika/> — 21.11.2023.
8. Колониализм: второе пришествие. // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kolonializm-vtoroe-prishestvie/> — 01.01.2024.
9. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13737077?ysclid=lkjxcibn333806881> — 21.12.2023.
10. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16864493?ysclid=lkjxs5nr7886502764> — 21.12.2023.
11. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231222/niger-1917374846.html> — 21.12.2023.
12. Pigeaud F. Africa's Last Colonial Currency The CFA Franc Story. London: Pluto Press, 2021. 171 p.
13. Pigeaud F. L'arme invisible de la Françafrique. Une histoire du franc CFA. Paris: La Découverte, col. « Cahiers libres », 2018. 227 p.
14. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-i-afrika-ocherednoy-novyy-start/> — 01.01.2024.
15. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Benin/TOTAL> — 06.01.2024.
16. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/mli> — 06.01.2024.
17. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Congo/TOTAL> — 01.01.2024.

18. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Senegal/TOTAL> — 06.01.2024.
19. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/gnq?yearlyTradeFlowSelector=flow1-01.01.2024>.
20. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Niger/TOTAL> — 06.01.2024.
21. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/cmr?yearlyTradeFlowSelector=flow1-06.01.2024>.
22. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Togo/TOTAL> — 06.01.2024.
23. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/bfa> — 06.01.2024.
24. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/CoteDIvoire/TOTAL> — 06.01.2024.
25. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/caf?yearlyTradeFlowSelector=flow1-06.01.2024>.
26. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://staging.oec.world/en/profile/country/tcd?yearlyTradeFlowSelector=flow1-06.01.2024>.
27. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/gnb?latestTrendsFlowSelectorNonSubnatLatestTrends=flow1&yearlyTradeFlowSelector=flow1-01.01.2024>.

СЕКЦИЯ «ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Евстигнеевс Никита

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

«КОЛОНИАЛЬНАЯ ТРАВМА» В СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК НА ПРИМЕРЕ ЛАТВИИ

«COLONIAL INJURY» IN THE MODERN NATIONAL IDENTITY OF THE POST-SOVIET REPUBLICS ON THE EXAMPLE OF LATVIA

Аннотация. В настоящей статье автором был проведен анализ восприятия и использования понятия “колониализма” в политическом дискурсе Латвии, а также определение места данного понятия в национальной идентичности страны. Оценка понятия происходит посредством выделения ключевых в понимании Латвии этапов развития колониализма на ее территории, определения значения и восприятия вкладываемого в понятие колониализма и анализа влияния украинского кризиса на развитие колониального дискурса на современном этапе. Изучив тему, автор приходит к выводу, что вопрос избавления от советского и российского наследия является ключевым для латвийской политической элиты. Турбулентность в отношениях между Россией и Латвией переводит вопрос о советском наследии в сферу безопасности.

Ключевые слова: колониализм, Латвия, национальная идентичность, русский язык, историческая память, русские Латвии.

Abstract. In this article, the author analyzed the perception and use of the concept of “colonialism” in the political discourse of Latvia, as well as determining the place of this concept in the national identity of the country. The concept is evaluated by highlighting the key stages of the development of colonialism in Latvia, determining the meaning and perception of the concept of colonialism and analyzing the impact of the Ukrainian crisis on the development of colonial discourse at the present stage. Having studied the topic, the author comes to the conclusion that the issue of get-

ting rid of the Soviet and Russian heritage is key for the Latvian political elite. The turbulence in relations between Russia and Latvia is shifting the issue of the Soviet legacy to the security sphere.

Keywords: colonialism, Latvia, national identity, Russian language, historical memory, Russians of Latvia.

Введение

Постсоветское пространство является одним из ключевых направлений во внешней политике России, но тем не менее несмотря на общее историческое прошлое с республиками бывшего СССР отношения складываются неоднозначно. Причина данного явления — это понимание своей идентичности в постсоветских странах, которая нередко отталкивается от ассоциации России с колониальной державой. Латвия на фоне всех стран, как Восточной Европы, так и постсоветского пространства отличается достаточно критическим и во многом негативным восприятием России. Современные отношения между Латвией и Россией находятся в кризисе, который является не столько следствием начала российской специальной военной операции на территории Украины, сколько наличием между двумя странами глубоких противоречий в разных сферах: статус русского языка, институт негражданства, статус граждан РФ и отношение к культурному наследию СССР, Российской империи. Значительная часть проблем латвийско-российских отношений исходят из разного понимания общей истории.

Целью исследования является определение места колониализма в национальной идентичности Латвии. Для того, чтобы достичь поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- 1) Выделить основные исторические этапы развития колониализма в понимании Латвии.
- 2) Определить восприятие “колониального наследия” на уровне политической элиты и общества.
- 3) Определить влияние украинского кризиса на развитие колониального дискурса в Латвии

В ходе работы использованы методы исследования, такие как, факторный анализ, исторический экскурс и изучение эволюции.

Вопрос о природе и восприятии латвийско-российских отношений достаточно часто поднимался в обеих странах. В российской научной среде присутствует достаточно большое количество исследований об исторической памяти Латвии и советском этапе развития страны. Одними из наиболее видных исследователей можно считать Ачкасова А. В., написавшего “Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств”, и Летнякова Д. Э. “Создавая нацию: политика идентичности в постсовет-

ских государствах”. Стоит также отметить отдельно российских исследователей, которые напрямую занимаются историей Прибалтики: Кирчанов М. В., Берендеев М. В., Блищенко В. И.. Для написания данной работы использовались труды латвийских авторов. В частности, работа Риекстиньша “Советская колониальная политика и колонизация Латвии: 1940–1990”. Научная новизна данной работы заключается в анализе места понятия колониализма в национальной идентичности Латвии после 2014 года. Исследование в основном основывается на публикациях из латышских источников: СМИ, стенограммы заседания Сейма. Научная новизна заключается в том, что автор рассматривает место советского и российского наследия в национальной идентичности Латвии через призму общества балтийской республики.

Особенности развития колониализма в понимании Латвии

“Колониальная травма” Латвии берет свое начало со времен Российской империи. Процесс присоединения территории Латвии к России проходил на протяжении всего XVIII века. Лифляндская и Курляндская губернии достаточно длительное время сохраняли особый статус, который подразумевал управление губерниями по местному законодательству, согласно которому всё управление производилось на немецком языке, а латышский язык на тот момент считался языком крестьян и не имел никакого статуса. В связи с этим, а также с тем фактом, что на XIX век пришлось активное формирование национальной интеллигенции, попытки центральных властей по интеграции русского языка как в систему образования, так и в сферу государственного управления были восприняты достаточно болезненно, так как русский язык пришел на смену немецкого, а латышский язык в очередной раз был отодвинут на задний план. Уже во времена первой Латвийской Республики (1918–1940), латвийские политические деятели критически относились к политике бывшей Российской империи. Например, латвийский государственный и политический деятель, премьер-министр Латвии, Маргерс Скуениекс (1886–1941) заявлял: “Наступила темная, всепоглощающая эпоха русификации. В 1884 году уездные школы превращаются в русские городские школы. Местные жители в еще большей степени были вытеснены из членства в управлении земельными ресурсами, а на его место пришел всеведущий русский чиновник ... И снова латышский народ был приговорен к смертной казни — было решено русифицировать его”.[1] Таким образом, уже во времена первой республики начали формироваться основные нарративы, относящиеся к “русскому колониализму” — восприятие русского языка как нечто чуждого и опасного, отношение к русским, проживающим на территории страны, как “колонистам”, а также мнение о том, что основной целью России является уничтожение национальной идентичности стран,

когда-либо входивших в ее состав. Впоследствии эти тезисы будут использованы для описания и советского этапа латвийской истории.

Важное место в формировании национальной идентичности Латвии занял Советский Союз. Латвия вошла в состав СССР в 1940 году после референдума, который на данный момент по мнению Риги является нелегитимным. Последующие действия советской власти на территории Латвии современная политическая элита воспринимает исключительно в негативном ключе, называя “оккупацией”. Понятие “оккупации” является краеугольным камнем в культурной и политической жизни страны. В Латвии присутствует музей “оккупации”, существуют памятные дни посвященные жертвам “геноцида” [2], проходят регулярные парады в честь дня памяти латышских легионеров, боровшихся с СССР. В учебниках по истории Латвии основной акцент делается на репрессиях, принудительной коллективизации, советизации, уничтожении культуры, образования и латышского языка [3]. Советский Союз по законодательству приравнен к нацистской Германии, вследствие чего за отрицание “советской оккупации” предусмотрено наказание от штрафа до тюремного заключения [4]. Более того, положение о противодействии и осуждении “оккупационных режимов” закреплено в преамбуле конституции страны. Данные факты, показывают, с одной стороны, достаточно высокую важность сохранения единой позиции касательно исторических вопросов внутри Латвии, с другой стороны является проявлением стремления создать национальную идентичность на основании исключительно одной национальности — латышей — и их исторических нарративов. Эволюция дискурса об “оккупации” заметна с увеличением турбулентности в отношениях между Латвией и Россией.

Можно сделать вывод, что восприятие Латвии себя как колонии черпает свои истоки еще со времен Российской империи. Также некоторые исторические деятели обращаются ко мнению деятелей первой республики, что показывает, что колониальный нарратив имеет достаточно глубокие корни. Более того, меры предпринятые со стороны государства для защиты тезиса об “оккупации” доказывают основополагающие значения данного явления для латвийской государственности в принципе.

Восприятие “колониального наследия”

В 1991 году после распада Советского Союза перед новообразованной Латвийской Республикой встала задача построения собственной идентичности. В качестве основной идеи была взята принадлежность Латвии к Западному миру, демократическим ценностям, и охрана своей собственной государственности и языка. Основными героями новой Латвии стали “младолатыши” — латышская интеллигенция, жившая в 19 веке и внесшая

весомый вклад в развитие латышского языка и культуры, а также политические деятели первой Латвийской Республики и борцы как с Советским Союзом, так и с Россией в целом. Особое место в создании национальной идентичности заняла латышская диаспора за границей, начавшая формироваться еще после волнений 1905 года. Она сильно расширилась за счет пособников нацистов и недовольных советской властью, эмигрировавших после окончания Второй мировой войны. Их потомки внесли весомый вклад в становление Латвии в период независимости с 1991 года по сегодняшний день, возглавив процессы евроинтеграции. Немаловажное влияние на построение идентичности новой республики сыграл Карлис Ульманис, который являлся диктатором, пришедшим к власти в 1934 году и создавшим парадигму “Латвия для латышей”. Основанная на таких идеях национальная идентичность отводила роль России в качестве источника угрозы, вследствие этого все элементы, связанные с ней: от русского языка до памятников культуры, неизбежно позиционировались как пережиток “оккупации”.

В политической риторике Латвии понятие “советская оккупация” и “колониализм” фактически не имеют отличий и представляют собой синонимы, относящиеся к одному и тому же явлению в истории страны. Термин колониализма является скорее собирательным образом удобным для существующего политического строя, помогающий оправдывать неудачные решения на всех уровнях, оправдывая свои действия борьбой с советским и российским наследием. Нередко латвийские политические деятели проводят между ними прямую связь. Так, бывший президент Латвии Эгилс Левитс заявил, что “если заглянуть глубже, мы обнаружим, что всё вокруг нас — и в нашем менталитете в том числе — всё еще остается много следов истории русского и советского колониализма. Часть более заметна, часть менее заметна, но большинство остается на подсознательном уровне” [5]. В качестве основных элементов наследия бывший президент выделяет именно наличие советских памятников, названия улиц, однако другие политические деятели идут дальше, и обозначают в качестве символов “оккупации” — русских, проживающих в Латвии, а также русский язык. Дистанцирование от советского наследия под предлогом борьбы с колониализмом и “оккупацией” является одной из ключевых целей политических деятелей с 1991 года. Тем не менее большая часть латвийской элиты, несмотря на активные попытки противостояния всему, что связывало Латвию с СССР, признают, что влияние последней оставило ощутимый след на всех уровнях жизни Латвии, став неотъемлемой частью идентичности страны.

Немаловажную роль в обосновании позиции политической элиты страны играют выходы из научной среды. Для укрепления государственной нарративов происходит создание научных трудов и учебников по исто-

рии, которые полностью соответствуют позиции властей Латвии. Например, историк Янис Риекстиньш в своей работе “Колониальная политика советской империи и колонизация Латвии 1940–1991” 2015 года выделяет два этапа колонизации: 1940–1941 и 1944–1990. Автор полагает, что “Латвия в составе СССР была не суверенная, равноправная республика, а просто колония метрополии”. Наибольший акцент Янис Риекстиньш делает именно на миграционном и языковом вопросе, что было свойственно еще латвийским политическим деятелям времен Первой Республики. Согласно его мнению “колониальная политика советской империи нанесла латышскому народу огромные потери. В результате широко распространенной миграции и колонизации в 1989 году латыши на их родной земле составляли уже не более 52 процентов. Отсюда и существование латышского народа уже в ближайшем будущем вполне реально была поставлена под угрозу.” [1]. Похожей позиции придерживается другой латвийский историк Гатис Круминьш, который, однако, больший акцент делает на “колониализме” в экономической сфере. В своем интервью латышскому portalу “Jauns.lv”, латвийский историк заявил, что “по сути, это была колониальная политика (советская политика): здесь много производили, эксплуатировали территорию и людей без цели приносить какую-либо пользу населению” [6].

Современная политическая система Латвийской Республики имеет достаточно мало общего с политическим устройством ЛССР. Создавая латвийское государство, политические деятели использовали принцип континуента [7]. Так, после распада СССР в Латвии возобновила свое действия конституция 1918 года, что показывает, что Рига считает себя фактической преемницей Латвийской Республики, существовавшей с 1918 по 1940 года. Данное явление определяет понимание России– правопреемницы СССР, как угрозы независимости республики. Тем не менее политики страны, не желая брать на себя ответственность за недостатки существующей политической системы в стране, обвиняют советское наследие во всех системных недостатках. Например, бывший премьер-министр Латвии Янис Кариньш, обсуждая проблемы коррупции в стране заявил: “коррупция — это чума, унаследованная от времен оккупации, и ее необходимо продолжать искоренять там, где мы ее находим” [8].

Колониальный нарратив имеет свое отражение и в социальной сфере. В частности, он прослеживается в отношении к русским Латвии. Наиболее заметное его проявление заключается в существовании института негражданства. На момент 2023 негражданами было 9,3% от всего населения [9]. Изначально преследовавшее цель уменьшить количество русского электората в республике, решение о введении данного института в последствии приобрело более символическое значение, которое подразумевало, что

люди, приехавшие на территорию Латвии во время СССР, являются чуждым для страны. Ситуацию усугубляет разное отношение русских и латышей к советскому этапу истории Латвии. В опросе 2015 года 85% русских выразили положительное отношение к советской эпохе. В 2017 году число русских, положительно оценивающих СССР, было 73% [10].

Данное исследование показывает, что несмотря на общий нарратив о “советской оккупации”, продвигаемый на всех уровнях общественной жизни, часть населения относится положительно к советскому этапу истории Латвии. Наличие позитивного мнения о СССР становится основанием для углубления межнациональной розни на всех уровнях жизни общества от политического до бытового. В информационном пространстве с подачи политической элиты укореняется позиция о том, что русские в Латвии являются пережитком «оккупации» и должны или ассимилироваться или покинуть страну.

Влияние СВО на развитие колониального дискурса в Латвии

Начало специальной военной операции России стало катализатором процессов, которые происходили в Латвии на протяжении 30 лет после распада СССР и поводом нарушить свои международные обязательства. Понятие “колониализма” получило новый виток своего развития, что можно проследить из риторики и решений, принимаемых политическими деятелями Латвии. Наиболее сильное влияние это оказало на культурное, информационное и политическое измерение жизни страны.

Заметные изменения в связи развитием украинского кризиса произошли в отношении культурного наследия СССР. После начала СВО в течении года, прекратив двустороннее соглашение между Россией и Латвией, было снесено более 124 памятников. Наибольший резонанс в информационном пространстве вызвал снос памятника Освободителям Риги 25 августа 2022 года, который сопровождался задержанием людей, высказывающих свой протест. На фоне этого участились случаи вандализма в отношении других монументов. Согласно статистике приведенным в докладе МИД РФ за весь 2021 г. Посольство России в Латвии было зафиксировано только четыре акта вандализма в отношении советских памятников на территории ЛР, то уже по состоянию на 1 июля 2023 года было осквернено 22 советских монумента и 5 братских воинских захоронений. Также неоднократно эти противоправные действия происходили с одобрения региональных самоуправлений. [11] Примечательно мнение, изложенное бывшим президентом Латвии Эгилсом Левитсом в контексте обоснования актуальности сноса памятников. По мнению бывшего президента массовый снос памятников в 2022 году был символическим актом, консолидирующим общество в общей борьбе с колониализмом.

Также, по его мнению, само наличие данных памятников, а также улиц, носящих название не только относящихся к советской эпохе, но и к Российской империи, является не чем иным как отражением “мировоззрения советского режима и царской России и особенно принадлежности Латвии к сфере влияния России/Советского Союза.” [5]. Его мнение полностью пересекается с позицией других политических деятелей. Вайра Вике-Фрейберга называла монумент — «позорным столбом времен барщины». Премьер-министр Латвии Кришьянс Кариньш, в свою очередь, заявил, что «благодаря сносу памятника Латвия окончательно освободилась от последствий оккупации, а также от чувства, что не является хозяйкой на своей земле» [11].

Достаточно заметный след начало СВО оставило и в информационном поле республики. До начала боевых действий на Украине в средствах массовой информации достаточно часто появлялись заголовки с критикой как СССР, так и России, однако с 2022 года значительно увеличилось количество упоминаний колониализма и всего того, что имеет непосредственную связь с ним. Это напрямую связано с попыткой осмыслить происходящее на Украине со стороны местной политической элиты и со стремлением создать у населения определенную точку зрения. Следствием данного переосмысления является вывод, что “это колониалистская война. Бывший колонизатор Россия пытается вернуть свою бывшую колонию Украину.” [12]. Латвийские СМИ обвиняют Россию в империализме, агрессии, великодержавном шовинизме и стремлении восстановить Советский Союз [13],[14]. На фоне увеличения программ с подобным мнением значительно увеличилось количество интервью с историками, которые придерживаются мнения о России и Советском Союзе, как о колониальных державах. Подобные интервью, как и прочие публикации в СМИ, направлены на создание одностороннего восприятия исторических событий и создание образа России как врага, что соответствует позиции ведущих политических элит изложенной в концепции национальной безопасности 2023 года.

В сентябре 2023 года на основе нарратива борьбы с колониализмом была принята концепция национальной безопасности Латвии. На фоне увеличения конфронтации руководство Латвии ожидает, что попытки дестабилизировать ситуацию в Прибалтике, с помощью имеющихся у России средств, будут продолжаться или даже усиливаться. Более того в концепции национальной безопасности 2023 года в качестве источников политического влияния России воспринимается крайне широкий спектр явлений: от русскоязычного населения Латвии, граждан России, русской культуры до языка и исторического наследия [15]. Во время обсуждения новой концепции национальной безопасности депутат Сейма Пунтулис от партии “Национальное объединение” заявил, что вопрос борьбы с “символами оккупации”

является вопросом безопасности [16]. Подобные высказывания зачастую лишь обостряют межэтническое противостояние и увеличивают разрыв между населением. 26 мая 2022 года депутат Сейма от Нацблока Иесалниекс на заседании парламента отметил, что «в Латвии есть два общества — латыши и оккупанты», и «пока оккупанты будут ходить по нашей земле и благословлять свои памятники, наши дети будут жить в ненависти» [11]. Тем самым вопрос о ликвидации советского наследия на всех уровнях становится вопросом выживания государства. Вследствие этого, на первый план выходит не просто борьба с российскими информационными ресурсами, как это было до начала СВО, а борьба с русским языком и русской культуры как таковыми.

Начало российской специальной военной операции в 2022 году стало поворотным моментом в развитии колониального дискурса. Произошла заметная интенсификация использования понятия колониализма и сопутствующих ему нарративов в информационной среде. Противостояние колониализму получило новое измерение, став проблемой в сфере безопасности, вследствие чего русские Латвии, русский язык и русская культура во всех ее проявлениях воспринимаются как агенты Москвы.

Выводы

В результате исследования автор приходит к выводу о том, что тезис «о советском- российском колониализме» является неотъемлемой частью латвийской национальной идентичности. Борьба с советским наследием и российской культурой стала краеугольным камнем в политическом дискурсе латвийской политической элиты, который используется для обоснования структурных проблем политической системы страны и для принятия открыто агрессивных мер в отношении русскоязычного населения страны и русского языка. «Колониальная травма» играет центральную роль в истории становления страны и закреплена в конституции и законодательстве страны, что ведет к увеличению напряженности как внутри общества, так и в двусторонних отношениях между Россией и Латвией.

Параллельно развивается укрепление самосознания себя как европейской страны и осознание важности защиты своего языка и суверенитета как основы латвийской идентичности. В условиях увеличения турбулентности в отношениях России и Латвии, Рига продолжит дискриминировать и искоренять русский язык, русскую культуру и способствовать уменьшению числа русскоговорящего населения у себя в стране. Данные действия воспринимаются не только как попытка уничтожить колониальное наследие СССР и России, но и как борьба с потенциальными инструментами влияния России от чего зависит существование страны.

Библиография

1. *Riekstiņš, J.* PADOMJU IMPĒRIJAS KOLONIĀLĀ POLITIKA UN LATVIJAS KOLONIZĀCIJA 1940–1990. — Рига: Tieslietu ministrija, 2015. — 199 с.
2. Latvijas okupācijas muzejs URL: <https://okupacijasmuzejs.lv/lv> (дата обращения: 27.11.2023).
3. *S. Goldmane, A. Kļaviņa, I. Misāne, L. Straube* Latvijas vēsture pamatskolai. 4. Mācību grāmata 9. klasei. — 2012., Rīga, Zvaigzne ABC — 152 с.
4. Krimināllikums, 74.1 pants. Genocīda, nozieguma pret cilvēci, nozieguma pret mieru un kara nozieguma attaisnošana. — Текст: электронный // Likumi.lv: [сайт]. — URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=88966> (дата обращения: 27.11.2023).
5. Egils Levits: Atbrīvoties no krievu un padomju koloniālisma ietekmes // Delfi URL: <https://www.delfi.lv/898102/versijas/55674958/egils-levits-atbrivoties-no-krievu-un-padomju-kolonialisma-ietekmes#sdfootnote3anc> (дата обращения: 27.11.2023).
6. Vēsturnieks Gatis Krūmiņš: “Zemapziņas līmenī padomju mantojums mums ir atstājis smagas sekas” // Jauns.lv URL: <https://jauns.lv/raksts/zinas/583337-vesturnieks-gatis-krumjins-zemapzinas-limeni-padomju-mantojums-mums-ir-atstajis-smagas-sekas> (дата обращения: 27.11.2023).
7. *Кирчанов Максим Валерьевич* КОНТИНУИТЕТ И ДИСКРЕТНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТЯХ СТРАН БАЛТИИ (МИФЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ vs МИФЫ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16).
8. Premjers Kariņš: Korupcija ir sērga, kas mantota no okupācijas laikiem // la.lv URL: <https://www.la.lv/premjers-karins-korupcija-ir-serga-kas-mantota-no-okupacijas-laikiem> (дата обращения: 27.11.2023).
9. Iedzīvotāju īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā, % — Valstiskā piederība un Laika periods // OSP DATUBĀZE URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START__POP__IR__IRE/IRE060/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 28.01.2024)
10. *Mieriņa Inta, Koroļeva Ilze, Volkovs Vladislavs* Mazākumtautību līdzdalība demokrātiskajos procesos Latvijā — Рига, 2015. — 162 с.
11. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1918361/ (дата обращения: 04.12.2023).
12. Krievija ir jāsakauj tieši tāpat kā nacistiskā Vācija 1945. gadā // Jauns.lv URL: <https://jauns.lv/raksts/arzemes/563733-krievu-politologs-krievija-ir-jasakauj-tiesi-tapat-kanacistiska-vacija-1945-gada> (дата обращения: 04.12.2023).
13. Kādu pasaules skatījumu krieviem piedāvā Kremlis? Krievijas imperiālisms un masīvā “smadzeņu skalošana” // jauns.lv URL: <https://jauns.lv/raksts/arzemes/572844-kadu-pasaules-skatijumu-krieviem-piedava-kremlis-krievijas-imperialisms-un-masiva-smadzenu-skalosana> (дата обращения: 27.11.2023).

14. Par lielkrievu šovinisma bistamību // Diena URL: <https://www.diena.lv/raksts/viedokli/dienaskomentars/par-lielkrievu-sovinisma-bistamibu-14277530> (дата обращения: 04.12.2023).
15. Par Nacionālās drošības koncepcijas apstiprināšanu // Likumi.lv URL: <https://likumi.lv/ta/id/345911-par-nacionalas-drosibas-koncepcijas-apstiprinasanu> (дата обращения: 04.12.2023).
16. Latvijas Republikas 14. Saeimas rudens sesijas septītā sēde 2023. gada 28. septembrī // Latvijas Republikas Saeima URL: https://www.saeima.lv/lv/transcripts/view/2491#section_13

Олисов Владимир Витальевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ БАЛТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА

THE HISTORY OF THE SOVIET BALTIC STATES FROM THE PERSPECTIVE OF POSTCOLONIAL THEORY

Аннотация. В данной статье представлен анализ политики СССР по отношению к Эстонии, Латвии и Литве в период их нахождения в составе Советского Союза для определения наличия или отсутствия у этой политики колониального характера. В первую очередь автор определяет, какую политику можно считать колониальной в соответствии с теоретическим аппаратом постколониальной парадигмы, а затем соотносит полученный образ колониальной политики с фактическими мероприятиями, проводившимися советской властью на территории балтийских республик. Это позволит сделать вывод о применимости и ли неприменимости образа «колонизатора» к Советскому Союзу в данном контексте.

Ключевые слова: колониализм, балтийские республики, СССР, социализм, советизация.

Abstract. This article presents an analysis of the USSR's policy towards Estonia, Latvia and Lithuania during their incorporation in the Soviet Union to determine the presence of a colonial character in this policy. Author determines which policy can be considered as "colonial" in accordance with the theoretical apparatus of the postcolonial paradigm, and then correlates the resulting image of colonial policy with the actual measures carried out by the Soviet government on the territory of the Baltic republics. This will allow us to draw a conclusion about the applicability or inapplicability of the image of the "colonizer" to the Soviet Union in this context.

Keywords: colonialism, Baltic republics, USSR, socialism, Sovietization.

Восприятие социалистического прошлого стран Восточной Европы в рамках постколониальной теории является ключевым сюжетом для ряда исследований, которые активно используют понятийно-методологический аппарат постколониальной парадигмы для описания исторических процессов в государствах социалистического лагеря. Дискуссии о советском «колониализме» неоднократно поднимались в западном научном сообществе. В частности, о «колониальной» сущности политики СССР рассуждали

Дж. Виллер [1], А. Беннигсен, В. Келетрас [4]. В историографии на постсоветском пространстве постколониальные нарративы затрагиваются в произведениях В. В. Цибенко [4] и А. Т. Забировой [5], признающих применимость теории к некоторым регионам России.

Тем не менее, в настоящий момент вопрос применимости постколониализма к советскому историческому опыту все ещё остаётся дискуссионным. В. Калетрас однозначно определяет советскую политику как колониальную: «... Россия и/или Советский Союз были колониальными империями, Россия была колонизатором, равно как и Советский Союз». [3] Такой подход в наглядно репрезентует наиболее популярный в западной историографии подход по восприятию СССР. Похожие мысли относительно колониальной сущности Советского Союза высказывает Д. Мур. Исследователь также вводит понятие субъективного восприятия своего положения «колонизированными» народами. [6].

Российская историография, напротив, занимает более консервативную позицию в контексте своего отношения к так называемому «советскому колониализму». Например, отвечая на вопрос о возможности использования постколониального дискурса на «(пост)советском» пространстве, Д. Летняков [7] заключает, что он может использоваться лишь при условии значительных ограничений и оговорок.

Таким образом, можно с уверенностью заявить о существовании противоречий по вопросу признания Советского Союза колониальной империей. Особый интерес в данном контексте может представлять вопрос о применимости постколониальной теории к странам Балтии. Эстония, Латвия и Литва, исходя из общих положений западных исследований, могут быть представлены в качестве объектов советской колонизации. Такую точку зрения выражают, в частности, В. Калетрас [3] или К. Рачевскис [8]. Более основательное исследование проблемы применимости к странам Балтии постколониальной теории проводит в своей статье «The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics» профессор Таллиннского университета Э. Аннус [9].

В свою очередь, российская историография практически полностью лишена подробных исследований советского «колониализма» в странах Балтии, что может приводить к заимствованиям устоявшихся положений их западной научной литературы. Таким образом, необходимость проведения исследования характера советской политики в Балтийском регионе с точки зрения постколониальной теории обуславливает актуальность данной научной работы. Определившись с подходом, в рамках которого нужно рассматривать советский период истории стран Балтии, мы можем сделать более точные выводы о некоторых аспектах общественной жизни в этих государствах, о самоощущении балтийских народов и об отношении к прошлому, настоящему и будущему взаимодействию с Россией.

Цель данного исследования можно будет сформулировать следующим образом: определить возможность применения постколониальной теории для политики Советского Союза по отношению к трём странам Балтийского региона: Эстонии, Латвии и Литве.

Для достижения цели нужно решить следующие исследовательские задачи:

- 1) Проанализировать политику СССР по отношению к балтийским республикам в разных областях общественной жизни
- 2) Соотнести ключевые аспекты этой политики с концепцией колониализма, сформированной в рамках постколониальной теории
- 3) Сформулировать выводы о возможности или невозможности применения к Советскому Союзу образа «колонизатора» из постколониальной теории

Методологической основой данной исследовательской работы составили политологические и исторические методы. Среди политологических методов необходимо отметить кейс-стади, использованный для определения степени схожести социалистической системы и концепции колониализма на примере советских балтийских республик.

Методы исторического исследования используются в данной работе для изучения характера и сущности политики Советского Союза в странах Балтии в период с 1940 по 1991 гг. для формирования общего представления о региональной политике социалистического государства.

Проблема терминологии

Несомненно, критически важной задачей для проведения данного исследования будет поиск ответа на вопрос: «Какую политику можно назвать колониальной и/или империалистической?». Постколониальные исследования лишены унифицированного определения для колониализма или империализма, из-за чего значение этих терминов различается от автора к автору. Кроме того, определение тех или иных отношений в качестве «колониальных» может становиться предметом политического дискурса и зависеть не столько от объективных критериев, сколько от текущих политических нарративов. Тем не менее, в данной работе колониализм будет рассматриваться только с точки зрения постколониальных исследований.

Для Э. Саида империализм является «практикой, теорией и позицией доминирующего метропольного центра по отношению к удалённой территории», в то время, как колониализм представляет собой продолжение империализма, выраженное в «насаждении поселений на этой территории». Исследователь также рассматривает империализм как обычную реализацию имперской политики, выраженной в «формальных и неформальных отно-

шениях, при которых одно государство контролирует политический суверенитет другого политического сообщества.» Это достигается посредством использования «силы, политической коллаборации, экономики, социальной или культурной зависимости». Колониализм и империализм у Саида также сопровождаются идеологическими «формациями», ретранслирующими мнение о заинтересованности покорённых народов в «господстве» метрополии [10]. По большому счёту, такое определение является настолько широким, что при желании его можно имплементировать по отношению к любой форме государственной власти, политический суверенитет которой распространяется также и на какое-либо национальное меньшинство.

Ещё один вариант определения можно найти в трудах А. Лумбы. Отталкиваясь от значения слова «колония» из Оксфордского словаря английского языка, рассматривающее колонию в качестве поселения в новой стране, которое создаёт сообщество, связанное или подчинённое своему исходному государству, исследователь акцентирует своё внимание на травмирующем характере колониальных отношений, на проблеме «столкновения между народами, завоевании и господстве». Таким образом, в этом смысле Лумба выводит собственное широкое определение колониализма — это завоевание и удержание земель и товаров, принадлежащих другим народам. [11].

Стремясь сузить определение, Лумба прибегает к использованию марксистской риторики, разделяя докапиталистический и современный колониализмы. В такой интерпретации ключевой особенностью современного колониализма стала реструктуризация экономики подчинённых стран, которая вовлекала их в сложные отношения со своей собственностью и формировала поток человеческих и природных ресурсов, работающий в обоих направлениях. [11].

В контексте данного исследования нельзя также обойти стороной культурную составляющую колониализма. В этом случае речь идёт о гегемонистском насаждении собственной культуры, о противопоставлении «цивилизованных» колонизаторов и «неполноценных» колонизируемых. Целью колониального дискурса, по мнению Х. Бабы, является представление колонизируемых в качестве «дегенеративных типов с точки зрения их расового происхождения, необходимое для оправдания завоевания и установления системы управления и обучения» [12]. Традиционным в данном контексте можно назвать именно систему взаимоотношений «Запад-Восток», в которой западной культуре отводится роль универсальной, что позволяет легитимизировать свои ценности и принципы и навязать их другим народам [13].

Таким образом, на основе взглядов различных постколониальных исследователей относительно определения понятия «колониализм», мы можем попытаться вывести единые критерии, позволяющие определить, является ли кака-

я-либо политика колониальной по своему характеру. Автор данной работы считает, что наиболее конкретной и точной будут следующие критерии:

- 1) **Экономический.** Колониальной считается та политика, которая интегрирует колонизированную территорию и местное население в неравноправную систему, использующую местные экономические ресурсы с целью извлечения максимальной прибыли в пользу метрополии, что приводит к диспропорциональному развитию экономики колонизированной территории.
- 2) **Политический.** Для того, чтобы считаться колониальной, политика государства-метрополии должна контролировать суверенитет другого политического сообщества посредством широкого спектра инструментов политического управления.
- 3) **Культурный.** Наконец, культурный критерий должен подразумевать обязательную ретрансляцию на колонизированной территории идеи о доминировании собственной культуры государства-метрополии над культурой колонизированного народа, сопровождающуюся её подавлением и притеснением.

В основной части работы политика Советского Союза по отношению к присоединённым странам Балтии: Эстонии, Латвии и Литве, будет анализироваться именно на основе данных критериев.

Экономическая политика СССР в балтийских республиках

Вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза в августе 1940 г. сразу же потребовало масштабных структурных преобразований экономики присоединённых территорий. Основные мероприятия по интеграции балтийских республик в советскую экономику включали в себя национализацию, переход на советский рубль и решение аграрного вопроса. Примечательно, что все вышеупомянутые мероприятия привели к существенному падению уровня жизни простых граждан в краткосрочной перспективе, что обуславливало негативное отношение значительной части прибалтийского общества к переменам. Процесс перехода на советский рубль в качестве валюты стал причиной значительного роста цен на основные потребительские товары, причиной чего стало произвольное определение обменного курса союзным руководством. Национализация включала в себя передачу государству торговых предприятий, пароходных обществ и крупных землевладений, равно как и национальных банков в Эстонии, Латвии и Литве. Наконец, земельная реформа способствовала перераспределению земли в пользу беднейшего крестьянства. [14].

Переход к полноценной коллективизации произошёл в Прибалтике уже после Великой Отечественной войны. Тем не менее, интенсивность переход

к колхозной собственности была низкой и неудовлетворительной для союзного центра и сопровождалась повышением налогообложения и репрессиями по отношению к крестьянскому населению. Утверждается, что процесс коллективизации был завершён к 1953 г., однако полноценное встраивание в систему советского сельского хозяйства так и не прошло до конца [15]. По большому счёту, главной целью коллективизации было обеспечение контроля союзного центра над сельскохозяйственной продукцией, что помогло бы решить проблему нехватки продовольствия в других регионах СССР. Нельзя сказать, что это в полной мере отвечало интересам местного населения и способствовало росту его благосостояния.

Гораздо более дискуссионным вопросом является сущность советской индустриализации в Прибалтике. Для развития местного промышленного производства союзный центр готов был выделить значительные средства. Например, по «Закону о пятилетнем плане 1946–1950 гг.» три балтийские республики получили суммарно более 9 млрд. рублей. Особый акцент был сделан на развитии тяжёлой промышленности и машиностроения [16]. Советский Союз активно способствовал развитию транспортной, энергетической и промышленной инфраструктуры, делая балтийские республики одними из самых развитых регионов в составе СССР. С подачи Москвы в Прибалтике также шла активная разработка природных ресурсов, например, эстонского сланца [17].

Вопрос о вкладе союзного центра в развитие местных экономик так или иначе требует сравнения с политикой по отношению к другим республикам Советского Союза. В данном контексте будет вполне справедливо утверждать о том, что Прибалтика находилась в особом положении, о чём говорят более высокие, чем в среднем по стране, уровни заработной платы и объёмы розничной торговли, а также значительные инвестиции в местное высокотехнологичное производство [18].

В частности, данные о сальдо межреспубликанского товарообмена в мировых ценах демонстрируют, что к 1988 г. Эстонская, Латвийская и Литовская ССР получали от союзной экономики товаров в большем объёме, чем предоставляли: их показатели соответствуют значениям –1,06, –0,99 и –3,33 млрд. рублей, то есть являются отрицательными. Для РСФСР данный показатель составляет +23,88 млрд. [19].

Кроме того, к 1986 г. средний уровень месячной зарплаты рабочих и служащих по стране достигал 195,6 р. (в РСФСР — 207), в то время, как для Эстонской, Латвийской и Литовской ССР этот уровень составлял 221, 201 и 194 р. соответственно. Гораздо более наглядным в данном контексте можно назвать уровень оплаты труда колхозников — здесь показатели достигают соответственно 283, 228 и 197 р. в месяц при среднем уровне оплаты труда колхозников по стране 163 р. (в РСФСР — 180) [20].

Активное стимулирование развития человеческого капитала также привело к превышению многих показателей в Прибалтийских республиках по сравнению со средними в стране. В частности, средняя продолжительность жизни в них к 1986 г. была длиннее средней по Советскому Союзу, а уровень детской смертности ниже. Средние показатели уровня образованности населения также выросли за годы пребывания республик в составе СССР. Если в 1939 г. на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше в Эстонии, Латвии и Литве приходилось 161, 176 и 81 человек с высшим и средним образованием соответственно, то к 1986 г. эти показатели выросли до 701, 716 и 653 [20]. Таким образом, можно отметить значительный прирост качества человеческого капитала, произошедший в годы советской власти.

Тем не менее, одним из факторов роста экономического потенциала и качества трудовых ресурсов может стать масштабная внутрисоюзная миграция, результатом которой стала русификация балтийских республик. В частности, к 1989 году в Эстонской ССР русские составляли 30,3% населения, эстонцы — 61,5%; в Латвии — 26,6% русских и 26,6% латышей [21], в Литве 9,4% русских и 79,9% литовцев [22]. Такое значительное по своим масштабам замещение местного населения способствовало развитию национальных движений за независимость, поскольку балтийские народы видели в русских угрозу своей национальной идентичности [23].

Экономическая политика Советского Союза в Прибалтике была двойственной по своему характеру. Не смотря на масштабное развитие местного экономического потенциала, сложно спрогнозировать, каких успехов могли бы добиться эти республики при сохранении своей независимости. Тем не менее, отталкиваясь от положений экономического критерия в контексте данной работы, нельзя однозначно отнести экономическую политику СССР в Прибалтике к колониальной, поскольку не был определён её неравноправный и диспропорциональный характер по сравнению с политикой в метрополии.

Государственная политика СССР по отношению к балтийским республикам

Процесс присоединения Прибалтики к Советскому Союзу сложно охарактеризовать как демократический. Не смотря на авторитарный характер власти в каждой из трёх суверенных стран Балтии на момент 1940 г., эта власть так или иначе была суверенной. Тем не менее, народы молодых национальных государств были фактически лишены права принимать решение о своём вступлении в СССР. Заключённые осенью 1939 г. договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой стали прологом к дальнейшему вводу ограниченного контингента советских войск на территорию Прибалтики. Летом 1940 г., обладая возможностью использования этих войск в случае непови-

новения, СССР в ультимативной форме потребовал смещения собственных правительств в балтийских республиках, а затем, посредством проведённого с грубыми нарушениями голосования, формально привёл к власти просоветские силы. В июле 1940 г. избранные парламенты объявили о провозглашении советских республик и приняли Декларации о вхождении в состав СССР. С установлением в стране коммунистических порядков под контролем оказались многие сферы общественной жизни, благодаря чему стране в кратчайшие сроки была установлена советская власть сталинского образца. [14].

В настоящий момент нет возможности однозначно определить, насколько широкой поддержкой пользовалась советская власть на территории балтийских республик. Однако можно с уверенностью говорить о существовании масштабного повстанческого движения на территории Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, в том числе т.н. «лесных братьев», оказывающих вооружённое сопротивление советской власти. Союзному центру пришлось выделять значительные человеческие и материальные ресурсы для стабилизации ситуации в регионе, а также прибегнуть к уже-стоящему механизму репрессий [14].

Стоит отметить, что в странах Балтии действительно было определённое количество граждан, так или иначе, поддерживающих присоединение к Советскому Союзу, однако социальные группы, на которые могло опереться советское правительство, составляли явное меньшинство. К ним относятся беднейший пролетариат, русское национальное меньшинство и левая интеллигенция [24].

Москва активно использовала «руссификацию» в качестве инструмента контроля за республиками Балтии в первые годы советской власти в регионе и после войны, стремясь денационализировать местную политическую элиту. Тем не менее, после смерти Сталина начался обратный процесс, в значительной степени усиливший политический вес балтийских народов. В частности, исследователь Э. Левитс даже называет политику местных властей в период хрущёвской Оттепели «национал-коммунизмом», поскольку элиты стремились так или иначе отстаивать интересы своих республик в вопросах взаимоотношения с союзным центром [25]. В дальнейшем эта тенденция повлияла на характер движений за независимость в Балтии, поскольку процесс реформирования и суверенизации балтийских республик проходил в том числе при участии выходцев из местных коммунистических партий.

Таким образом, Советский Союз действительно обладала определёнными инструментами контроля над суверенитетом прибалтийских политических сообществ, зачастую имплементируя свои идеологические принципы против воли местного населения. По данному критерию можно сделать вывод, что советская политика в республиках Балтии по своему характеру походила на колониальную.

Культурная политика СССР в балтийских республиках

Как уже было сказано выше, за присоединением Прибалтики к Советскому Союзу немедленно последовало ужесточение контроля за многими сферами общественной жизни, в том числе и за культурой. Союзный центр активно распространял идеи марксизма-ленинизма на территории балтийских республик, причём политическая работа с населением включала в себя большое число различных мероприятий, формирующих у населения идеологически «правильные» взгляды [14].

Одной из главных проблем в контексте культурной политики стал вопрос языка. Изначально введённый принцип двуязычия стал причиной множества конфликтов между русскоязычным населением и представителями титульных наций, воспринимавших языки в качестве символа собственной идентичности. Тем не менее, республиканские власти занимали твёрдую позицию относительно вопроса защиты статусов собственных языков [14].

С хронологической точки зрения языковую политику СССР на территории Прибалтики можно условно поделить на два периода: 1) период интенсивной русификации, сопровождающийся некоторым ограничением использования национальных языков в публичном пространстве (например, многие произведения на национальных языках изымались из библиотек или не допускались к печати) и характерный для сталинского правления; 2) «культурное возрождение», начавшееся в эпоху Хрущёва и представляющее собой возвращение активного использования балтийских национальных языков в произведениях культуры или науки. [26]

В более поздний период прибалтийские языки свободно использовались в общественной жизни, образовательных учреждениях, в государственных органах и на предприятиях. Многие и литературные и научные произведения писались и издавались на национальных языках. Однако параллельно с этим в республиках шло интенсивное распространение русского языка. [26]

Основной проблемой с точки зрения языковой политики стало уменьшение удельного числа тех, кто изучает языки балтийских народов. Так, в 1950–60-е годы в Прибалтике постепенно росло число детей, изучающих в школе русский язык, вместо национального [27]. Необходимо отметить, что подобную политику культурной русификации стоит считать скорее побочным продуктом трудовой миграции русского населения, чем целенаправленной политикой культурного замещения.

Таким образом, культурный критерий также не позволяет сделать однозначных выводов о колониальном характере власти Советского Союза в Прибалтике. В свою очередь, традиционная для пост-колониальной теории модель колонизации «Запад-Восток», в которой западное государство

колонизирует неразвитую территорию мировой периферии, также не может быть применена в данном контексте, поскольку вне зависимости от идентификации СССР в качестве части Запада или Востока, прибалтийский сценарий подразумевает превращение в объект колонизации именно западных государств, что противоречит модели.

Заключение

Таким образом, автор приходит к выводу, что Советский Союз нельзя однозначно определить в качестве «колонизатора» по отношению к республикам Балтии, поскольку мероприятия, направленные на интеграцию территорий Эстонии, Латвии и Литвы в общую систему социалистического государства, являются специфическими по своему характеру и не в полной мере соотносятся с общими принципами колониализма, описанными в постколониальной теории. Следует заключить, что взаимоотношения Москвы и балтийских республик были гораздо более сложными и комплексными, чем взаимоотношения колонии и метрополии, поэтому постколониальная теория сильно ограничивает пространство для изучения характера советской политики и не в полной мере раскрывает их сущность.

Библиография

1. *Wheeler G.* Colonialism and the USSR // *The Political Quarterly*. — 1958. — № 29. — p. 215–223.
2. *Bennigsen A.* Colonization and Decolonization in the Soviet Union // *Journal of Contemporary History*. — 1969. — № 4. — p. 141–151.
3. *Keletras V.* Baltic Postcolonialism and its Critics // *Baltic Postcolonialism*. — Amsterdam: Rodopi, 2006. — p. 1–11.
4. *Цибенко (Иванова) В. В.* Концепции постколониализма и посториентализма в применении к кавказской проблематике // *Метаморфоз vs Трансформация Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: Материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 06 декабря 2013 года, Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 74–86.*
5. *Забирова А. Т.* Эвристические возможности и ограничения постколониальной парадигмы в исследовании Евразии [Электронный ресурс] // Евразийский университет имени Л. Н. Гумилева. URL: <http://www.enu.kz/repository/repository2013/VOZMOZHNOSTY-IAGRANICHENIE.pdf> (дата обращения 27.09.2023)
6. *Moore D.* Is the Post-in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *PMLA*. — 2001. — № 116. — p. 111–128.
7. *Летняков Д. Э.* Постколониальная теория для постсоветского пространства: возможные ограничения // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2020. — № 64. — С. 110–118.
8. *Račevskis K.* Toward a Postcolonial Perspective on the Baltic States // *Baltic Postcolonialism*. — Amsterdam: Rodopi, 2006. — p. 165–187.

9. *Annus E.* The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics // *Journal of Baltic Studies.* — 2012. — № 43. — p. 21–45.
10. *Said E.* Culture and Imperialism. — New York: Vintage Books, 1994. — 380 p.
11. *Loomba A.* Colonialism/Postcolonialism: The New Critical Idiom. — Routledge, 2005. — 280 p.
12. *Bhabha H.* The Location of Culture. — New York: Routledge, 1994. — 285 p.
13. *Said E.* Orientalism. — New York: Routledge & Kegan Paul Press, 1979. — 369 p.
14. *Кантор Ю. З.* Прибалтика. 1939–1945 гг. Война и память / Юлия Кантор. — М.: Политическая энциклопедия, 2020. — 359 с.
15. *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953 / Е. Ю. Зубкова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 351 с.
16. *Ермаков, А. А.* Роль СССР в экономическом развитии Прибалтики в первое послевоенное десятилетие / А. А. Ермаков // *Инновации. Наука. Образование.* — 2021. — № 35. — С. 2687–2694
17. *Hidden, J., Salmon, P.* The Baltic Nations and Europe: Estonia, Latvia and Lithuania in the Twentieth Century. — Routledge, 1995. — 240 p.
18. *Maciuika B. V.* The role of the Baltic Republics in the economy of the USSR // *Journal of Baltic Studies.* — 1972. — № 3. — p. 18–25.
19. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); М.; 2006–592 с.
20. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник // Государственный комитет СССР по Статистике // «Финансы и статистика». М. 1987
21. *Манаков А. Г., Чученкова О. А.* Изменение национального состава населения Эстонии и Латвии в советский период // *Вестник Псковского государственного университета.* — 2017. — № 10. — С. 44–60.
22. *Шибалева, Е. И.* Исчезающая Прибалтика: демографическая ситуация в Латвии, Литве и Эстонии // *Постсоветский материк.* — 2019. — № 24. — С. 41–54.
23. *Никифоров И. В., Полещук В. В.* Демография русского населения Эстонии в XX веке / Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука. — 2013, — 407 с.
24. *Худолей К. К.* Советизация балтийских государств летом 1940 года и ее последствия // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* — 2013. — № 1. — С. 94–110.
25. *Levits E.* National elites and their political function within the soviet system: The Latvian elite, *Journal of Baltic Studies*, 1987, 18:2, 176–190
26. *Kreindler I. T.* Baltic area languages in the Soviet Union: A sociolinguistic perspective, *Journal of Baltic Studies*, 1988, 19:2, 5–20.
27. *Мякишев А. П.* Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции // *Известия Саратовского университета.* — 2015. — № 3. — С. 40–48

Харламова Екатерина Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

ОЦЕНКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

EVALUATIONS OF THE SOCIALIST PERIOD OF POLISH HISTORY IN THE DISCOURSE OF POLITICAL PARTIES IN MODERN POLAND

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка анализа позиций современных политических партий Польши по вопросам переосмысления социалистического периода. В рамках исследования автором рассмотрены предвыборные программы политических партий, программные документы правительства и выступления представителей разных политических сил. Изучив материалы с отсылками к временам коммунизма, автор делает вывод о том, что нарратив Польской Народной Республики остается важным в контексте формирования курса внутренней и внешней политики, актуализируется по-разному каждой из политических сил и активно используется в продвижении идей каждой из партий.

Ключевые слова: постсоциалистическое переосмысление, постсоциалистическая политика Польши, Польская Народная Республика, Право и Справедливость, Гражданская Коалиция.

Abstract. This article aims to analyze the positions of modern political parties in Poland on the issues of rethinking the socialist period. As part of the study, the author examined the election programs of political parties, government policy documents and speeches by representatives of various political forces. Having studied the materials with references to the times of communism, the author concludes that the narrative of the Polish People's Republic remains important in the context of shaping the course of domestic and foreign policy, is actualized differently by each of the political forces and is actively used in promoting the ideas of each of the parties.

Keywords: post-socialist reinterpretation, post-socialist politics of Poland, Polish People's Republic, Law and Justice, Civic Coalition.

Для современной политики постсоциалистических стран Восточной Европы характерны тенденции по переосмыслению времен Организации Варшавского договора. Страны, которые с распадом СССР стали самосто-

ательно выстраивать внешнюю политику преимущественно сделали ставку на атлантический курс и тесное сотрудничество с НАТО. Так, времена социализма подверглись радикальной критике, и каждая из стран трактует тогдашнее положение дел в таком свете, в каком это поможет решить задачи, стоящие перед правительством сегодня.

Присутствие на территории Польши объединённых сил Варшавского договора, тесное сотрудничество с Советским Союзом и зависимость от него в принятии внешнеполитических решений польские политические силы в большинстве случаев отождествляют с империализмом. «Империалистическая политика РФ», как правопреемницы СССР и сегодня отмечается как главная угроза в определяющих политику документах и законах (Стратегия внешней политики Польши; Стратегия национальной безопасности [1]). Обусловлено это непростым прошлым и сложной системой постоянно сменяющих друг друга кризисов в российско-польских отношениях. Среди них история трёх разделов Польши, введение войск Красной армии, расстрел польских офицеров и интеллигенции в Катыни, Смоленская катастрофа. Особые отношения с Россией выстраиваются сегодня и из-за актуализации и популяризации концепции двойной оккупации и отождествления политики СССР с политикой нацистской Германии. Времена ПНР польским правительством сегодня чаще всего трактуются в контексте периода зависимости, отсталости, застоя и по-прежнему используются отдельными политиками как в рамках предвыборных кампаний, так и при выстраивании общего внешнеполитического курса. Польскими исследователями все чаще подчеркивается непрерывность противостояния «свободной Польши империалистической политике Советской России». Так, авторы связывают Познаньские протесты 1956 г. (после публикации разоблачительного доклада Хрущева о репрессиях), демонстрации рабочих с зарождающимися антикоммунистическими настроениями. Популяризация протеста и отказа следованию социалистическому курсу свойственна и академической среде, и политическим кругам современной Польши [2]. Польско-советские отношения и само существование ПНР расценивается как «неравноправное сотрудничество», а геополитические уступки (потеря Львова и Вильнюса) связываются с вмешательством СССР в политику послевоенной Польши [2]. Доктор политических наук, профессор Люблинского Университета Й. Санецка-Тычинска в своем исследовании анализирует процессы переосмысления ПНР с актуальной политикой партии «ПиС». Автором подчеркивается создание партией и Я. Качинским образа ПНР как тоталитарного государства. Параллельно с этим идеализируется движение «Солидарность», популяризируется идея о необходимости дискредитации и отстранения от участия в политической жизни бывших властей ПНР [3].

Среди польских исследователей нет консолидированной, общепринятой оценки времен социализма в рамках изучения курса сегодняшней политической элиты. Историк, политолог и исследователь Польши времен социализма А. Дудек (автор книг «История польской политики 1989–2023 гг., «ПНР без макияжа») акцентирует внимание на том, что времена ПНР рассматриваются в польском дискурсе недостаточно, ученые чаще выбирают глубоко исторические темы, в то время как 90-е и времена коммунизма тесно связаны с современностью, политикой Гражданской Платформы и «ПиС». На вопрос о существовании польской идентичности исследователь ответил, что идентичность строится вокруг повстанческого движения и идеализации Польши как проекта мирового масштаба, разрушенного абсолютистскими режимами Пруссии и России. При этом времена ПНР, а более глобально — времена Холодной войны, представляются для историков и политологов закрытыми, очерченными и от этого более понятными и привлекательными для описания и исследования [4]. В анализе современной политики Польши А. Дудек сравнивает стиль правления «ПиС» с временами ПНР, а роль Я. Качинского и его функционал в партии во многом ассоциируется с номенклатурой ЦК. Партийное окружение в этом случае приравнивается к временам социализма, поскольку Я. Качинский самостоятельно может участвовать в процессах отбора партийных деятелей и от его решения зависят многие принятые правительством инициативы [5]. В отечественной историографии переосмысление времен социализма в Польше редко отождествляется с проводимым правительством курсом внутренней и внешней политики, однако именно отсылки к прошлому и трактовка исторических событий разными политическими силами составляют сегодня значительную часть польского политического дискурса.

Правые партии Польши и репрезентация социалистического периода

Определение угрозы становится отправной точкой для политических сил Польши в выстраивании внутривнутриполитического и внешнеполитического курса. Взгляд через ретроспективу на свое прошлое позволяет сегодняшним политическим элитам Польши (особенного правого уклона) актуализировать эту повестку и продвигать выбранный внешнеполитический курс. Правящая на протяжении восьми лет правая партия «Право и Справедливость» еще в предвыборной стратегии 2014 г. обозначила ряд принципиально важных направлений для работы правительства. В начальном разделе «Наши ценности» программа подчеркивает, что на протяжении всего времени немецкой и советской оккупации польский народ боролся за свои идеалы и ценности. Упомянуто в тексте, что даже во времена ПНР польское

общество смогло сохранить свою идентичность, веру, традиции [6]. В выборах 2015 г. «ПиС» участвовала как оппозиционная партия, соответственно, в программе содержится критика прежнего правительства и предложены альтернативы в случае победы на выборах. Среди этой критики также есть пункт, предполагающий отсутствие полноценной проработки коммунистического прошлого: «Коммунизм во всех своих фазах связан с социальной патологией и преступностью». В документе положение дел, при котором прежняя номенклатура времен ПНР так или иначе сохраняла свою власть и не была должным образом «наказана» (методами люстрации и декоммунизации) охарактеризовано как посткоммунизм [6].

С приходом правой партии к власти правительство приступило к реализации предвыборной программы, был взят курс на проработку прошлого и выстраивание собственного курса исторической политики. Политика памяти и Институт национальной памяти в Польше, таким образом, становятся важнейшими инструментами для формирования определённого образа прошлого, который способен объяснить действия сегодняшнего руководства страны. В 2016 г. Институтом национальной памяти опубликован объемный список обвинений и материалов для уголовного преследования, выдвинутых по отношению к должностным лицам коммунистического режима, проводившим «репрессивную политику против польского народа во времена Военного положения» [7]. В июне 2023 г. вступила в силу поправка к закону о государственной службе, согласно которой «лицам, которые в период с 22 июля 1944 г. по 31 июля 1990 г. работали или служили в органах государственной безопасности или были сотрудниками этих органов запрещается работать на государственной службе» [7]. Люстрационные списки должны быть составлены и переданы в Институт национальной памяти (комиссии расследования преступлений против польского народа). После этого с офицерами и сотрудниками органов безопасности Польской Народной Республики необходимо прекратить трудовые отношения в течение 15 дней [8].

Для «Права и Справедливости» характерны особенно яркие отсылки к временам социализма. Лидеры «ПиС» формулируют эту повестку для создания образа врага, окружения и возможности сплочения населения. Левые силы государства и наиболее влиятельная оппозиционная партия «Гражданская Платформа» представляются в правых медиа и речах политиков как «немецкая сила, не способная на работу в интересах польского народа» [9]. Наиболее четко в позиции партии прослеживается обозначение двух главных геополитических угроз: Германии и России. И поскольку Россия предстает в образе государства, посягающего на суверенитет Польши, опыт разделов и польского социализма служит наглядным примером последствий любого сближения с Москвой.

А. Дуда в выступлении по случаю годовщины оформления деятельности Комитета Защиты Работников охарактеризовал его как «институциональный конец ПНР». В выступлении институт отождествляется с единением польского народа против коммунистических репрессий и политики властей того периода: «Сегодня молодое поколение имеет возможность выражать свое мнение, устраивать демонстрации, ведь сегодня мы живем в свободной стране... Кто-то может сказать, что времена ПНР только малый период в истории Польши, но в этот период многие люди лишились жизни, поляки были бедняками в сравнении с остальной Европой и это нужно было прекратить» [10]. Бывший премьер-министр М. Моравецкий уже после выборов 2023 г. и запрета на вещание канала TVP (как акта приватизации «ПиС» телевидения) сравнил это решение с «монополией, которая была во времена ПНР» [11]. Политик в публичных выступлениях часто делает отсылки к социалистическому периоду истории Польши, связывая его с отсутствием свободы, репрессиями и важностью памяти о тех событиях для выстраивания сегодняшней политики страны. Так, в речи по случаю годовщины забастовок гданьских рабочих, он напомнил присутствующим о том, что деяния коммунистического режима остаются безнаказанными, и современному поколению поляков стоит помнить об этом, о силе и воле польского народа. Подавление же этих протестов премьер назвал «настоящей резней невинного населения» [12].

Вице-президент «ПиС» и бывший глава министерства обороны А. Мацеревиц охарактеризовал высказывания Д. Туска о 1989 г. как «желание продолжить в Польше времена ПНР». В интервью радио «Единца» политик описывает повышенное внимание Д. Туска к событиям круглого стола и выборам главой государства В. Ярузельского как «попытку нанести большой вред польскому обществу». Скандал между «ПиС» и «ГП» в данном случае разгорелся вокруг комиссии по оценке российского влияния на польскую политику в период с 2007 по 2022 гг. (создание комиссии инициировано «ПиС»). Мацеревиц обусловил необходимость ее работы важностью рассекречивания материалов, ведь только так можно добиться правды [13]. Оппозиция же расценила инициативу как попытку ограничения демократии и изоляции «неудобных» кандидатов от политики. Важно отметить, что Д. Туск на протяжении многих лет обвиняется со стороны консерваторов в подверженности российскому влиянию и даже в причастности к авиакатастрофе под Смоленском [14]. Ассоциациям со временами социализма подвергся и закон нового правительства января 2024 г. об ограничении вещания канала «TVP», что Я. Качинский сравнил с «работой СМИ во времена коммунизма» [15].

Среди представителей ультраправой силы, партии «Конфедерации свободы и независимости», оценка времен ПНР и социализма чаще всего

сопряжена с критикой современной политической обстановки, а именно действующего правительства и отношений Польши с ЕС. Лидер Конфедерации К. Босак в интервью приравнивает «полузависимое» положение Польши в ЕС к временам коммунизма, когда страна не могла выстраивать собственную внешнюю и внутреннюю политику, а любые попытки ее проведения сопровождалась возможностью наказания [16].

Времена Польской Народной республики в объективе Гражданской Коалиции

Польские политические силы используют описание времён ПНР в отождествлении с запретами, тоталитаризмом, контролем. Так, представители партии «Гражданская Платформа» регулярно приравнивают стиль правления партии «Право и Справедливость» к временам ПНР.

Левые силы в ходе предвыборной кампании активно ассоциировали Я. Качинского и стиль правления партии «ПиС» с политикой времён ПНР. Критикуется этатизм, большая роль государства в экономике, приближенность единомышленников и «своих людей» к правящей элите, большая роль одного человека в принятии политических решений (Я. Качинского). Кабинет Качинского на страницах либеральных газет ассоциируется с кабинетами первых секретарей ПНР [17]. Таким образом, играя на негативных воспоминаниях граждан и отрицательного образа ПНР оппозиционные силы консолидируют общественное мнение против консервативной партии. На этом же основании левые политические силы приравнивают главные информационные каналы «ПиС» (особенно *Telewizja Polska*) к каналам информации времен ПНР, поскольку транслируемая изданием повестка очень ограничена [18]. «ТVP» в комментарии Д. Туска предстает тем самым оплотом «отсутствия плюрализма», главная задача которого — поиск врага вовне и запугивание общества.

Одним из аспектов противостояния между «ПиС» и Гражданской коалицией неизменно остается вопрос влияния государства на банковскую сферу. Одно из старейших новостных изданий «Речь Посполита» в оценке банковской реформы сравнило действия правительства по покупке Национальным банком Польши государственных облигаций с «возвращением во времена ПНР» [19]. Для польских СМИ свойственна ассоциация пережитков прошлого, большой роли государства в экономике, регулирования рынка, отсутствия свобод со временами социализма. Так, упоминание ПНР гарантированно вызовет «правильные» ассоциации и будет понятно для массового читателя.

В преддверии парламентских выборов 2023 г. объединенная оппозиция особенно ярко использовала образы ПНР для противопоставления своей

«прогрессивной» кампании геронтократии, скрепам и застою времен пребывания консерваторов у власти. Перед выборами, к годовщине восстания движения Солидарности в Гданьске выступил лидер Гражданской коалиции Д. Туск. Речь наполнена историческими отсылками, и большинство из них, естественно, относятся к временам ПНР. Лидер «Гражданской Платформы» описывает те времена как времена отсутствия любого плюрализма, диктатуры и тотальной несвободы. Таким же, по мнению Д. Туска, является период правления консервативной партии: «Власть «ПиС» также как власть времен ПНР презирает людей и принимает их за идиотов» [18].

Лидер партии «Польша 2050» Ш. Головня также в ходе предвыборной борьбы упомянул важность перемен для польского общества: «Сегодня мы как когда-то поколение Солидарности должны бороться с ментальной и фактической ПНР, мы пришли сюда, чтобы это изменить и навсегда покончить с этой эпохой». Оппоненты «ПиС» приравнивают стиль правления консерваторов к стилю партийной социалистической системы. Так, Ш. Головня на съезде партии «Третий путь» высказал свое мнение о действующей тогда власти: «Я. Качинский задолжал нам также, как когда-то задолжал Э. Герек, он возвращает нас на пятьдесят лет назад. С наступлением нашего правления закончится эпоха ПНР. Нам пора выйти из этой машины времени» [20].

Исходя из позиций конфронтационных политических сил Польши можно сделать вывод о том, что несмотря на расхождение практически во всех вопросах, которые касаются современной польской политики, все активно апеллируют к временам ПНР. Нарратив социализма по-прежнему актуален как для политиков, большинство из которых участвовали в противодействии влиянию СССР и поддерживали движение «Солидарность», так и для большей части польского электората. Очевидно, что в абсолютном большинстве сравнений социализм, коммунизм и ПНР сопровождается отрицательной коннотацией. Для «Права и Справедливости» актуализация времен ПНР прежде всего важна как напоминание о главной угрозе, исходящей с Востока. Это помогает партии продвигать и интересы Института национальной памяти, и свою внешнеполитическую повестку. Гражданская коалиция же вопросам истории уделяет гораздо меньше внимания, и поскольку главной задачей предстает победа над «устаревшими» взглядами консерваторов и продвижение общеевропейской политики, в их программе именно «ПиС» становится олицетворением пережитков прошлого и социалистического строя.

Образ ПНР приравнивается к тотальной несвободе, экономическому застою, периоду ослабленного, зависимого государства. Именно в противовес такой стране выстраивается образ сегодняшней Польши: одного из лидеров экономического роста в ЕС, демократической, независимой страны.

Представления о демократии и будущем для каждой партии видится по-своему, но именно свежие в умах людей воспоминания о социализме и ПНР становятся той самой отправной точкой в продвижении собственной повестки и дискредитации политических оппонентов.

Библиография:

1. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej, 2020. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/nowa-strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp-,1752> (дата обращения 10.01.24).
2. 1. Skobelski R. Problem suwerenności Polski w okresie przemian Polskiego Października i kampanii przed wyborami do Sejmu PRL w 1957 roku UR JOURNAL OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES NR 2(11)/2019 s. 127–143.
3. 2. Sanecka-Tyczyńska J. Polska Rzeczypospolita Ludowa w myśli politycznej Prawa i Sprawiedliwość // Studia Politologica. 2011. № 6. С. 194–207.
4. Historyk: 18 lat minęło, a polityką nadal rządzią Kaczyński i Tusk // Tygodnik Powszechny URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/historyk-18-lat-minelo-polityka-nadal-rzadza-kaczynski-i-tusk-182034> (дата обращения: 11.01.2024).
5. Dudek: Największa analogia między rządem PiS a PRL-em to telewizyjna propaganda // Krytyka Polityczna URL: <https://krytykapolityczna.pl/kraj/antoni-dudek-o-rzadach-pis-i-wyniku-wyborow/> (дата обращения: 14.01.2024).
6. 3. PROGRAM PRAWA I SPRAWIEDLIWOŚCI 2014 // Prawo i Sprawiedliwość, 2014, 168 s.
7. Informacja o postępowaniach prowadzonych w Oddziałowych Komisjach Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu w sprawach przestępstw popełnionych przez funkcjonariuszy państwa komunistycznego w okresie stanu wojennego // Instytut Pamięi Narodowej URL: <https://ipn.gov.pl/pl/sledztwa/stan-wojenny/24207>, Informacja-o-postepowaniach-prowadzonych-w-Oddzialowych-Komisjach-Scigania-Zbrodni.html (дата обращения: 13.01.2024).
8. 4. USTAWA “О уjawnianiю информации о документах органов безопасности государства з лат 1944–1990 oraz treści tych dokumentów” от 18.11.2006 № Dz. U. 2006 Nr 218 poz. 1592 // Kancelaria Sejmu. — 2023.
9. Jak Platforma Obywatelska woli interesy niemieckie // Wgospodarce URL: <https://wgospodarce.pl/informacje/133649-jak-platforma-obywatelska-woli-interesy-niemieckie> (дата обращения: 15.01.2024).
10. Prezydent Andrzej Duda o powstaniu KOR-u: Instytucjonalny początek końca PRL // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uVaxg6Fzbbk> (дата обращения: 15.01.2024).
11. Morawiecki: Nie chcemy takiego monopolu, jaki był w PRL // forsal.pl URL: <https://forsal.pl/gospodarka/polityka/artykuly/9385948>, morawiecki-nie-chcemy-takiego-monopolu-jaki-byl-w-prl.html (дата обращения: 15.01.2024).
12. M. Morawiecki: to była prawdziwa masakra niewinnej ludności // Dzieje URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/m-morawiecki-w-grudniu-1970-bohaterskie-wystapienia-ludzi-wybrzeza-komunisci-topili-we> (дата обращения: 16.01.2024).
13. Macierewicz: Można powiedzieć, że Tusk chce reklamować kontynuowanie PRL-u // Rzeczpospolita URL: <https://www.rp.pl/polityka/art38561681-macierewicz-mozna-powiedziec-ze-tusk-chce-reklamowac-kontynuowanie-prl-u> (дата обращения: 17.01.2024).

14. Kaczynski blames Tusk for Smolensk crash // Euroactive URL: <https://www.euractiv.com/section/elections/news/kaczynski-takes-aim-at-tusk-as-responsible-for-the-smolensk-crash/> (дата обращения: 17.01.2024).
15. Prezes PiS: Tusk chce medialnego PRL-u // WGospodarce URL: <https://wgospodarce.pl/informacje/137660-prezes-pis-tusk-chce-medialnego-prl-u> (дата обращения: 18.01.2024).
16. Krzysztof Bosak — Powrót do PRL-u // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=E_yWZAr9qTA (дата обращения: 16.01.2024).
17. PRL jest dla Kaczyńskiego punktem odniesienia, modelem państwa idealnego — gdyby PZPR zastąpić PiS-em // Wyborcza URL: <https://wyborcza.pl/7,162657,26579962,prl-jest-dla-kaczynskiego-punktem-odniesienia-modelem-panstwa.html> (дата обращения: 16.01.2024).
18. Donald Tusk — Spotkanie otwarte w Gdańsku // Youtube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OJt3pUlx-PI> (дата обращения: 16.01.2024).
19. Andrzej Rzońca: NBP cofa nas do PRL // Rzeczpospolita URL: <https://www.rp.pl/opinie-ekonomiczne/art8981121-andrzej-rzonca-nbp-cofa-nas-do-prl> (дата обращения: 18.01.2024).
20. “To jest skandal”. Padło porównanie do Gierka // Wiadomości URL: <https://wiadomosci.wp.pl/to-jest-skandal-padlo-porownanie-do-gierka-6939647188322944a> (дата обращения: 18.01.2024).

СЕКЦИЯ «РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛОНИАЛИЗМА В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ»

Dmitrii Popov

Higher School of Economics,
Faculty of Humanities,
Master's student

THE REPRESENTATION OF THE COLONIALISM IN FINLAND'S SWEDISH-LANGUAGE MEDIA

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛОНИАЛИЗМА В ШВЕДСКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА ФИНЛЯНДИИ

Abstract. This article deals with the representation of colonialism in Swedish-language media in Finland. To identify the peculiarities of the perception of the colonial heritage among *Finlandssvenskar*, an analysis of media publications (*Svenska Yle*, *Hufvudstadsbladet*, *Åbo Underrättelser*) in which journalists address the colonial issues is carried out. To solve the tasks, the author uses the concepts of “lieux de mémoire” by P. Nora and “common lieux de mémoire” by R. Traba, as well as the method of discourse analysis in accordance with the approach of E. Laclau and C. Mouffe. As a result of the study, it was determined that in the Swedish-speaking community, the representation of Swedish rule in Finland through the colonial experience is avoided, the Finnish historical experience is likened to the path of other Nordic countries.

Keywords: *Finlandssvenskar*; Colonialism; Finland; Discourse Analysis; Memory Studies; “lieux de mémoire”.

Аннотация. Исследование посвящено репрезентации колониализма в шведскоязычных медиа Финляндии. Для выявления особенностей восприятия колониального наследия среди шведскоязычных финнов проводится анализ публикаций СМИ (*Svenska Yle*, *Hufvudstadsbladet*, *Åbo Underrättelser*), в которых журналисты обращаются к колониальной тематике. Для решения поставленных задач автор использует концепции «мест памяти» П. Нора и «общих мест памяти» Р. Трабы, а также метод дискурс-анализа в соответствии с подходом Э. Лаклау и Ш. Муффа. В результате исследования определено, что

в шведскоязычном сообществе избегается представление шведского правления в Финляндии через колониальный опыт, финский исторический опыт уподобляется пути других североевропейских стран.

Ключевые слова: шведскоязычные финны; колониализм; Финляндия; дискурс-анализ; исследования в области памяти; «места памяти».

Tillägnet Lera

Introduction

Currently, the reference to the colonial past is becoming more and more noticeable in many countries of the world which were a colony or a metropolis. If the former seeks to overcome the legacy of colonialism and its consequences and at the same time achieve recognition of responsibility for the crimes of the colonialists, the latter also now emphasizes the fallacy of this policy and declare their guilt. These trends are also observed in the Norden. There was the idea of its non-participation in European colonialism (so called Nordic exceptionalism [1] that help these countries to position themselves as those who can interact with Africa, Asia and Latin America without the burden of the colonial past) but along with it Nordic countries are trying to find their own colonial history based on small colonies around the world and their attitude to indigenous peoples. Finland seems to be the most complicated case for on the one hand it was dependent on the Kingdom of Sweden and then the Russian Empire, but on the other hand, it is also inhabited by Sámi in the north or, as part of Sweden, could share responsibility for its colonial history, which is relevant for building a common Nordic identity.

This research deals with the memory of the Swedish colonial past in Swedish-speaking community of Finland (*Finlandssvenskar*). It is possible to see its identity as hybrid, attributing to the Finnish state, its citizenship, history and culture, and Sweden, with which they share their origin and language (in the field of literature, for instance, Swedish-speaking writers of Finland are considered their own in Sweden). In this regard, *Finlandssvenskar* can base their historical narrative on the Finnish past itself, uniting with the Finns, or on the history of Sweden, which is perhaps more relevant for the colonial period, when the history of Finland is tied to the Swedish one.

To date, there are some works considering *Finlandssvenskar's* identity as a whole (C. Kovero [2], L. Hanell [3], M. Kuronen [4], K. Ståhlberg [5]), in which more attention is paid to the language and legal issue. Particular comparative studies of Swedish-speaking and Finnish-speaking population were also conducted: they were about active life in M. Hyyppä's article [6], associations in M. Kreander's study [7], students' nations in author's research [8] or in long-term perspective of the formation of Finland's independence (M. Engman [9]). Nevertheless, they do not particu-

larly consider the role of memory in the construction of the *Finlandssvenskar's* identity and its combination with the memory of Finns and Swedes in Sweden, using Memory Studies methods, which determines the novelty of the study.

The research objective is to identify the peculiarities of the perception of Swedish colonialism among *Finlandssvenskar* through the prism of the media, which reflect the current and changing attitude to this phenomenon among their readers. To achieve it, it is necessary to conduct a discourse analysis of media publications that mention Swedish colonialism in one context or another.

Materials and Methods

The sources of the research, therefore, are media publications in the 2010–2020s. First of all, it should be noticed that the main political force reflecting the interests of *Finlandssvenskar* — Swedish People's Party — did not use the topic of colonialism in its programs in Swedish or Finnish [10]. It shows the lack of political significance of this issue. Indeed, it was most important for the party to protect the status of the Swedish language, or to attract liberal voters. This, among other things, led to the need to analyze the media, in which the issue of Swedish colonialism should be raised much more often.

As the analyzed media, *Svenska Yle*, Swedish-language of a popular state-owned media, was chosen, as well as two fully Swedish-language newspapers (*Hufvudstadsbladet* and *Åbo Underrättelser*), focusing respectively on the capital region and Turku, one of the main areas of residence of *Finlandssvenskar*. Thus, it is possible to compare the representation of Swedish colonialism among Swedish-speaking residents of various regions of Finland, the state-supported discourse and the independent media, how they combine, offer a single view or compete with each other for a common audience.

There were not many publications here: in total, we selected 27 articles, including 18 *Hufvudstadsbladet* publications, 8 from *Svenska Yle* and only one from *Åbo Underrättelser*. It also shows a lack of interest in discussing issues of colonial history and an unwillingness to challenge established patterns. At the same time, the state media raise less often and covers it in other contexts.

The research is based on the concept of “lieux de mémoire”, introduced by the French historian Pierre Nora for his project on the memory of the French, based on individual images of past eras, and its further interpretation, first of all, by the Polish historian Robert Traba. P. Nora, noting the existence of a common collective memory of social groups that influences the formation of individual memory, defines “lieux de mémoire” as “any significant unity of material or ideal order, which the will of people or the work of time has turned into a symbolic element of the heritage of a certain community” [11, c. 79]. A geographical object, intangible images, a period of history that defines group unity can become a lieu de mémoire.

However, on the one hand, in further research within the framework of the “third wave” of Memory Studies, it became possible to talk about the special memory of individual groups within the national state as it was in Nora’s research. The special memory of *Finlandssvenskar* can be attributed to it for their historical narratives may differ from the general Finnish and be close to the Swedish version. This leads to the concept of “common lieux de mémoire” by R. Traba, who suggested that the same images of the past can be included in different historical narratives. He investigated this by the case of two national histories of Poland and Germany, whose narratives are closely intertwined, despite the fact that the same events in them are interpreted differently [12]. However, provided that individual images become equally significant for states, then these “common lieux de mémoire” can become part of a unified narrative being built. Thus, in the study, Swedish colonialism is considered as a “common lieu de mémoire” of Swedes, Finns and *Finlandssvenskar*, and the analysis of the discourse of the latter is relevant for understanding the possibility of building their common memory with Swedes or Finns.

As the main research method, discourse analysis in accordance with the approach E. Laclau and C. Mouffe is used [13]. It implies representation of reality as socially constructed in the form of discourses that can be taken from various texts — statements of political figures, media publications, works of art. At the same time, the researchers noted the constant variability of discourses and their struggle, so it becomes significant to identify the dominant discourse and its relevance at a certain stage. The content of the discourse is determined by the nodal points on which it is based (in this case, Swedish colonialism and the individual key signs associated with it) and which can be embedded in chains of equivalence with other images that are significant for building a holistic narrative.

Results of Research

Hufvudstadsbladet

In the articles presented in *Hufvudstadsbladet* the main idea on the history of the interaction of Sweden and Finland is quite clear. According to the authors, Finland was not a colony of Sweden. This discourse is contrasted with both the Finnish nationalist approach and the Swedish left narrative [14], which use the idea of guilt. These two discourses are considered as hostile to *Finlandssvenskar* and initially declared as incorrect. It is possible to see this confrontation from the discussion of Swedish-speaking historians with their Finnish colleague Teemu Keskisarja, whose ideas about Swedish colonialism (he insisted that it was worse than the Belgian government in Kongo [15]) are only briefly described while arguments of Swedish-speaking scientific community are disclosed in detail.

Nevertheless, it is intriguing how the non-colonial status of Finland in the Kingdom of Sweden is explained in the *Hufvudstadsbladet*’s publications. Several

strategies can be highlighted here. First of all, authors tried to describe the beneficial consequences of being part of Sweden for Finland. They explain that this period laid the foundations of a modern political system, the perception of democracy, and it's the Swedish rule that made Finland part of the Western world [16].

Secondly, there are some attempts to compare Swedish rule in Finland with the Russian one — the period of the Grand Duchy of Finland. However, authors use two opposite ways of arguments in this context. On the one hand, Swedish and Russian government are contrasted, the latter is even presented as slavery and direct dependence of the Finns, as an Other for Swedish times which become free and “good old days” [16]. On the other hand, another author claims that the Grand Duchy of Finland also was not a colony, so Finland has never been a colony and there is another pattern to present Finnish history. Moreover, this author tries to include Finland in Russian colonial history: according to his view, Finland was part of the metropolis that took part in the world politics and for instance governed Alaska [17]. It was ruled by two governors from Finland — it is also curious that they were *Finlandssvenskar* but in the articles they are framed only as Finnish residents.

The third way of argumentation is rethinking the moment of Swedish Finland's foundation. If the historical narrative of the Finnish nationalists from the XIX century suggests the concept of a crusade, the conquest of Finland and the conflicting relations of Finns and Swedes [18], the *Finlandssvenskar's* articles show that this is not so unambiguous. It is impossible to consider Finnish-Swedish interaction as constant conflicts and even the presence of clearly defined groups of Swedes and Finns in Finland is contradictory. Authors wrote about some families who changed their identity at different times [19].

Finally, in the publication there is a comparison of Swedish Finland with European colonies, as a response to the Finnish historian Keskisarja's opinion that Finns lived worse in Sweden than residents of the Belgian Congo [15]. The articles show that the Finns had their own representation, there was no serfdom. At the same time, the authors do not deny the hardships of the Finnish population, but associate it with general factors (for example, natural conditions) or extend them to everyone (it was not only Finns who suffered in the conditions of wars conducted by Swedish kings [15]). At the same time, they present examples of “obvious” colonies of England, France and especially in the space of Northern Europe: Greenland for Denmark or Caribbean Islands for the Swedes and Danes [17]. However, the latter is a controversial point as in other articles Denmark and Sweden continue to be excluded from colonial history, which makes the whole of Norden free from colonialism [20].

Indeed, the memory of Swedish colonialism is not limited to the relationship between Sweden and Finland. *Finlandssvenskar* are also interested in Swed-

ish colonial history itself, where such images as the situation of the Sámi, racial biology or, conversely, Sweden's struggle with colonial practices under Olof Palm are highlighted [21]. At the same time, there are no direct links with Finland and *Finlandssvenskar*, they do not indicate their involvement in this issue and do not include it in their own historical narrative. By the way, their identity is linked to colonialism through the integration of immigrants from former colonies who choose Swedish rather than Finnish and therefore become the members of Finland's Swedish-speaking community [22].

Much attention to Swedish colonial issues did not take place during the "Black Lives Matter" movement and discussions around monuments in the USA and Western Europe. But in 2017, the year of the centenary of Finland's independence was an occasion to study its historical narrative and, in this context, expediency of monuments to their own national heroes was raised. For example, there were discussions about Gustav Mannerheim, but his negative features are not related to the colonial past, but to the practices of the civil war [23].

Åbo Underrättelser

The only article by Åbo Underrättelser is particularly interesting as it connects Swedish colonialism with regional history, makes the city of Turku part of the colonial narrative. The publication was about a sugar factory, the raw materials for which were supplied from the Swedish colonies in the Caribbean [24]. Thus, colonial practices at the end of the XVIII century were the basis of a separate branch of city's economy, which increased the importance of Turku throughout the kingdom and therefore Turku as a significant economic center could not be considered a colony itself. At the same time, this plot is not condemned or reinterpreted, but the plant becomes a significant "lieu de mémoire" for the Swedish period, since it was closed during the Russian Empire.

Svenska Yle

Finally, in the state Svenska Yle, the discourse of Swedish colonialism is different. The publications do not discuss the topic of Swedish-Finnish relations through the prism of colonialism, for it provoke conflict. The only exception was the story about the settlement of New Sweden (modern Delaware in the USA) by residents of Finland and the comparison of the exile of undesirable elements from Sweden: gypsies to Finland, criminals to overseas colonies [25]. Thus, it can be connected simultaneously with two discourses: Finland as part of the metropolis and as a colony. But there is an appeal to the Swedish colonial history itself: first of all, the Sámi and the overseas colonies of Sweden [26], although there is a quote from the head of the Finnish Ministry for Foreign Affairs about the non-participation of Nordic countries in colonial affairs [27]. And the Finland's colonial history which

appeared in the articles is quite similar: it is also Sámi and Lapland [28], but without direct comparison. However, it is possible to see an attempt to provide the common Nordic discourse on colonial past to strengthen common identity and cooperation.

Conclusion and Discussion

Thus, the discourses promoted by *Finlandssvenskar* themselves and the state for them are fundamentally different. For *Finlandssvenskar*, it is extremely important to show Finland and its relations with Sweden free from colonial history, because, on the one hand, they do not want to see themselves as descendants of colonizers for Finns, and on the other hand, they strive to enter the community of Nordic countries on an equal principle, but Finland's postcolonial status makes it special in the region. In addition, they protect the Swedish heritage in Finland (for example, Swedish names), which, through a postcolonial prism, is colonial and therefore needs to be destroyed. Therefore, they directly oppose the Finnish nationalist discourse, in which the Swedes are called enemies through colonialism, clearly state that Finland was not a colony, but the arguments are diverse, from the complete liberation of Finland from colonial history to opposition to the Russian period. Thus, the aim of the authors is to destroy the formed chains of equivalence linking Swedish Finland with the Grand Duchy of Finland or the European colonies.

It is more important for the state not to provoke these discussions at all, which can lead to conflict, it is more convenient for the authorities to see the whole Finland as a single actor in colonial discussions. But in the present conditions, it is more successful to make its status equal with other Nordic countries. However, since there is a discussion on this issue in Norden now (there is simultaneously a discourse about the exclusivity of Northern Europe, and the presence of separate colonies, and internal colonialism), therefore, the same contradictory processes stand out in Finland.

Библиография

1. Körber L.-A. Exceptionalisms and Entanglements. Legacies and Memories of Scandinavian Colonial History // Hansen J. B., Jelsbak T., Mrozewicz A. E. Scandinavian Exceptionalisms. Culture, Society, Discourse. Berlin: Nordeuropa-Institut, 2021. P. 183–204.
2. Kovero C. På spaning efter den nya finlandssvenska identiteten // Magma-studier. 2012. No. 3. 115 s.
3. Hanell L. Det går hårt. Finlandssvenska ur ett sverigesvenskt perspektiv // Magma-studier. 2011. No. 4. 105 s.
4. Kuronen M., Leinonen K. Historiska och nya perspektiv på svenskan i Finland. Tampere: Juvenes Print, 2011. 149 s.

5. *Ståhlberg K.* Den finlandssvenska identitetens variationer // Ståhlberg K. Finlandssvensk Identitet och Kultur. Åbo: Åbo Akademis tryckeri, 1995. S. 25–76.
6. *Hyypä M., Juhani M.* Why do Swedish-speaking Finns have a longer active life? An area for social capital research' // Health Promotion International. 2001. Vol. 16. No. 1. P. 55–64.
7. *Kreander M.* De svenska och tvåspråkiga föreningarna // Liebkind K., Sandlund T. Räcker det med svenskan? Om finlandssvenskarnas anknytning till sina organisationer. Helsingfors: SLS, 2006. P. 52–88.
8. *Понов Д. И.* Роль студенческих корпораций Финляндии в становлении и развитии национальной идентичности в XIX — первой половине XX вв. // Ноябрьские чтения-2020: Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 114–119.
9. *Engman M.* Finns ans Swedes in Finland // Tägil S. Ethnicity and Nation Building in the Nordic World. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1995. P. 179–216.
10. Ohjelmalistat. Ruotsalainen kansanpuolue // Pohtiva. Poliittisten ohjelmien tietovaranto. URL: <https://www.fsd.tuni.fi/pohtiva/ohjelmalistat/SFP> — 18.10.23.
11. *Нора П.* Франция — память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
12. *Traba R.* Od Krzyżaków do Bolka i Lolka, czyli co Polaków i Niemców łączy, a co dzieli // Gazeta Wyborcza. 09.02.2019. URL: <https://olsztyn.wyborcza.pl/olsztyn/7,48726,24439426,od-krzyzakow-po-bolka-i-lolka-czyli-co-polakow-i-niemcow-laczy.html> — 18.10.23.
13. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. London, 1985. 197 p.
14. *Sonck F.* Antirasistiska sverigefinnar på vänsterkanten lånar Sannfinländarnas historiesyn // Hufvudstadsbladet. 04.01.2017. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/33c24bbf-f22e-4e2a-be96-47d9dd98de75>—18.10.23.
15. *Pettersson T.* Historiker: Svenska tiden i Finland värre än kolonialismen i Kongo // Hufvudstadsbladet. 13.08.2017. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/d091e072-09e4-45bf-ac4d-d6ad309e7f01>—18.10.23.
16. *Bruun S.* När Finland blev Sverige // Hufvudstadsbladet. 01.12.2017. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/f07a71f4-c2d6-4c63-a2b4-e4815228d238>—18.10.23.
17. *Björk-Winberg M.* Insändare: Storfurstendömet Finland var inte en koloni // Hufvudstadsbladet. 14.12.2022. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/9c33ccfc-adde-40ce-ab01-478138323643>—18.10.23.
18. *Sjövall M.* Svensk forskare: Finland var inte Sveriges koloni // Hufvudstadsbladet. 07.10.2019. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/77b21df5-d021-40e5-9e15-b7ee6cf0fad> — 18.10.23.
19. *Laurén A.-L.* Hundra år av självständighet — hundra år av skit under naglarna // Hufvudstadsbladet. 01.12.2017. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/aaf11e2f-0246-427a-8227-873ca3089b43>—18.10.23.
20. *Lindström L.* Afrika behöver en revolution som slår sönder kolonialismens strukturer // Hufvudstadsbladet. 23.08.2020. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/1cd29246-2d1a-4d50-bc3e-be88749097c9>—18.10.23.

21. *Pettersson T.* Jämlikheten var kärnan hos Olof Palme // Hufvudstadsbladet. 28.02.2016. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/82c361fd-e5c4-405c-9046-6a9218359918-18.10.23>.
22. *Öhman J.* Finlandssvenska Jasmine växte upp i ett samhälle som hatade henne // Hufvudstadsbladet. 27.07.2019. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/85c60f23-26d4-44cb-b270-bf351ce93c77-18.10.23>.
23. *Buchert P.* Professor: Att flytta statyer förskönar inte nationens förflutna // Hufvudstadsbladet. 18.06.2020. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/20dad72c-a643-43af-bc16-720b6ddf4e89-18.10.23>.
24. *Holmström S.* Finlands första sockerbruk fanns i Åbo — råvaran kom från kolonier i Karibiska havet // Åbo Underrättelser. 06.12.2019. URL: <https://abounderrattelser.fi/finlands-forsta-sockerbruk-fanns-i-abo-ravaran-kom-fran-kolonier-i-karibiska-havet/-18.10.23>.
25. *Lindquist M.* Stormakten Sveriges drömmar om kolonier // Svenska Yle. 29.12.2015. URL: <https://svenska.yle.fi/a/7-980936-18.10.23>.
26. *Haga M.* När den mörka historien kommer ikapp — hur uppnås historisk rättvisa? // Svenska Yle. 31.07.2021. URL: <https://svenska.yle.fi/a/7-10003961-18.10.23>.
27. *Wahlström F.* Nyansskillnad i den utrikespolitiska retoriken: Ska Ryssland tvingas förlora kriget, eller räcker det med att Ukraina vinner? // Svenska Yle. 03.09.2022. URL: <https://svenska.yle.fi/a/7-10020285-18.10.23>.
28. *Wright E.* Gruvindustrin en form av colonialism // Svenska Yle. 29.09.2014. URL: <https://svenska.yle.fi/a/7-836630-18.10.23>.

Кравченко Анна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

ГОЛОС ИНУИТОВ: РОЛЬ ПОП-КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРЕНЛАНДСКИХ ЭСКИМОСОВ (НА ПРИМЕРЕ КОМПОЗИЦИЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГРУППЫ SUMÉ)

INUIT VOICE: THE ROLE OF POP CULTURE IN THE FORMATION OF GREENLANDIC INUIT NATIONAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF COMPOSITIONS BY THE MUSICAL GROUP SUMÉ)

Аннотация. Исследование посвящено роли музыкальной культуры как одного из способов формирования национальной идентичности постколониальных народов. Эмпирическим материалом для дискурс-анализа послужили тексты песен гренландской группы Sumé, которая обрела популярность среди калааллитского населения острова Арктики в 70-е года XX века. В процессе работы был изучен политический подтекст песен и то, как посредством культурной памяти об общей травме формировалось национальное самосознание инуитского народа.

Ключевые слова: инуиты, национальная идентичность, коллективная память, постколониализм, поп-культура, Гренландия, Дания.

Abstract. The study is devoted to the role of musical culture as one of the ways of forming the national identity of postcolonial peoples. The empirical material for discourse analysis was the lyrics of the Greenlandic band Sumé, which became popular among the Inuit population of the Arctic island in the 1970s. In the course of the work, the political subtext of the songs and how the national consciousness of Greenlandic Eskimos was formed through art were studied.

Keywords: Inuit, national identity, collective memory, postcolonialism, pop culture, Greenland, Denmark.

Сейчас Гренландия — автономная территория внутри Датского королевства. Инуиты (калааллиты), входящие группу коренных народов севера, именуемой как эскимосы, составляют около 90% всего населения острова [7], а официальным языком провинции с недавних пор стал калааллисут (гренландский диалект эскимосского) [8]. Однако их предки прошли длинный путь, связанный с многовековой колониальной политикой Дании. Всё это нанесло серьезную травму гренландскому обществу и во многом повлияло на формирование национальной идентичности инуитов.

Как замечает исследователь М. Хальбвакс, каждая группа самостоятельно создает свою память о прошлом. Именно это позволяет сформировать уникальный образ группы — идентичность, которая отличает группу от остальных [11]. Коллективная память становится тем, что объединяет группу благодаря общим воспоминаниям. Коллективная память создает не только образ прошлого, но и будущего — то, как его видит группа. Тем самым, выражается коллективный опыт группы. Исследователь Дж. Фертресс замечает, что социальная память в начале идентифицирует группу, далее придумывает смысл ее прошлому и после отделяет ее надежды на будущее [16]. Однако при этом ошибочно считать, что социальная память — это именно воспоминания о событиях важных для группы. Напротив, память — это лишь общепринятая интерпретация этого прошлого [10].

Отметим, что исследователь Ян Ассман разделял групповую память на культурную и коммуникативную (социальную) [1]. Культурная память становится формой передачи и осовременивания культурных смыслов. Она уникальна для каждой отдельно взятой культуры. При этом для поддержания сформированной коллективной идентичности необходимо регулярно обращаться к образам культурной памяти [1].

Музыка как способ хранения и передачи культурной памяти

В рамках настоящего исследования стоит остановиться именно на культурной памяти, так как именно она сохраняется на конкретных носителях (культурных образцах). В случае с музыкой этими носителями выступают: аудиозаписи композиций, видеозаписи публичных выступлений, а также транскрибированные тексты песен, партитура и т.д.

Социолог К. А. Озерова относит создание музыкальных произведений, которые репрезентируют образы прошлого, к специально организованной практике [10]. В рамках нее зафиксированные культурные формы и носители становятся тем, что способствует регулярному напоминанию о произошедших событиях [1]. В результате обладающие определенной ценностью события для социальной группы и становятся их культурной памятью.

Так, немаловажную роль в процессе деколонизации сознания гренландцев сыграла культура инуитов, которая имела свои особенности, отличные от датских. Опираясь на мифологию калааллитов, в которой язык является созидательной силой, Л. Доре отмечает, что для инуитов язык не может быть отделен от космического порядка. Для них без языка не было бы жизни и смерти, дня и ночи, женщиной и мужчиной [15]. Тем самым, звуки, которые воспроизводили инуиты, и создавали особый облик их этничности. Это же касается и музыкальной культуры.

Как отмечает исследователь П. Пицеолак, музыка калаалитов была тесно связана с бытом — пение было традиционным методом охоты. Инуиты обычно сочиняли множество песен, а после исполняли их во время поиска добычи. Это облегчало поимку животного — оно привыкало к людям, их голосам и не боялось подходить ближе [19]. Тем самым голос был незаменимым оружием, предназначенным для выживания: слова обладали силой заманивания, и, таким образом, язык оказывал прямое влияние на существование инуитов.

Эта традиция выживания посредством музыки нашла отражение и в культуре инуитов XX века. Одним из ярких примеров могут служить работы музыкальной группы *Sumé*. Используя вкрапления этнических мотивов в рок-музыку, коллектив первым начал как выступать с композициями на родном языке, так и записывать гренландоязычные пластинки [24]. До этого все песни на острове исполнялись на сцене лишь на датском или английском языках, а музыкальные коллективы были преимущественно пародиями на британскую рок-группу The Beatles.

Важно, что национальной музыкой является не только традиционные фольклорные песни или произведения, но и современные композиции. Национальными их делает именно язык исполнения, а вовсе не многовековая история, связанная с конкретной нацией [10]. Тем самым, можно рассматривать композиции музыкальной группы *Sumé* в качестве эмпирической базы для настоящего исследования.

Стоит отметить, что исполнение песен на национальном языке играет большую роль в формировании национальной культуры. Так, по мнению Р. Брубейкера, язык является одним из главных механизмов солидарности этнической группы и ее реификации. Другим таким механизмом исследователь называет религию [13].

Действительно, связь национальной музыки и этнической идентификации в рамках культурной памяти сложно подставить под сомнение — об этом еще писал классик *Memory studies* П. Нора в своем сочинении, посвященном проблематике мест памяти [9]. Ритм, преобладание определенных звуков в языке и их сочетание, мелодические приемы, тембры, музыкальные инструменты, которые характерны для одного отдельно взятого региона, создают как его образ, так образ жителей, формируют их быт, традиции, характер.

Исторический мотив для текста песен воздействует на представление аудитории об историческом событии. Тем самым музыка может стать как способом выделения конкретного этноса среди целой страны и публичной демонстрацией различий посредством культуры (в случае с Гренландией — инуиты среди датчан), так и лицом отдельно взятой этнической группы,

которая формирует ее образ на мировой арене. Тем самым, как добавляет исследователь, Т.Турино музыкальная культура может сказать многое о политических аспектах, этнических взаимоотношениях и противостояниях каждого отдельно взятого региона [22].

Музыка может применяться не только для создания и поддержания идентичности, но и для ее изменения. Это могут делать как члены этнической группы, так и культурные деятели [22]. В данном случае ими стали рок-музыканты. Музыкальная группа Гренландии смогла изменить будущее региона. Название коллектива — *samé*, в переводе с гренландского языка означающее «где», задавало основную линию для поиска национальной идентичности.

Важно, что потенциальная возможность того или иного музыкального произведения влиять на аудиторию, ее представления о прошлом, а также способность укреплять идентичность группы зависит от транслируемого нарратива и эмоционального отклика [10]. Так, рок-группа, основанная в 1972 году Маликом Хёгом и Пером Бертельсеном, стала голосом протеста калаалитов в политически напряженное время.

Музыканты в те годы были гренландскими студентами. Молодые люди обучались в Копенгагене (на датском), так как своего университета на территории Гренландии не было (единственный вуз — *Pisimatusarfik University* — появится в Нууке лишь спустя 17 лет). Студенты были равнодушны к судьбе своего народа и не были готовы об этом молчать [24]. Именно тогда в столице Дании и начали проходить первые демонстрации за введение в Гренландии автономного самоуправления. В это время музыканты пели:

Katilluta ataatsimut // Makiterniarpugut! («Как единый народ // мы восстанем снова»), из песни *Inuit Nunaat* («Земли народа»).

«Свои» / «чужие»: формирование образа врага

Несмотря на то, что жители острова получили собственную конституцию еще в 1953 году [12], полной автономии от Дании у правительства Гренландии не было. Композиции группы выражали презрение по отношению к доминированию Дании на острове и над ее населением. Поэтические тексты на родном для музыкантов языке отражали напряжение, гнев, тревогу и страх за самобытность Гренландии как культуры, языка и народа.

Отметим, что аудитория произведений, которые репрезентируют образ прошлого этнической или национальной группы, склонна к определенному уровню рефлексии в отношении прошлого своего народа [10]. Например, популярная среди гренландской молодежи 70-х песня *Inuit Nunaat* («Земли народа») является трансформированным гимном региона и рассказывает историю о колонизации острова много лет назад:

Inuit nunagaa // Pigissavaat qaqugumut («Это земли людей // Они должны оставаться в собственности народа»); *Tikikkujaallu qablunaat // Eqqullugu inuusertik // Naalagaasa peqquvaat* («Потом пришли те // чьи глаза другие // И хотели повлиять на все»).

Как отмечает К. И. Озерова, память в большинстве своем формируется с помощью конструирования конкретных образов событий, а также исторических персон. При этом их коннотация представлена без полутонов и исключительно дихотомично: то есть либо с однозначно позитивной окраской, либо с негативной [10]. Эмоциональная оценка событий и их героев становится направляющей всего музыкального произведения.

Общий посыл борьбы за независимость прослеживается во всех трёх альбомах рок-группы. Начиная с первой песни *Sumé* и обложки альбома *Sumut* (1973), на которой изображена ксилография XIX века, где охотник-инуит убивает скандинавского торговца [17], отчетливо видно, что музыканты поставили перед собой политическую задачу подстегнуть национальный дух гренландского общества при помощи искусства к борьбе. Так, образ возрождения народа становится одной из главных метафор композиций группы. К примеру, в песне *Upernaaq* («Весна») сама весна олицетворяет независимость, а произведение посвящено надежде и вере в то, что приложенные усилия и пройденный путь будут оправданы:

Upernaleqaaq // Kiatsileqaaq // Nalunngilara // Nuannersisoq // Nuannersisoq («Весна идет // Становится теплее // Я знаю // Дело поправится // Все будет лучше»).

Музыканты отражали в текстах и образы, которые были присвоены жителям Гренландии датчанами. Тем самым они пытались публично оспорить стереотипы. В глазах Дании инуиты изображались как гренландский народ с определенными ярлыки: это коренные жители острова, выступающие против цивилизованных людей будто подростки в период полового созревания, выступающие против фигуры отца [24]. Это демонстрирует влияние колониальной репрессивной власти Дании на жителей острова. Культура стала способом избавиться от национальных комплексов угнетенности, неполноценности и неуверенности, которые связаны с колониальной историей калааллитов и травмой вследствие этого:

Iternialerpunga sinissimangaarama — ullut pingajuat qiteqqutereerporooq // Siunersisalerpara pisuunngorumalluti // Uku tamaaniittut nanertuisuullutik // Kalaallit Nunaat qitornatit («Мне говорят, что за два с половиной столетия прошло два с половиной дня // Я понимаю, что они все еще здесь // Они здесь, чтобы разбогатеть и угнетать нас // Гренландия, “Земли людей”»), из песни *Piffiit Nutaat* («Новые времена»).

Так, образы памяти приобретают как когнитивный и поведенческо-нормативный аспект, но и эмоциональный. Это становится носителем

социально значимых ценностей, которые выступают в качестве мифологизированных и политизированных образов: «добра» и «зла», «хороших» и «плохих», «наших» и «ненаших», «своих» и «чужих» [6]. Группа использовала свою музыку как способ борьбы с негативными представлениями о калааллитах, чтобы сформировать у населения Гренландии чувство единения и автономии внутри всепоглощающего внешнего мира:

Puiaasap iluani tamatta poorsimavugut // Silammut isigaagut susinnaanata («Мы все заперты внутри бутылки // Выглядываем, но ничего не можем сделать»), из песни *Imigassaq* («Огненная вода»).

Тем самым ощущение причастности и акцентирование внимание на общей скорби становятся неизбежными факторами сплочения инуитов. При этом, как отмечает К. А. Озерова, в такой ситуации обязательно появляется разделение на «нас» и «них»: это те, кто помнит и поддерживает общую скорбь, и те, для кого это воспоминание не близко, кто не разделяет общую трагедию или даже связан с «обидчиком» — национальным врагом [10].

Пользуясь большой популярностью среди преимущественно молодого населения острова (около 20% от общего числа жителей Гренландии, 9,5 тысячи человек, приобрели первый альбом группы [24]), музыка стала средством, с помощью которого можно было высказывать противоречивые сообщения и ставить под сомнение статус-кво:

Kingulittami pissaraat // Siulitta attataat // Inuit nunagaat // Aqussavaat ataatsimut («Чем владели наши предки // Наши потомки должны унаследовать // Это земли людей // Они должны управляться как единое целое», из песни *Inuit Nunaat* («Земли народа»).

Национальная музыка *Sumé* стала удачным способом заявить о себе на мировой арене и как о группе, и как о сплоченном инуитском сообществе в глазах датчан. Как отмечает исследователь Р. Д. Ковен, именно национальная музыка подтверждает фактор цивилизованности общества, а также его прогресс и творческую активность [14].

Поворот в сторону независимости

Искусство, помогающее свободно выражать мнения, сильно повлияло на судьбу Гренландии. Выражение протестов способствовало тому, что в 1979 году датский Фолькетинг предоставил Гренландии широкую автономию [4]. Тем самым, к концу 70-х годов XX века под управление гренландцев перешло образование, культура и средства массовой информации. Ответственность за внутреннюю политику, экономику, социальное и культурное строительство лежала уже на жителях острова.

Автономия начала самостоятельно выстраивать ориентиры и формировать свой образ в глазах других государств. Так, в 1985 году Гренландия вышла

из Европейского экономического сообщества (ЕЭС), предшественника ЕС [21]. При этом, что примечательно, Дания оставалась в его составе и после [5].

Спустя четверть века, уже в 2008 году, прошел референдум по вопросу расширения автономии провинции Гренландия — около 75% тех, кто участвовал в нем, проголосовали «за» данные изменения [8]. В результате согласно Закону о самоуправлении Гренландии (*Lov om Grønlands Selvstyre*) [18], начиная с 2009 года регион обладает правом самостоятельно распоряжаться природными ресурсами острова, имеет собственную судебную систему и обеспечивает себе внутреннюю безопасность без вмешательства Дании. Именно тогда гренландский и стал официальным языком региона [3].

Стоит подчеркнуть, что полной независимости у острова от Дании пока нет. Королевство продолжает выплачивать инуитам субсидии для поддержания гренландской экономики и европейского уровня жизни инуитов [2], что, по мнению исследователя В. Е. Возгрина, абсолютно «убыточный проект» [20].

Выход предложил президент США Дональда Трампа в августе 2019 года. Он выказал желание купить у Датского королевства стратегически и экономически важный ледяной остров в Арктике [2]. Однако общество калааллигов, как и другие представители Дании, не были заинтересованы в американском предложении, назвав его «абсурдным». Гренландская правозащитница С. Олсвит подчеркнула, что говорить о покупке целой нации и народа слишком империалистически, особенно для лидеров стран XXI века [23].

Напряженность в обществе порождает и то, что в 2013 году Наалаккерсуисут (избранное самоуправление Гренландии) создало Комиссию по примирению, которая должна была расследовать последствия и наследие колониализма в регионе. Это вызвало дополнительные споры о природе прошлого, а также о будущих отношениях между Данией и Гренландией [20]. Однако у Гренландии все же есть шанс когда-нибудь стать первым самостоятельным эскимосским государством.

Опыт инуитов показывает, каким образом музыкальная культура с помощью признания колониального прошлого путем формирования общественного самосознания становится вдохновляющим фактором для выражения протеста и помогает целому народу обрести голос:

Piffiit nutaat atulerpavut // Piffitoqqat qimappavut // Ulloq ataaseq tassa ukiut untritillit («Новые времена начались // Старые времена // Мы оставили позади»).

В своих произведениях группа *Sumé* с одной стороны транслирует исторические нарративы, которые уже давно закрепились в инуитском обществе, и при этом с другой способствует конструированию новых эмоционально окрашенных образов времен колониального прошлого Гренландии, репрезентируя и переосмысляя данный опыт.

Библиография

1. *Ассман Ян*. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности // Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Борисенко В. Н.* Гренландская контрреволюция. Ответ Гренландии на неокOLONиальную политику Дании (по материалам исследований профессора В. Е. Возгринина) / В. Н. Борисенко, В. Н. Чепик // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. № 22 (1–2). С. 256–275.
3. *Возгрин В. Е.* Датский путь к деколонизации Гренландии: вызов современной колониальной идеологии и практике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11. С. 259–275.
4. *Возгрин, В. Е.* Закат Датской колониальной империи / В. Е. Возгрин // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 72–82.
5. *Гехт А. Б.* Специфика автономного статуса Гренландии: прошлое, настоящее и будущее / А. Б. Гехт, К. Ю. Эйдемиллер // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2021. № 2 (32). С. 34–39.
6. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Коллективная монография под ред. Н. Кочеляевой. М.: Совпадение, 2012. 157 с.
7. *Кривоногов В. П.* Этнические процессы у гренландцев // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 4. С. 6–23.
8. *Криворотов А. К.* Гренландия и Дания: арктический сепаратизм в силовом поле мировой политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 1. С. 118–134.
9. *Нора П.* Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 1999. 333 с.
10. *Озерова К. А.* Историческая память, групповая идентичность и национальная музыка: теоретико-методологические основания социологического исследования // К. А. Озерова // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. № 4 (17). С. 42–48.
11. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
12. *Шафилов К. Д.* Постколониальная теория: идеи и социокультурная практика // Культурные инициативы: Материалы 55 Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей, Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2023. С. 101–104.
13. *Brubaker R.* Ethnicity Without Groups // European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv für Soziologie, Vol. 43, No. 2, Études critiques, 2002. pp. 163–189.
14. *Coven D.* Nationalism in music // University of Northern Iowa. The North American Review. Vol 189. № 640. pp. 386–396.
15. *Dore L.* The Canadian Inuit and Language. Arctic Languages: An Awakening. Ed. Dirmid R. F. Collis. Paris. UNESCO, 1990. pp. 185–289.

16. *Fentress J., Wickham Ch.* Social Memory // Oxford. Blackwell Publishers, 1992. 245 p.
17. International History of the Recording Industry (Literature & the Arts) // Pekka Gronow, Ilpo Saunio, International publishing group «Continuum». 1999. 416 p.
18. Lov om Grønlands Selvstyre. Givet på Christiansborg Slot, den 12. juni 2009. Under Kongelige Hånd og Segl, Margrethe R. Lars Løkke Rasmussen // Selvstyreloven. LOV nr 473 af 12/06/2009. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2009/473-25.01.2023>.
19. *Pitseolak P.* People from Our Side. Ed. Dorothy Harley Eber. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1993.
20. *Rud S.* Colonialism in Greenland: Tradition, Governance and Legacy. 2017. 170 p.
21. Treaty amending, with regard to Greenland, the Treaties establishing the European Communities. OJ L 29, 1.2.1985, p. 1-7 (DA, DE, EL, EN, FR, IT, NL) // Date of signature: 13/03/1984, Brussels. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:11985G/TXT>. — 10.01.2023.
22. *Turino T.* Nationalism and Latin American Music: Selected Case Studies and Theoretical Considerations. Source: Latin American Music Review / University of Texas Press. Revista de Música Latinoamericana, Autumn — Winter, 2003. Vol. 24, No. 2. pp. 169-209.
23. What Do Greenlanders Think of Trump's Interest in Buying Greenland? August 23, 2019. URL: <https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2019/08/23/753479744/whatdo-greenlanders-think-of-trumps-interest-in-buying-greenland>. — 10.01.2023.
24. World Music: Africa, Europe and the Middle East // Simon Broughton, Mark Ellingham. 1999. Vol 1. 762 p.

Машенин Андрей Владиславович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫХ НАРРАТИВОВ СТРАНАМИ БРИКС В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

THE USE OF ANTI-COLONIAL NARRATIVES BY THE BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать и охарактеризовать используемые странами БРИКС антиколониальные нарративы в рамках формирования многополярного мироустройства. В рамках осуществления поставленной цели определяются особенности восприятия странами БРИКС такой концепции, как многополярность, идентифицируются антиколониальные нарративы стран-участниц БРИКС, выделяются их сходства и различия. С помощью метода составного кейс-стади и контент-анализа анализируется и оценивается взаимосвязь между концепцией многополярности и антиколониальными нарративами в рамках проекта многополярной реальности. На основе перечисленного выше автором делаются выводы о том, какое место в идеи формирования БРИКС многополярного мира занимают идеи антиколониализма.

Ключевые слова: колониализм, антиколониализм, БРИКС, многополярность, расширение БРИКС.

Abstract. This article attempts to analyze and characterize the anti-colonial narratives used by the BRICS countries in the framework of the formation of a multipolar world order. As part of the implementation of this goal, the features of the perception by the BRICS countries of such a concept as multipolarity are determined, the anti-colonial narratives of the BRICS member countries are identified, their similarities and differences are highlighted. With the use of the method of composite case study and content analysis, the relationship between the concept of multipolarity and anti-colonial narratives is analyzed and evaluated within the framework of the multipolar reality project. Based on the above, the author draws conclusions about the place that anti-colonialism ideas occupy in the idea of forming a multipolar BRICS world.

Keywords: colonialism, anticolonialism, BRICS, multipolarity, BRICS expansion.

Введение

Вследствие недавнего расширения БРИКС возникает необходимость анализа и прогнозирования дальнейших стратегий, осуществляемых или планируемых лидерами стран, состоящих в данной структуре. Несомненно, именно присоединение новых стран к БРИКС может говорить об усилении позиции этой неформальной переговорной структуры, что, в свою очередь, даёт большие основания рассматривать реализацию конкретных совместных инициатив для формирования многополярного мироустройства — одной из основных концепций, заложенных в идеологический фундамент БРИКС.

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа итогов недавнего XV саммита БРИКС в Йоханнесбурге под председательством ЮАР для дальнейшего прогнозирования инициатив стран-участниц БРИКС по реформированию системы глобальных финансовых и других институтов в рамках перехода к многополярному миру. В контексте председательства ЮАР во время саммита крайне важно рассмотреть преобладавшие в её политике сотрудничества нарративы, одним из которых является в том числе и антиколониальный. Вопрос противодействия неоколониализму важен для «ядра» БРИКС — имевших колониальное прошлое Бразилии, Индии, ЮАР, а также находившегося в сильной зависимости в некоторые периоды истории Китая. Солидарность выражает и Россия: в ходе выступления глава государства упомянул о стремлении стран «золотого миллиарда» «затормозить» создание многополярного миропорядка, назвав это «колониализмом, только в новой упаковке». Для общей координации сотрудничества стран БРИКС не менее важна и позиция новых присоединившихся членов.

Теоретико-методологическая база работы основывается на совокупности методов и теорий, таких как сравнительный анализ, контент-анализ, составной кейс-стади, изучение документов, концепции «глобального региона» и многополярного миропорядка. Изучение документов и контент-анализ в первую очередь направлены на выявление зафиксированных в декларациях саммитов, а также других организационных встреч БРИКС антиколониальных нарративов, встраивающихся в концепцию формирования многополярности. В то же время составной кейс-стади и сравнительный анализ позволяют определить особенности взглядов каждой из стран БРИКС на неоколониализм в экономическом, социальном, политическом и других аспектах, а также концепцию многополярности, тем самым предоставляя возможность проанализировать схожесть их позиций по данным вопросам и возможные расхождения. В качестве теоретической базы используются предложенная М. Л. Лагутиной концепция глобального региона [1], а также концепция многополярности.

Цель данного исследования — проанализировать и охарактеризовать используемые странами БРИКС антиколониальные нарративы в рамках формирования многополярного мироустройства. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) Определить особенности восприятия странами БРИКС концепции многополярности, выявить схожие и различающиеся аспекты;
- 2) Идентифицировать антиколониальные нарративы в политике сотрудничества в рамках БРИКС её стран-участниц, определить их сходства или различия;
- 3) Оценить взаимосвязь между концепцией многополярности и антиколониальными нарративами в рамках проекта многополярной реальности, реализуемого странами-членами БРИКС.

Взаимосвязь многополярности и антиколониализма

Понятие «многополярность» не имеет единой истинной трактовки, вследствие чего существует ряд различных подходов, определяющих структуру многополярного мира по-разному. Более того, существующие термины «мультиполярность» и «полицентричность» нередко вызывают дискуссии относительно их соотношения друг с другом и, в частности, с терминами «многополярность» и «многополярный мир». Тем не менее, с учётом обобщения можно задать определённые смысловые контуры этого понятия. Так, многополярность может определяться как «модель миропорядка, предполагающая наличие нескольких центров силы, которые в своей мощи (экономической, политической, военной и т.д.) испытывают паритет» [2]. Ряд исследователей выделяют два процесса, следствием которых выступает смена формата мироустройства с гегемонизма США на существование нескольких лидирующих ключевых центров в мире.

Одним из таких процессов является рост потенциала новых центров силы в экономической, военной, политической сферах. Однако мнения о первичности экономического фактора роста как главной предпосылки многополярности расходятся, например, некоторые исследователи выделяют кризисные явления, в частности, COVID-19 как один из факторов для проведения «полюсами» независимой политики. Другие исследователи и вовсе приписывают каждой из упомянутых выше сфер свой вид «полярности», т.е. устройства мира из какого-либо числа полюсов. Снижение роли США как гегемона выступает вторым процессом, способствующим становлению многополярного мира, с чем зачастую согласно большинство исследователей. Однако и здесь существуют другие оригинальные мнения: Аллисон Грэм описывает сценарий «новой биполярности» в контексте противостояния США и Китая, схожие идеи появились и у российского эксперта Д. А. Дег-

терева, анализировавшего державы БРИКС и G7 [3]. Важно упомянуть, что становление многополярности не воспринимается на данный момент как завершённый процесс, более того, существуют и мнения о других путях развития международной системы, в частности, выделяются идеи существующей однополярности или альтернативных версий биполярности.

Множество мнений существует и по поводу того, на каком уровне международной системы будет закреплена многополярность и чем конкретно будут являться «новые полюса». Среди лидирующих на данный момент подходов существует как те, которые описывают многополярное мироустройство как особый тип взаимоотношений между великими державами, выступающими в роли «полюсов», так и региональный и цивилизационный подходы. Так, например, в рамках цивилизационного подхода А. Г. Дугин отождествляет множественные мировые цивилизации с акторами в системе международных отношений, что разделяет Л. В. Савин. В то же время Амитав Ачария рассматривает такое взаимодействие в другом свете, делая акцент на взаимодействии между цивилизациями и отдельными государствами. Российский исследователь А. Д. Воскресенский в рамках регионального подхода определяет центры многополярного мира как «макрорегиональные комплексы», в то время как М. Л. Лагутина обращает внимание на появление глобальных регионов, трансграничное взаимодействие которых и делает их центрами формирующегося многополярного мироустройства.

Для понимания взаимосвязи между многополярностью и антиколониализмом следует обратить внимание и на работы канадской исследовательницы Сабины Дреер, описывавшей совмещение идей многополярности и деколонизации в качестве основы для создания контргегемонистских проектов [3]. Антиколониализм в данном случае уместно интерпретировать как стремление к «располяризации мира», устранению диспропорций, созданных колониальным миропорядком. В данном случае новыми «полюсами», или центрами, перераспределившими ресурсы более справедливым образом, могут выступать и борющиеся с колониализмом страны. Можно наблюдать, что идея многополярности как перехода к более эффективной модели мироустройства и идея антиколониализма как устранения недостатков нынешней модели мира имеют определённые сходства и могут быть совмещены.

Одним из наиболее удачных примеров совмещения идей антиколониализма и многополярности может быть Движение Неприсоединения. С самого своего зарождения заявило о себе как об антиколониалистской и антиимпериалистической силе, что было зафиксировано в Белградской декларации 1961 г. В 1960–1980х гг. на своих конференциях страны

Движения Неприсоединения регулярно и решительно высказывалось против разнообразных форм неокOLONиализма и империалистического вмешательства в дела суверенных развивающихся государств. Ликвидация колониализма и неокOLONиализма однозначно обозначалась как цель и в декларации VI Гаванской конференции в 1979 г. Что касается многополярности, то идея существования множества центров приветствовалась странами Движения как результат демонтажа биполярной системы, однако на тот момент такие стремления сдерживались опасениями негативного влияния на развивающиеся страны в ходе крушения одного из двух полюсов [4].

На данный момент многополярность — один из ключевых принципов в рамках БРИКС, большинство стран-участниц которой так или иначе либо имели колониальное прошлое, либо находились в состоянии колониальной зависимости, либо явно борются против проявлений колониальной системы [5]. Важно учитывать предпосылки каждого из членов БРИКС в рамках борьбы с антиколониализмом и выстраиванием более справедливого многополярного мира, а также их особенности восприятия ключевых идей объединения.

Бразилия

Многополярность рассматривается Бразилией как мироустройство, в котором она становится одним из центров, или «полюсов». С одной стороны, предпосылки Бразилии к лидерству в регионе и становлению одним из центров многополярного мира достаточно ясны. Бразилия является крупнейшей из стран в регионе Южной Америки, её экономическое развитие так или иначе достаточно стабильно, политический потенциал также находится на высоком уровне. Однако присутствует ряд факторов, ставящих под сомнение её лидерство. Экономическое развитие Бразилии относительно других стран региона не находится на достаточно превосходящем уровне; в качестве недостаточного политического влияния можно указать провал Бразилии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН [6].

Одним из важнейших препятствующих факторов являются и особенности колониального прошлого Бразилии. Так, Бразилия являлась частью португальской, а не испанской колониальной системы, как многие другие страны в регионе. Это, в свою очередь, выстраивает препятствия к лидерству в виде не столь значительного, но всё же имеющегося языкового барьера, а также особенности социальной структуры. Важно отметить, что первое препятствие носит двойственный характер, так как вне Латинской Америки португальский язык позволяет Бразилии приоб-

ретать немалое влияние в рамках взаимодействия с бывшими португальскими колониями и объединений по всему миру, например, Содружества португалоязычных стран. Второе препятствие в основном проистекает из наличия не только колонизаторов и колонизируемых в прошлом Бразилии, но и рабов из африканских колоний, что приоритизирует проблему расовой дискриминации, а не сам процесс деколонизации. Такое формирование внутренней повестки в Бразилии влияет на то, как её колониальное прошлое воспринимают другие страны Латинской Америки, что делает нормативное лидерство Бразилии под флагом «общей колониальной истории» сомнительным.

Для преодоления этих препятствий на пути к лидерству Бразилия старается изменить направление регионального дискурса, беря за основу идею «Южной Америки», концентрирующей общие силы на включение стран регион в мировую экономическую структуру, примером чего может служить созданный во многом по инициативе Бразилии в 1991 г. МЕРКОСУР [6]. Экономического взаимодействия оказалось недостаточно, и Бразилия пошла по пути консолидации южноамериканской идентичности, одним из ключевых шагов в этом процессе стало создание УНАСУР в 2011 г. как специального объединения [6]. В ноябре же 2016 г. на саммите УНАСУР был одобрен концепт «южноамериканского гражданства», однако его реализация находится под вопросом. В основном Бразилия ориентируется на сотрудничество по линии «Юг-Юг», что проявляется и в участии в БРИКС. Стоит отметить, что Бразилия, согласно ряду мнений, пытается реализовать сложившиеся национальные комплексы и стремления к региональному лидерству, обрести «автономию через диверсификацию» за счёт различных трансграничных связей, в том числе в формате БРИКС, однако идеи по переустройству мирового порядка на глобальном уровне не входят в перечень её непосредственных интересов.

Россия

Тенденция многополярности в России является одной из ключевых тем, она зафиксирована во многих доктринальных документах, стратегиях и теориях. Зачастую дискурсивные рамки многополярности корректировались с упором на критику действий США. Россия совместно с Китаем 23 апреля 1997 г. разработали декларацию по многополярному миру и установлению нового международного порядка, при этом акцентировался новый курс их взаимоотношений в рамках содействия многополярности. О курсе на многополярность было заявлено и в 2000 г. в Указе Президента «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации». Важно отметить, что линия стремления к многополярности встречается и в Концепциях внеш-

ней политики, и, даже при отсутствии буквальных упоминаний терминов, косвенно очерчивается как стратегический приоритет. Таким образом, идеи многополярности, полицентричности играют важную роль в российских документах внешнеполитического планирования и, по всей видимости, включены в национальные интересы России.

Российская теоретическая база многополярности достаточно хорошо разработана. Так, «Доктрина Примакова» постулирует неизбежность перехода к многополярному устройству мира при невозможности образования однополярного вследствие антагонизма неравномерно развитых стран. Идея треугольника «Россия-Индия-Китай» как балансира агрессии США также принадлежит Примакову. Эта идея как встраивается в идею множественности центров, так и превосхищает группы РИК и БРИК. Одной из вех развития идеи многополярности также можно считать Мюнхенскую речь В. В. Путина, расставившую ключевые акценты на формировании новых мировых центров. Важно упомянуть и о идеях цивилизационной многополярности и «евразийства» А. Г. Дугина, которые придали глобальное измерение многополярному порядку. Многополярность в России рассматривается сквозь призму цивилизационной идентичности, культурного многообразия, проявляется же она через государственную политику и национальный суверенитет [7].

Антиколониальная риторика России имеет продолжительную историю, на данный момент она усилилась. Так, например, акцент на борьбе с неоколониальными практиками упоминается в Декларации XII саммита БРИКС, в заявлениях Президента в ходе XV саммита БРИКС в Йоханнесбурге, а также в Концепции внешней политики 2023 г. [8] Сама фигура нынешнего Президента России пользуется популярностью в контексте борьбы с колониализмом, особенно в Африке после 2010-х гг. [9] Вместе с тем нетипичным для антиколониальной риторики является используемый Москвой право-консервативный подход, который может как предоставить вызовы во взаимодействии, так и новые возможности [10].

Индия

Идеи мироустройства Индии неразрывно связаны с общенациональным философским мировоззрением, сформировавшемся на идеях гуманизма, ненасилия, а также противостояния колониализму. Именно поэтому вопросы восприятия многополярности тесно переплетаются с возникшем из-за опыта колониального угнетения чувством виктимизации и подкрепляются философскими постулатами. Индийский подход «равноправного многообразия» рассматривает миропорядок как полицентричный, где малые нации не лишены прав и имеют такой же статус, как и прочие. Философия

подхода проявляется и в том, что наличие глобальных проблем воспринимается как нарушения в самой структуре миропорядка. Отражение данного подхода также можно обнаружить в принципах мирного сосуществования Панча-шила, которые включают в себя взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета сторон, взаимное невмешательство и взаимовыгодное качество отношений [11].

Индия всегда находилась в авангарде антиколониального движения в силу вышеописанных причин. Она активно политически и финансово поддерживала антиколониальные освободительные движения в государствах на юге и востоке Африки — ЮАР, Намибии. Зачастую именно Индия выступает транслятором антиколониальной повестки в рамках ООН.

Китай

Китайская интерпретация идеи многополярности (доцзихуа) впервые была озвучена в 1997 г. председателем КНР Цзян Цзэмином. Она выступала как констатация нежелания Китая и далее терпеть проявления неравноправия в международных отношениях, свойственные однополярной системе. Китайская сторона разделила мнение Примакова о том, что общая тенденция мирового развития заключается в движении к многополярному миру. Именно Пекин распространил идею многополярности в развивающемся мире, провозглашая идеи о равноправии и равенстве всех стран. В понимании Китая именно с развивающимися странами многополярная структура будет полноценной, поэтому он делает упор на многостороннее сотрудничество со странами Глобального Юга. Китайская трактовка концепции многополярности предполагает, что главная роль в мировой политике должна принадлежать нескольким центрам влияния, «которые не станут стремиться к гегемонии ни порознь, ни вместе». Многополярность трактуется китайским правительством как мощное средство для устранения одностороннего доминирования в международных делах, в то же время Китай создает коллективные структуры вместе с другими странами, которые могут выступать как центры многополярного мира — к примеру, БРИКС и ШОС, используемые для более тесного вовлечения в сотрудничество по линии «Юг-Юг». Переход к многополярной системе в китайской интерпретации не одномоментен, более того, участие параллельно в двух системах при таком подходе не создает конфликтов [12].

Развитие антиколониальных нарративов в Китае имело крайне продолжительную историю. Так, например, в 1920–1930 гг. основой для антиколониальной политики выступала «теория антиколониальных революций», делавшая особый акцент на национальном характере подобных революций и борьбе с колониализмом. Позднее появились другие теории пред-

ставления мироустройства — «теория трёх миров» Мао Цзэдуна и идея «третьего полюса», развитием которых на данный момент считаются масштабные внешнеполитические идеологемы, такие, как инициатива «Пояса и Пути» и концепция «Сообщества единой судьбы человечества». Китай поддерживает идею деколонизации и последовательно реализует её в двух направлениях. Первым направлением является устранение отголосков колониального прошлого Гонконга и Макао, вторым — поддержка передачи Фолклендских островов Аргентине [13]. Одним из преимуществ Китая в отношении Африке является отсутствие опыта колониальной экспансии на этом континенте и тем более использования средств колониаторского характера.

ЮАР

ЮАР в рамках своей интерпретации многополярности выступает за реформы международных финансовых институтов и обеспечение более инклюзивного экономического роста и развития в качестве противовеса однополярности и процессу одностороннего принятия решений. Укрепление же многополярности в мире и исправление «исторической несправедливости» в отношении Глобального Юга можно достичь, по мнению ЮАР, за счёт реформирования Совета Безопасности ООН и предоставления права голоса большему числу стран, в особенности развивающихся. Согласно заявлению одного из официальных лиц нынешней правящей партии, «ЮАР во внешней политике придерживается концепции «прогрессивного интернационализма» и придает особую важность «глобальной кооперации, мирному разрешению конфликтов и уважению коренных систем развития, укорененных в социо-экономических, культурных, политических и исторических условиях каждой конкретной страны или региона».

Как страна, подвергавшаяся притеснению колониального характера, нашедшего воплощение в режиме апартеида, ЮАР не могла не произвести рефлексию такого опыта. В основном эта рефлексия нашла отражение в ряде доктрин, таких, например, как доктрина «полутысячелетней африканской трагедии, включающей в себя рабство, империализм, колониализм и неоколониализм» преемника Нельсона Манделы Табо Мбеки, предлагавшая масштабные программы компенсационных мер со стороны Запада как решение данной проблемы, а также доктрина Сирила Рамафосы «Нет» неоколониализму — «да» взаимовыгодному сотрудничеству», в рамках которой и стало намечаться развитие связей с КНР, Индией, Россией и странами Залива [14n]. Стоит отметить, что ЮАР считает краеугольным камнем неоколониализма именно неэквивалентный экономический обмен, порождающий разрыв между развитыми и развивающимися странами.

Новые страны БРИКС

На данный момент сложно идентифицировать какие-либо подходы и идеи, которые могли бы использовать новые страны БРИКС в рамках многополярности. Вместе с тем, можно выделить несколько общих черт, свойственных им в сотрудничестве такого межрегионального формата. Большая часть присоединившихся стран — преимущественно члены Движения Неприсоединения, что говорит о некоторой преемственности идей антиколониализма и стремления к более справедливому мироустройству, что является благоприятным фактором сотрудничества. Однако страны Залива в большинстве своём придерживаются позиций прагматизма, требуют экономического и институционального закрепления договоренностей, а потому привержены более многосторонности, нежели более хаотичной многополярности.

Выводы

Таким образом, страны БРИКС так или иначе разделяют мнение о необходимости реформирования ряда глобальных финансовых и политических структур. Привычная модель мироустройства не может реализовать потенциал стран-участниц справедливо и в достаточной мере, что ими и осознаётся. Однако многополярное устройство мира является не всегда первым, но важным приоритетом всех стран в рамках их участия в БРИКС, и мнения на дальнейшую институционализацию БРИКС и её целесообразность в ряде случаев расходятся. Хотя каждая из стран имеет свой уникальный взгляд на многополярность, определяемый особенностями её культурного и исторического развития, однако объединяющим фактором является осознание необходимости перехода к новому гармоничному и справедливому порядку с множеством центров.

Осознание несправедливости и желание более гармоничного переустройства мира также объясняется и антиколониальными нарративами, явно присутствующими у подавляющего большинства стран БРИКС. Отдельно стоит отметить Россию, использующую подобные нарративы в ситуации антагонизма с западными странами для сплочения с членами БРИКС и более явного своего позиционирования в одном из важнейших дискурсов. Большинство стран БРИКС, помимо колониального прошлого, имели опыт взаимодействия в рамках Движения Неприсоединения, и поэтому нынешнее совмещение антиколониализма и желания изменить устройство мира представляется логичным продолжением зародившихся ранее стремлений.

Взаимосвязь между концепцией многополярности и антиколониальными нарративами в рамках проекта многополярной реальности БРИКС

крайне сильна. Как многополярность, так и антиколониальные нарративы подчёркивают необходимость перехода к более справедливому распределению экономических, политических и прочих сил, что может быть реализовано как раз в формате существования нескольких центров, или «полюсов». При этом становление таковыми «полюсами» бывших колоний видится странам БРИКС как закономерное восстановление справедливости и продолжение идей гармоничного мироустройства, в которое все государства включены на равных началах.

Библиография

1. *Лагутина, М. Л.* Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. — 2022. — Том 13 (1). — С. 66–82.
2. *Панамарёв Арсений Юрьевич* СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОДНОПОЛЯРНОСТЬ ИЛИ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ? // Скиф. 2022. № 11 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sistema-mezhdunarodnyh-otnosheniy-odnopolyarnost-ili-mnogopolyarnost> (дата обращения: 30.11.2023).
3. *Солуянов Владислав Сергеевич* КОНЦЕПЦИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-mnogopolyarnosti-mnogoobrazie-podhodov-i-interpretatsiy> (дата обращения: 30.11.2023).
4. *Костюк, Р. В.* Движение неприсоединения в эпоху холодной войны / Р. В. Костюк // Клио. — 2011. — № 4(55).
5. Совместное заявление лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 года). URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> — 30.11.2023
6. *Павлова Елена Борисовна* Колониальное наследие как проблема и ресурс сотрудничества Юг-Юг: случай Бразилии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolonialnoe-nasledie-kak-problema-i-resurs-sotrudnichestva-yug-yug-sluchay-brazilii> (дата обращения: 30.11.2023).
7. *Савин Леонид Владимирович* Многополярность и внешняя политика России // Постсоветские исследования. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogopolyarnost-i-vneshnyaya-politika-rossii> (дата обращения: 30.11.2023).
8. Московская декларация XII саммита БРИКС URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> — 30.11.2023
9. *Япи, Ж. Р.* Президент РФ В. В. Путин глазами африканцев: символ антиколониализма и независимости / Ж. Р. Япи // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2021. — № 3(59). — С. 54–63
10. Левые или правые: возможна ли антиколониальная борьба под правоконсервативными лозунгами URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/levye-ili-pravye/> — 27.11.2023
11. *Фетисов Богдан Евгеньевич* ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОДХОДЫ ИНДИИ К ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА: ИЗНАЧАЛЬНОЕ ПОЛО-

ЖЕНИЕ // Социально-политические науки. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-podhody-indii-k-otsenke-politicheskogo-miroustroystva-iznachalnoe-polozhenie> (дата обращения: 30.11.2023).

12. Сафронова Елена Ильинична КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ТЕКУЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-faktor-v-tekushey-evolyutsii-mnogopolyarnosti> (дата обращения: 30.11.2023).
13. Зуенко, И. Ю. Идеология антиколониализма как фактор внешней политики Китая / И. Ю. Зуенко, Ц. Хэн // Международная аналитика. — 2023. — Т. 14, № 2. — С. 23–34.
14. Неоколониализм и борьба с ним в лексиконе политических лидеров ЮАР URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/neokolonializm-i-borba-s-nim/> — 27.11.2023.

Привалов Анатолий Павлович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт бизнеса и делового администрирования,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ПРОБЛЕМАТИКА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИМПЕРСКОГО НАРРАТИВА

PROBLEMATICS OF JAPANESE DOMESTIC POLITICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF POST-IMPERIAL NARRATIVE

Аннотация. В статье рассматривается вопрос восприятия политическим руководством и обществом результатов поражения во Второй мировой войне и последовавшей за ним деконструкцией колониальной системы в Индо-Тихоокеанском регионе. Анализируется влияние внутриполитического дискурса на политику в отношении бывших колоний и государств, пострадавших от агрессивных действий Японии.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Индо-Тихоокеанский регион; Колониализм; Милитаризм; Современное восприятие; Символическая политика; Япония.

Abstract. The article discusses the issue of perception by the political leadership and society of the results of the defeat in World War II and the subsequent deconstruction of the colonial system in the Indo-Pacific region. The influence of domestic political discourse on the policy towards former colonies and states affected by Japan's aggressive actions is analyzed.

Keywords: Second World War; Indo-Pacific region; Colonialism; Militarism; Modern perception; Symbolic politics; Japan.

Введение

Представляемая работа исследует вопрос отношения японских властей и общества к событиям и итогам Второй мировой войны и ликвидации колониальной системы Японской империи в ИТР. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что отношение к своему историческому прошлому внутри Японии, как и в любом государстве, непосредственно формирует модели внешнеполитического поведения в отношении стран-соседей, большая часть которых пострадала от колониальной политики Японии начала-середины XX столетия, к коим по большей мере относятся страны Корейского полуострова, КНР, а также частично признанный Тайвань. Важно отметить, что с этими странами

у Японии остаются противоречия разной степени сложности, которые не способствуют укреплению безопасности и развитию кооперации в одном из самых густонаселённых и экономически значимых регионов мира.

Специфика данной работы заключается в исследовании оценки японским обществом и первыми лицами имперского прошлого своего государства и противоречий в этой оценке. Тема восприятия своего исторического прошлого и связанных с ним проблем с государствами-соседами рассматривалась в трудах многих российских и зарубежных исследователей, таких как Д. В. Стрельцов («Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями») [14]; Д. Сибуити («The Yasukuni Shrine Dispute and the Politics of Identity in Japan: Why All the Fuss?») [5]; А. А. Батакова («Подходы правительства Японии к проблемам «Исторического прошлого»») [7] и многие другие. Настоящая работа предметно сфокусирована на противоречиях и проблемах, возникающих в результате восприятия исторического прошлого политиками и общественностью, поскольку именно они напрямую влияют на принятие решений в государстве, в том числе и внешнеполитические.

Актуальность исследования заключается в трансформации взглядов некоторых государств на своё прошлое с ходом исторического процесса, переосмысления многих явлений и событий через призму текущего политического контекста. И Япония не стала исключением. В XXI веке в заявлениях представителей Японского истеблишмента всё чаще звучат тезисы о построении «нормального государства», которое должно прийти к примирению с собственным прошлым. Во многом это отражается в спорах с соседними государствами, бывшими колониями Японской империи. Идеологические воззрения отчасти влияют и на пацифистский статус государства. В 2023 г. Токио выделил рекордные 53 млрд. долларов ассигнований на военный бюджет (1% от ВВП), а к 2027 году правительство намерено увеличить финансирование Сил самообороны до стандарта государств-членов НАТО 2% от ВВП (ок. 100 млрд. долларов) [10].

Цель настоящего исследования заключается в определении ключевых проблем японского внутриполитического дискурса, а также противоречий в восприятии своего имперского прошлого.

Для достижения поставленной цели автором работы были выделены следующие задачи:

- 1) Провести анализ высказываний японских политических деятелей, а также официальных документов на предмет оценки в них колониального прошлого своего государства;
- 2) Дать характеристику основным настроениям внутри общества относительно степени вины за империалистическую политику Японской империи;

- 3) Выявить особенности взаимодействия по проблемным вопросам Японии с бывшими колониями на примере Республики Корея.

Проблема исторической памяти рассматривается через призму конструктивистского подхода, поскольку в основе выстраивания внутри и внешнеполитического курса лежит идеологическое и ценностное восприятие событий своего прошлого гражданами Японии, которое влияет на принятие решений. В ходе работы применялись методы научного познания, основным являлся анализ документов, заявлений политиков, материалов в СМИ, а также анализ литературы и исследований по настоящей теме. На основе данного метода используется метод обобщения, компаративный метод, синтез и контент-анализ.

С подписанием Акта о капитуляции Японии в 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» прекратила своё существование крупнейшая империя в Индо-тихоокеанском регионе. Более полувека это государство осуществляло региональную колонизацию, прибегая к одним из самых радикальных методов территориальной экспансии. Позднее, кульминацией агрессивной политики империализма стала атака на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. и вступление во Вторую мировую войну с последующим поражением спустя 4 года. После распада колониальной империи на карте мира появилось несколько новых независимых государств, у которых имелось немало претензий к бывшей метрополии. Они касались актов насилия в отношении местного населения, принудительного труда и незаконного пользования ресурсами колоний. При этом важно подчеркнуть, что претензии были предъявлены не только за ущерб, нанесённый в годы войны, но и за эксплуатацию до инцидента на мосту Марко Поло в 1937 г. Японское послевоенное руководство признало большую часть этих претензий, не стало уходить от ответственности по многим вопросам и принесло по многим из них свои извинения, а в последующие годы частично возместило материальный ущерб. Так, например, некоторым странам Юго-Восточной Азии Токийское руководство предоставляло в период с 1960 по 2015 гг. 50 млрд. долларов финансовой помощи, часть из которой была компенсацией за колониальную политику прошлого и Вторую мировую войну [3]. Важно отметить, что японское руководство позиционировало эту помощь не в качестве репараций, а в форме практически безвозмездной помощи государствам ЮВА, направленную, в первую очередь, на укрепление экономического сотрудничества и долгосрочные инвестиции в экономики этих стран [9]. Таким образом, Токио стремился избежать формулировок, связанных с возмещением ущерба, заменив их на официальную помощь в целях укрепления партнерских отношений с соседями.

Несмотря на признание своих ошибок и преступлений, на современном этапе внутри японского истеблишмента и социума присутствует немало раз-

ногласий. Они касаются оценки степени вины за имперскую политику. Многие граждане Японии, в особенности те, кто застал Вторую мировую, не считают себя виноватыми в колонизаторской политике и развязывании войны. Напротив, они считают себя такими же жертвами, как и жители покорённых территорий с той лишь разницей, что японцы стали заложниками своего правительства и пострадали, испытывая лишения из-за боевых действий и в ходе ядерных бомбардировок на Хиросиму и Нагасаки, а также ковровых бомбардировок Токио и многих других японских городов на финальном этапе войны, в результате чего погибли сотни тысяч некомбатантов [4]. Такая позиция контрастирует с позицией немецкого общества, которое полностью признало свою вину и ответственность перед пострадавшими от действий Третьего Рейха [14]. Так, в одном из своих главных философских трудов «Вопрос о виновности» философ К. Ясперс отмечает, что население Германии всё же ответственно, хотя во многом и опосредованно, в политике гитлеровской Германии с 1933 по 1945 гг. [16] Именно эта работа во многом является основным выражением общественно-политического дискурса Германии. В японском политическом и общественном сознании представление о своём прошлом несколько отличается от немецкого. Эти отличия находят своё подтверждение не только в общественном сознании и художественных произведениях, но и в политике. В 1995 году премьер-министром от Социалистической партии Японии Т. Мураяма (1994–1996) был предложен проект резолюции, осуждавшей колониальное господство и агрессию Японии в первой половине XX века. Хотя она и была принята парламентом Японии, но из-за принципиальной позиции консервативных кругов, большая часть которых состояла в Либерально-демократической партии Японии, являющейся ныне самой многочисленной в парламенте, были изменены некоторые формулировки: слова извинения были заменены на слова сожаления, а при голосовании лишь половина парламентариев поддержала документ [7]. Таким образом, в среде японских первых лиц нет однозначной оценки действий японского милитаризма.

Нарратив о необходимости жизни без «призраков прошлого» прослеживается в политике многих первых лиц Японии. Особую позицию по этому вопросу занимал премьер-министр Японии С. Абэ (2006–2007, 2012–2020), известный своими консервативными взглядами и поддерживаемый консервативным крылом Либерально-демократической партии [12]. С. Абэ имел свой взгляд на колониальное прошлое страны, отметив, что в XIX–XX вв. многие европейские державы, такие как Великобритания, Франция и в меньшей степени Германия и Россия уже имели свои колонии и были намерены продолжать колониальную политику в будущем, что подтолкнуло Японию к собственной экспансии: «Более ста лет назад по всему миру простиралась

огромные колонии, принадлежавшие в основном западным державам. С их подавляющим превосходством в технологиях волны колониального владычества докатились до Азии в XIX веке. Нет сомнений, что возникшее ощущение кризиса подтолкнуло Японию к модернизации. Япония построила конституционное правительство раньше, чем любая другая страна Азии. Страна сохраняла свою независимость на протяжении всего времени. Русско-японская война дала стимул многим народам, находившимся под колониальным господством от Азии до Африки «...» ...Поначалу Япония тоже шла в ногу с другими странами. Однако с наступлением Великой депрессии и созданием западными странами экономических блоков с вовлечением колониальных экономик, японской экономике был нанесен серьезный удар. В этих условиях чувство изоляции Японии усилилось, и она попыталась выйти из дипломатического и экономического тупика с помощью силы. Ее внутренняя политическая система не могла служить тормозом для пресечения таких попыток». [6]. Таким образом, премьер заявил о порочности той системы мироустройства, которая «толкнула» Японию на путь войны. Риторика Абэ была построена на выражении протеста в отношении результатов войны. О поддержке данной позиции политиками и обществом говорил уровень доверия к экс-премьеру. Именно С. Абэ имеет абсолютный рекорд по пребыванию на высшем государственном посту — более 8 лет.

Другим противоречивым жестом во внутренней политике Японии являются визиты истеблишмента в храм Ясукуни (яп. 靖國神社 *Ясукуни-дзиндя*), который считается одним из главных символов японского милитаризма, дошедших до наших дней, а его посещения резко порицаются странами, пострадавшими от империалистической политики. Это обусловлено тем, что в храме расположены 2,5 млн. табличек с именами японских военнослужащих, погибших в войнах в интересах своей страны после революции Мейдзи. Большая часть из этих конфликтов носила экспансионистский характер и была направлена на колонизацию стран-соседей. Тем не менее, основное возмущение пострадавших стран вызывает факт присутствия в храме имён и фамилий 14 военных преступников класса «А», осуждённых Токийским трибуналом, проходившим с 1946 по 1948 гг. [13]. Среди них находятся такие личности как К. Хирота, Х. Тодзё, С. Итагаки и другие виновники экспансионистской политики Японии, которая позже привела ко Второй мировой войне в Азии. Представители КНР и РК открыто выступают с осуждениями данной акции. Так, официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявлял: «Посещение некоторыми членами кабинета министров Японии храма Ясукуни, в котором находятся ритуальные таблички с именами военных преступников Второй мировой войны класса «А» — это открытый вызов исторической справедливости и совести человечества, а также серьезное

оскорбление чувств народов Китая и других азиатских стран, пострадавших от японской агрессии» [15]. В своё время храм посещали такие японские премьеры как Д. Коидзуми (2001–2006) и С. Абэ. Нынешний премьер Ф. Кисида (2021–наст. время) и многие другие политики отказались от посещения святилища, однако регулярно приносят подношения. Уделение внимание ритуалу, будь то посещение или подношение демонстрирует, что, несмотря на империалистический характер ведения войн прошлого, Япония чтит память павших. Примечательно, что несмотря на недовольство соседних государств, из храма не были исключены таблички с фамилиями военных преступников [5]. Это может быть обосновано тем, что в японской культуре достаточно трепетно относятся к памяти всех предков. Официальный Токио заявляет, что подобного рода визиты вызваны не пренебрежением к итогам Второй мировой войны, а стремлением почтить память предков [11]. Тем не менее, КНР, РК и другие жертвы японского милитаризма не считают подобные объяснения приемлемыми.

В результате отсутствия ясного определения степени вины Японии за своё имперское прошлое возникает проблема взаимоотношений «преступника» и «пострадавшего». Наиболее явно этот феномен прослеживается в проблеме «женщин для утешения» — принуждения женского населения оккупированных территорий работать в специальных публичных домах для удовлетворения сексуальных потребностей японских военнослужащих. Особое негодование по этому вопросу выражают государства Корейского полуострова. Согласно Договору об урегулировании проблем, связанных с имуществом и претензиями, и об экономическом сотрудничестве между Японией и Республикой Корея 1965 г. стороны разрешили разногласия, возникшие по окончании войны [1]. Япония выплатила РК денежную компенсацию в качестве возмещения ущерба, полученного Кореей будучи колонией. Согласно договору, стороны пришли к соглашению о том, что «...проблема, касающаяся собственности, прав и интересов двух Договаривающихся Сторон и их граждан (включая юридических лиц) и касающаяся претензий между Договаривающимися Сторонами и их гражданами, включая те, которые предусмотрены в пункте (а) статьи IV Мирного договора с Японией, подписанного в городе Сан-Франциско 8 сентября 1951 года, разрешена полностью и окончательно» [1]. Однако денежная компенсация не досталась непосредственным жертвам в лице пострадавшего населения. Во многом это можно связать с тем, что ключевой проблемой РК во второй половине XX столетия являлось систематически коррумпированное руководство. В 1990-х гг. РК предъявила новые претензии, которые касались принудительного труда корейцев в годы оккупации. В 2015 г. Японское правительство создало фонд финансовой помощи для «вианбу» (девушка

для утешения) в РК и выделило 1 млрд. иен. Тем не менее, на территории РК начали появляться памятники «Девушкам для утешения». Один из подобных монументов был построен напротив японского генконсульства в Пусане, а другой — напротив посольства. Скульптуры намеренно расположены перед учреждениями в качестве напоминания японским дипломатам. Данные акции были расценены в Токио как деструктивные и недружественные. В 2018 г. Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи РК объявило, что переведёт ранее перечисленную сумму в 1 млрд. иен в Фонд гендерного равенства, что было также неприемлемо для Японии [2]. На фоне дипломатического скандала началось и экономическое противостояние: Токио вычеркнул Сеул из «белого списка» торговых партнёров, с которыми действовал режим упрощенной торговли и ограничил экспорт некоторых товарных позиций в РК [8]. Таким образом, японское правительство столкнулось с так называемой проблемой «преступника» и его «жертвы», в данном случае Кореи. Её суть заключается в том, что пострадавшая сторона имеет претензии к «преступнику» которые, несмотря на достижение договоренностей, могут выдвигаться снова и снова. Одним из таких примеров можно считать требования польского правительства к ФРГ о выплате репараций по результатам Второй мировой войны. В случае с Японией и РК это усугубляется тем, что внутри Японии отсутствует полностью однозначное определение степени вины за своё имперское прошлое, в результате чего стороны сталкиваются с недопониманием и последующими конфликтами.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что одной из ключевых проблем японского внутриполитического дискурса является отсутствие определённого взгляда на имперскую политику прошлого. С одной стороны, японское общество и руководство считает, что экспансионистские методы причинили немало страданий жителям оккупированных территорий и признаёт преступное политическое руководство ответственным за злодеяния. В то же время, внутри Японии присутствует убеждение о том, что японский народ тоже стал жертвой такой политики, а многие власть имущие убеждены, что экспансионизм хотя и был преступным, но спровоцирован аналогичной политикой других колониальных держав, и что возложение чрезмерной вины на Японию на сегодняшний день недопустимо. Помимо этого, символическая политика Японии носит неоднозначный характер. Государственные деятели наносят визиты и отправляют подношения в храм Ясукуни, что вызывает безапелляционно негативную реакцию со стороны держав, пострадавших во время колониального управления Японией. В парламенте отсутствует консенсус относительно формулировок документов, осуждаю-

щих японскую агрессию. Помимо прочего, японское правительство избежало формулировок о репарациях, касающихся выплат денежных средств бывшим колониям. Вместо этого Токио называл эти поступления экономической помощью. При формальном признании своей преступной роли в колонизаторской политике и Второй мировой войне, японская символическая политика и риторика вызывает недовольство со стороны соседей.

Библиография

1. Agreement on the Settlement of Problems Concerning Property and Claims and on Economic Co-operation between Japan and the Republic of Korea. 1965. // URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/JPKR/19650622.T9E.html> (дата обращения: 8.11.2023).
2. Diplomatic Bluebook 2023. Japanese Diplomacy and International Situation in 2022. Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2023. — 380 p.
3. *Masahiro K., Thuzar M. and Hayton B.* ASEAN's Regional Role and Relations with Japan. The Challenges of Deeper Integration // Asia Programme. February 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/305279847_ASEAN's_Regional_Role_and_Relations_with_Japan_The_Challenges_of_Deeper_Integration (дата обращения: 16.01.2024).
4. *Rydel J. Troebst S.* Instrumentalizing the Past: The Impact of History on Contemporary International Conflicts. — De Gruyter Oldenbourg; 1st edition, 2022. — 508 p.
5. *Shibuichi D.* The Yasukuni Shrine Dispute and the Politics of Identity in Japan: Why All the Fuss? University of California Press; Asian Survey, Vol. 45, No. 2 (March/April 2005), 197–215 c. // URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/as.2005.45.2.197> (дата обращения: 7.11.2023).
6. Statement by Prime Minister Shinzo Abe, August 14, 2015. Speeches and Statements by the Prime Minister // URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (дата обращения: 6.11.2023).
7. *Батакова А. А.* Подходы правительства Японии к проблемам «Исторического прошлого» // Вестник МГИМО. 2016. № 1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-pravitelstva-yaponii-k-probleмам-istoricheskogo-proshlogo> (дата обращения: 4.11.2023).
8. *Горячев Н. Н., Горячева Е. А.* Торговая война между Японией и Южной Кореей: конец альянса? // У карты Тихого океана. 2019. № 3 (254). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovaya-voyna-mezhdu-yaponiey-i-yuzhnoy-koreey-konets-alyansa> (дата обращения: 18.01.2024).
9. *Ковригин Е. Б.* Япония — АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. — 2014. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-asean-evolyutsiya-ofitsialnoy-pomoschi-razvitiyu> (дата обращения: 17.01.2024).
10. Минобороны Японии готовит рекордный военный бюджет на \$53 млрд. // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18556493> (дата обращения: 1.11.2023).
11. Основная позиция правительства Японии в связи с посещением храма Ясукуни; Официальный сайт посольства Японии в РФ // URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/yasukuni.html (дата обращения: 8.01.2024).

12. *Панов А. Н.* Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Ежегодник Япония. — 2016. — № 45. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-prioritety-premier-ministra-уaponii-abe-sindzo> (дата обращения: 4.11.2023).
13. Посещение японским премьером храма Ясукуни вызывает сожаление у Москвы // URL: <https://ria.ru/20131226/986687478.html> (дата обращения: 5.11.2023).
14. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / под ред. Д. В. Стрельцова. — Москва: Аспект Пресс, 2021. — 336 с.
15. Официальный представитель МИД КНР Хун Лэй ответил на вопрос журналистов по поводу посещения некоторыми членами кабинета министров Японии храма Ясукуни // Официальный сайт МИД КНР. — URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/fyrbthdhdw/201308/t20130816_877362.html (дата обращения: 6.01.2024).
16. *Ясперс К. Я* 83 Вопрос о виновности: Пер. с нем. — Москва.: Издательская группа «Прогресс», 1999. — 146 с.

Субботин Илья Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ: ВОПРОС ПРИЗНАНИЯ ГЕНОЦИДА КОРЕННЫХ ПЛЕМЕН В КОНТЕКСТЕ ГЕРМАНО-НАМИБИЙСКОГО ПРИМИРЕНИЯ

GERMAN COLONIAL CRIMES IN SOUTH-WEST AFRICA: THE ISSUE OF RECOGNITION OF THE INDIGENOUS TRIBES' GENOCIDE IN THE CONTEXT OF GERMAN-NAMIBIAN RECONCILIATION

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить ключевые особенности подхода ФРГ к постколониальному примирению с Намибией. Центральное внимание уделено вопросу признания геноцида гереро и нама, остающимся главной проблемой германо-намибийских отношений на современном этапе. Изучив историю попыток исторического примирения с Намибией, международно-правовые аспекты признания геноцида и исходящей из этого ответственности, а также практические шаги ФРГ, автор приходит к выводу о двойственности германского курса. Перспективы германо-намибийского примирения в ближне- и среднесрочной перспективе отличаются неопределенностью, причиной чему, однако, не только позиция германской стороны.

Ключевые слова: геноцид, гереро и нама, Намибия, ФРГ, примирение, постколониализм, коренные племена.

Abstract. This article aims at identifying the key features of the German approach to postcolonial reconciliation with Namibia. Attention is foremost paid to the issue of recognition of the Herero and Nama genocide, which remains the main problem of German-Namibian relations at the present stage. Having studied the history of attempts at historical reconciliation with Namibia, the international legal aspects of the recognition of genocide and the responsibility arising from it, as well as the practical steps of Germany, the author comes to the conclusion about the ambivalence of the German policy. The prospects for German-Namibian reconciliation in the short and medium term are uncertain, however, the reason for this is not only the position of the German side.

Keywords: genocide, Herero and Nama, Namibia, Germany, reconciliation, postcolonialism, indigenous tribes.

Введение

Колониальное прошлое Германии нередко остается в тени постколониальных исследований. Тем не менее, согласно оценкам ряда экспертов, «первым геноцидом» XX века можно считать именно преступления, совершенные колониальными войсками Германской Империи на территории Юго-Западной Африки (ныне — Намибия) [1, S. 14]. В период 1904–1908 гг. под руководством немецкого генерала Лотара фон Троты было истреблено, по разным оценкам, до $\frac{3}{4}$ коренных племен гереро и нама, восставших против жестоких и дискриминационных мер метрополии [2, С. 173–174].

В начале XXI в. особо остро в отношениях Германии с бывшими колониями — в особенности Намибией — встал вопрос о преодолении последствий колониального прошлого. Несмотря на ряд трудностей, многолетние «переговоры о примирении» завершились в 2021 г. парафированием «Совместной декларации», которая, тем не менее, не подписана по сей день. Вопрос выполнения достигнутых договоренностей остается открытым.

В этих условиях рассмотрение особенностей политики ФРГ на этом направлении является особенно актуальным: это поспособствует лучшему пониманию не только перспектив германо-намибийских отношений, но и перспектив политики ФРГ в отношении бывших колоний в целом. Важно отметить, что вопрос исторической справедливости в последнее время приобретает значение в отношениях Германии и Танзании, на территории которой колониальные власти совершали не менее чудовищные деяния.

Поскольку рассматриваемая проблема, несмотря на актуальность, довольно слабо (за исключением работ Н. В. Ивкиной [2][3]) изучена в отечественной литературе, предлагаемая работа способна предложить свежий взгляд на имеющиеся тенденции и проблемы, а также предоставить материал для дальнейших исследований, посвященных колониальному прошлому Германии.

Цель предлагаемого исследования — определить ключевые особенности подхода ФРГ к постколониальному примирению с Намибией. В этом контексте центральным элементом, определяющим всю повестку дня, является степень готовности Берлина признать геноцид гереро и нама вместе с исходящей из этого ответственностью.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) Рассмотреть историю попыток исторического примирения с Намибией;
- 2) Изучить международно-правовые аспекты признания геноцида гереро и нама;
- 3) Рассмотреть практические шаги ФРГ в вопросе примирения с Намибией на современном этапе.

Исследование проводится в рамках постколониальной парадигмы, согласно которой вопрос колониального прошлого (в данном случае — геноцид гереро и нама) становится неотъемлемой частью отношений между бывшими метрополиями и колониями. Последовательное решение поставленных задач позволит оценить и перспективы германо-намибийского примирения.

Опыт преодоления колониального прошлого в отношениях с Намибией

Процесс германо-намибийского примирения, уместно разделить на три периода: 1989–2015 гг., 2015–2021 гг. и с 2021 г. по настоящее время. Первый промежуток характеризуется сдержанными попытками федерального правительства найти точки соприкосновения с Виндхуком. В период 2015–2021 гг. процесс примирения вышел на качественно новый уровень: в это время проводились двусторонние переговоры об урегулировании вопроса колониальных преступлений, завершившиеся, правда, неоднозначной «Совместной декларацией» 2021 г. С 2021 г. и по настоящее время прорывов в вопросе примирения не наблюдается, что будет показано далее.

Отправной точкой дискуссий об «ответственности» Германии перед Намибией стал ряд резолюций бундестага, принятых в 1989–1990 г. на фоне становления независимости южноафриканского государства. В одной из них, в частности, постулировалось, что в будущем отношения с Намибией для ФРГ будут иметь значение «основного направления политики развития» [4, S. 3]. Указывалось и на необходимость продвижения прав человека. Тем не менее, ни преступления Лотара фон Троты, ни тем более «геноцид» в резолюциях не упоминались.

На официальном уровне о «геноциде» немецкая сторона смогла заговорить лишь 15 лет спустя. Министр экономического сотрудничества и развития, Хайдемари Вичорек-Цоль, совершая в 2004 г. визит в Намибию по случаю столетней годовщины трагических событий, заявила, что действия Лотара фон Троты «с сегодняшней точки зрения можно называть геноцидом» [5]. От имени правительства министр попросила «прощения» у намибийской стороны и отметила, что «немцы признают <...> историческую и моральную ответственность» за деяния колониальных лет. Однако вскоре федеральное правительство заявило, что высказывания Вичорек-Цойль следует понимать лишь как выражение ее личного мнения [6]. Тем самым, хоть речь и не шла о полном, т.е. юридическом признании геноцида, официальный Берлин отказался признавать даже «моральную» вину за колониальные преступления. Вплоть до середины 2010-х гг. германская сторона не предпринимала качественно новых шагов в вопросе примирения с Намибией.

С мертвой точки ситуацию удалось сдвинуть лишь в 2015 году — тогда Берлин и Виндхук договорились начать двусторонние переговоры о заключении т.н. «соглашения о примирении» и назначили специальных посланников. Стоит отметить, что заинтересованность в переговорах имели обе стороны: для Германии «примирение» было равносильно выигрышу в репутации не только по отношению к Намибии, но и к другим развивающимся африканским странам, что могло бы выступить подспорьем в реализации и экономически-ориентированной «политики развития». Для намибийских же властей вопрос признания геноцида гереро и нама имел скорее внутриполитическое значение: еще в 2006 г. Национальная ассамблея Намибия приняла резолюцию, призывающую руководство страны надлежащим образом вести переговоры с Берлином о возмещении колониального ущерба [7]. Следовательно, принесение Германией должных «извинений» существенно укрепило бы позиции намибийских властей внутри страны. Тем не менее, роль могли сыграть и соображения выгоды от потенциального получения германских «репараций».

Совместная декларация 2021 г.

Однако ожидания Виндхука по итогам многолетних переговоров не оправдались. Наряду с этим положения парафированного в мае 2021 г. двустороннего документа [8] вызвали преимущественно негативную реакцию в обществе африканской страны. Декларация (официальное наименование — *«Объединенные в памяти о нашем колониальном прошлом, объединенные в нашем стремлении к примирению, объединенные в видении нашего будущего»*), собственно, во многом закрепляла давние заявления Х. Вичорек-Цойль. Германская сторона публично извинилась перед потомками жертв колониальных преступлений; подчеркивалось, что ФРГ «принимает на себя моральные, исторические и политические обязательства <...> предоставить необходимые средства для восстановления и примирения». В частности, было предусмотрено выделение 1,1 млрд. евро на тридцатилетний период в качестве «компенсации». Сумму планировалось потратить на «проекты развития» (направленные на районы проживания потомков гереро и нама) и сопутствующие им программы.

Наиболее спорным моментом оказалось то, что Германия признала совершавшиеся над гереро и нама жестокости «геноцидом с сегодняшней точки зрения», а следовательно, речь шла лишь о «политической» ответственности за колониальное прошлое Германии. В связи с этим выделенные на «проекты развития» суммы формально являлись добровольной выплатой, но никак не репарациями. Ситуация осложнялась и тем, что в Декларации закреплялась окончательность германских выплат: «Вышеупомянутые суммы решают все

финансовые аспекты вопросов о прошлом, затронутых в данной декларации». Тем самым выделенная сумма не подлежит корректировкам.

Данные аспекты совместного документа, ожидаемо, вызвали масштабные протесты внутри страны. Основные претензии намибийской общест-венности, и прежде всего отдельных ассоциаций гереро и нама, сводились к следующему. Во-первых, экономическая компенсация была отвергнута по причине скромного для тридцатилетнего периода объема (к тому же Виндхук в рамках переговоров запрашивал суммы в разы выше), а также из-за того, что речь не идет об официальных репарациях. Во-вторых, критике был подвергнут сам ход переговоров: представители гереро и нама, в особен-ности потомки жертв геноцида, якобы недостаточно вовлекались в двусто-ронние дискуссии и выработку решений, что было обязательным условием упомянутой резолюции Национальной Ассамблеи 2006 г. [9, S. 4]. Наконец, негативно оценивалось отсутствие ратификации соглашения в парламенте Намибии. Хотя в случае декларации эта мера формально не обязательна, все та же резолюция предполагала участие парламента в решении вопроса о примирении с Германией. Стоит отметить, что с сентября по декабрь 2021 г. в Ассамблее действительно велись острые дискуссии относительно «Совместной декларации». Тем не менее, дебаты были досрочно прекра-щены без голосования по инициативе спикера парламента [10].

Подход ФРГ к примирению с Намибией

Содержание «Совместной декларации» уже позволяет в общих чертах понять ключевые аспекты курса федерального правительства в вопросе при-мирения. Тем не менее, они нуждаются в более детальном рассмотрении. В общем и целом, речь идет о пяти особенностях:

- 1) Приверженность принципу *интертемпоральности* международ-ного права;
- 2) Как следствие, юридическая невозможность выплаты *репараций*;
- 3) Диалог по вопросам компенсации преимущественно с *официаль-ными властями* Намибии;
- 4) Предоставление компенсаций в форме финансирования «*проектов развития*»;
- 5) Практическая опора на «*Совместную декларацию*».

Принцип интертемпоральности международного права заключается в том, что законность тех или иных действий определяется их соответствием тем законам, которые существовали на момент их совершения [11]. Другими словами, во время совершения преступлений в Германской Юго-Западной Африке якобы не существовали нормы, запрещающие геноцид, к тому же сам термин «геноцид» был введен в оборот в 1944 г. Как отмечает германское

руководство, нормы Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него (1948 г.) не могут иметь обратной силы.

Научные службы бундестага довольно подробно изучили вопрос интертемпоральности и возможности выплаты репараций с юридической точки зрения, однако правовых оснований для юридического признания геноцида гереро и нама найти, опять же, не удалось [12]. Хотя в международном праве нет явного запрета на обратное действие тех или иных норм, такая возможность, в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров (1969 г.) должна быть явно предусмотрена в самом международном договоре. Оговорок об обратной силе Конвенция 1948 г. не содержит. Позиция официального Берлина относительно толкования Конвенции отражается и в заключении Международного суда от 2015 г. [13].

Соответственно, выплата репараций намибийской стороне гипотетически допустима лишь в двух случаях: при заключении ФРГ полноценного международного договора, обязывающего к их выплате, или же в случае, если Берлин и Виндук согласятся на признание обратной силы норм Конвенции 1948 г. применительно к двусторонним отношениям. Как итог, ФРГ готова признать (и признает) геноцид гереро и нама лишь в политическом, а не юридическом ключе, и это, в целом, не противоречит нормам международного права. Что касается вопроса возмещения, речь идет, опять же, лишь о «моральной» ответственности, состоящей в выплате добровольной компенсации, что и нашло свое отражение в «Совместной декларации».

Стоит сказать, что в международно-правовом отношении позиция ФРГ, пусть и являясь убедительной и правомерной, имеет ряд слабых мест. Так, немецкий юрист Маттиас Гольдманн, проведя исчерпывающее исследование [14], пришел к выводу, что гереро и нама не выступали лишь «подданными» кайзера, и при колонизации Намибии речь не шла о присоединении *terra nullius*, т.е. ничейной земли. Коренные общины фактически имели статус субъектов международного права, имели договорные отношения как между собой, так и с германскими колонизаторами (в последнем случае — неравноправные). И хотя нормы Гагской конвенции 1899 г. действительно распространялись лишь на «цивилизованные» государства, еще с середины XIX века в немецком юридическом сообществе была выдвинута идея «гуманитарного минимума», применимого к отношениям с «дикими» племенами. Кроме того, обычаи ведения войны существовали и среди коренных племен. Все вышесказанное говорит о том, что вопрос законности действий Лотара фон Троты остается открытым даже применительно к существовавшим на момент 1904 г. правовых норм и обычаев.

Более того, существует альтернативная трактовка принципа интертемпоральности, пусть и не вошедшая в международно-правовую практику

[12]. Согласно ей, особо тяжелые «преступления против человечества» не должны иметь срока давности, тем более что официальная позиция Берлина сталкивается с парадоксом, когда действия колониальных войск рассматривается через призму расистских и дискриминационных правовых норм. Наконец, существует прецедент добровольного отхода ФРГ от принципа интертемпоральности применительно к преступлениям нацистского режима (Холокост). Тем самым, гипотетически ФРГ способна сделать «исключение» и в отношениях с Намибией.

Не менее важным сюжетом в процессе «примирения» является характер привлечения представителей гереро и нама, включая потомков жертв геноцида, к переговорам и реализации достигнутых договоренностей. Официальная позиция ФРГ состоит в том, что с международно-правовой точки зрения соглашение между федеральным правительством и отдельными общественными группами невозможно, поскольку это означало бы «вмешательство во внутренние дела Намибии» и в целом нарушение принципа суверенитета [15]. Следовательно, оптимальным для Берлина форматом является эпизодическое привлечение представителей коренных общин к переговорам с официальными властями Намибии. Такая схема применялась и в рамках переговоров 2015–2021 гг., в рамках которых был образован т.н. «технический совет», имевший, правда, скорее совещательные функции. Естественно, по завершении переговоров данный процессуальный аспект стал одним из главных предметов критики со стороны активистов гереро и нама.

Примечательно в большей степени то, что в феврале 2023 г. специальные докладчики Управления Верховного комиссара ООН по правам человека составили письмо, адресованное федеральному правительству [16]. Документ носил довольно критический характер и сводился к тому, что «переговоры о примирении» проводились строго конфиденциально и без прямого участия затронутых групп, что нарушало резолюцию Национальной Ассамблеи 2006 г. Более того, составители письма подчеркнули, что статус гереро и нама как коренных народов является с международно-правовой точки зрения особенным и требует обеспечения их участия в принятии решений, непосредственно их затрагивающих. Наконец, было выражено сомнение в том, что добровольные «компенсации» могут считаться полноценным возмещением ущерба.

В ответном письме [10] германская сторона, помимо уже упомянутых соображений, отметила, что своими действиями не нарушала какие-либо права человека, поскольку обеспечение участия коренных народов, согласно действующим нормам международного права, является обязанностью намибийских властей, но никак не третьего государства. К тому же, поскольку официальные переговоры с отдельными лицами и группами вести невоз-

можно, выплата компенсаций может быть направлена лишь на общие проекты, в реализации которых участие принимают как намибийские власти, так и федеральное правительство, а значит финансирование «проектов развития» в областях проживания пострадавших — допустимое с правовой и моральной точки зрения решение.

Данная позиция тоже неоднозначна, поскольку даже научные службы бундестага допустили гипотетическую возможность компенсационных выплат, адресованных отдельным лицам или общественным группам [15]. Тем не менее, это стало бы довольно сложной процедурой, требующей как минимум принятия отдельного закона в бундестаге, не говоря уже о международно-правовых тонкостях (вопрос потенциального вмешательства во внутренние дела Намибии).

В общем и целом, на данный момент официальный Берлин отрицает необходимость полного пересмотра «Совместной декларации» и заключения нового соглашения, однако допускает составление дополнения (addendum) к Декларации, переговоры о котором до сих пор не завершены [10]. Вероятно, ситуация осложняется довольно жесткой позицией Берлина, состоящей в допустимости лишь сокращения сроков выплаты предусмотренных 1,1 млрд. евро, но никак не в изменении самой суммы. В любом случае, официальная позиция ФРГ состоит в соблюдении «Совместной декларации» даже в условиях, когда она остается лишь парафированной, и часть обещанных сумм уже была использована.

Факторы и мотивы германского курса

Очевидно, столь двойственная позиция ФРГ на современном этапе должна иметь объяснение, тем более что, как было показано ранее, даже с международно-правовой точки зрения полноценное признание геноцида и связанные с этим шаги теоретически допустимы. Наш на взгляд, основная причина «сдержанности» германского курса кроется в вопросе прецедента. Полноценное признание геноцидом колониальных преступлений со стороны бывшей метрополии (в данном случае — Германии) — шаг, имеющий далеко идущие последствия, сравнимые с эффектом «домино». В случае принятия подобного решения, стоило бы ожидать активизацию попыток других стран и сообществ добиться от бывших метрополий аналогичного по статусу решения — полного признания ответственности и должного возмещения ущерба [1, S. 16]. В случае ФРГ среди таких «кандидатов» выделяется прежде всего Танзания — подавление восстания Маджи-Маджи в 1905–1907 гг. унесло жизни как минимум 200 тысяч человек.

Кроме того, свою роль играют экономические соображения. Во-первых, «проекты развития» все же приносят определенную выгоду ФРГ, несмотря

на то, что их финансирование позиционируется как добровольный и безвозмездный шаг с немецкой стороны. Во-вторых, размеры гипотетических репараций существенно превышали бы 1,1 млрд. евро, обещанных Германией в «Совместной декларации». К тому же, репарации исключали бы любую возможность извлечения экономических дивидендов.

Поскольку ФРГ является парламентской республикой, принятие ключевых внешнеполитических решений, как правило, связано с должной расстановкой политических сил в бундестаге. В отношении процесса примирения с Намибией существует относительный консенсус. Другими словами, нынешний курс федерального правительства оспаривается лишь двумя партиями — «Левой» и «Альтернативой для Германии» (Далее — АдГ), однако фактически они являются «изгоями» политического процесса. Кроме того, критика производится с совершенно противоположных позиций: если представители АдГ призывают покончить с «культом вины» и не «извиняться перед людьми, которые совершенно не ждут извинений» [17, S. 24236], то «Левые», наоборот, призывают правительство в полной мере признать геноцид и полноценно возместить ущерб потомкам гереро и нама [18, S. 10691]. В остальном же СДПГ, ХДС/ХСС, СвДП и «Зеленые» имеют в принципе схожие позиции, состоящие в положительной оценке нынешнего курса, что практически исключает радикальные перемены в германской политике в ближайшее время.

Заключение

Как видно, окончательное примирение в германо-намибийских отношениях на данный момент не достигнуто, несмотря на предпринятые в этом направлении шаги. Германский подход к примирению с Намибией отличается двойственностью — налицо попытка найти своего рода «золотую середину». С одной стороны, Германия признает как минимум «моральную» ответственность за геноцид, стремится выплатить компенсации, пусть добровольные и опосредованные, а также готова пересмотреть ряд положений «Совместной декларации». С другой же стороны, исключается полное, юридическое признание геноцида, равно как возмещение ущерба затронутым сообществам и полный пересмотр достигнутых договоренностей. При этом позиция ФРГ имеет довольно прочные международно-правовые основания, несмотря на ряд допущений. Вопрос состоит скорее в морально-этической стороне вопроса, никак не в «законности» действий германского правительства. В этой связи подход федерального правительства отличается последовательностью и уверенной опорой на имеющиеся нормы международного права.

Так или иначе, стороны совершенно по-разному смотрят на будущее процесса примирения. Официальный Берлин готов лишь на незначитель-

ные, «косметичекие» уступки требованиям Виндхука. Намибийские власти, напротив, декларируют радикальный отказ от достигнутых договоренностей и призывают к переговорам с чистого листа. Подобные заявления следует оценивать критически. Во-первых, они довольно далеки от реальности. Во-вторых, нетрудно усомниться в их искренности, учитывая, что на фоне столь резких высказываний продолжают предметно-ориентированные переговоры о модификации уже имеющегося документа, но не о составлении нового. Как видно, намибийские власти стараются вести «двойную игру», пытаясь, с одной стороны, удовлетворить ожиданиям значительной части общества, а с другой — добиться от германской стороны как можно больших финансово-экономических уступок в рамках «примирения».

В ближне- и среднесрочной перспективе процесс преодоления колониального прошлого в германо-намибийских отношениях, вероятно, застопорится, а попытки учесть все пожелания намибийской стороны рискуют превратиться в своего рода «квадратуру круга». Существующие разногласия, тем не менее, не умаляют вклада ФРГ в процесс примирения, тем более что Германия на данный момент является первой страной среди бывших метрополий, признавшей пусть даже «моральную» ответственность за колониальные преступления и согласившейся на выплату добровольной компенсации. Уже этот факт сам по себе является значимым прецедентом.

Библиография

1. Kößler R., Melber H. Der Völkermord in Namibia und die deutsche Debatte / WeltTrends. Das außenpolitische Journal. 2015. S. 14–17.
2. Ивкина Н. В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 171–181.
3. Ивкина Н. В. Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 181–192.
4. Drucksache 11/4205 // Deutscher Bundestag. 1989. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/11/042/1104205.pdf> (accessed: 31.01.2024).
5. German minister says sorry for genocide in Namibia // The Guardian. 2004. URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/aug/16/germany.andrewmeldrum> (accessed: 31.01.2024).
6. Völkermord-Streit zwischen Deutschland und Namibia // Tagesspiegel. 2022. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/herero-und-nama-fordern-neues-versohnungsabkommen-und-hoffen-auf-die-grunen-8017774.html> (accessed: 31.01.2024).
7. Motion on the Ovaherero genocide // Genocide-Namibia.net. 2015. URL: https://genocide-namibia.net/wp-content/uploads/2015/02/2006_09_Motion_Genocide_nam_parliament-1.pdf (accessed: 31.01.2024)

8. Joint Declaration by the Federal Republic of Germany and the Republic of Namibia. // Deutsch-Namibische Gesellschaft e.V. 2021. URL: https://www.dngev.de/images/stories/Startseite/joint-declaration_2021-05.pdf (accessed: 31.01.2024).
9. *Russman N.* Abschluss des Aussöhnungsabkommen zwischen Namibia und Deutschland in Sicht? Konrad Adenauer Stiftung. 2021. 5 S.
10. Note No.: 159/2023 // UN Human Rights Office. 2023. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadFile?gId=37548> (accessed: 31.01.2024).
11. Intertemporal principle // ECCHR. URL: <https://www.ecchr.eu/en/glossary/intertemporal-principle/> (accessed: 31.01.2024).
12. Sachstand WD 2-3000-094/22 // Deutscher Bundestag. 2023. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/935068/06d354ea81fdc64d7dd41c501a785dd6/WD-2-094-22-pdf-data.pdf> (accessed: 31.01.2024).
13. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia) // International Court of Justice. 2015. URL: <https://www.icj-cij.org/case/118> (accessed: 31.01.2024).
14. *Goldmann M.* “Ich bin Ihr Freund und Kapitän“. Die deutsch-namibische Entschädigungsfrage im Spiegel intertemporaler und interkultureller Völkerrechtskonzepte. Max Plank Institute for Comparative Public Law and International Law. 2020. 29 S.
15. Sachstand WD 2-3000-067/21// Deutscher Bundestag. 2021. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/868674/e1e537a1e84079ffdbdda1995dee0ad/WD-2-067-21-pdf-data.pdf> (accessed: 31.01.2024).
16. AL DEU 1/2023 // UN Human Rights Office. 2023. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27875> (accessed: 31.01.2024).
17. Plenarprotokoll 19/192 // Deutscher Bundestag. 2020. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19192.pdf> (accessed: 31.01.2024).
18. Plenarprotokoll 20/89 // Deutscher Bundestag. 2023. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20089.pdf> (accessed: 01.02.2024).

Подписано к публикации 03.05.2024.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,75.
Заказ № 16994

Издательство Скифия-принт.
Адрес: 197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., д. 10
тел.: (812) 982 83 94,
эл. почта: skifa-print@mail.ru